

Ико Аберкромби

Полковник

Море Осколков

Джо Абберкромби
Полкороля

«ЭКСМО»

2014

Аберкромби Д.

Полкороля / Д. Аберкромби — «Эксмо», 2014 — (Море
Осколков)

ISBN 978-5-699-79569-7

В мире, где властвует грубая сила, юноше с одной рукой нет места. Именно поэтому принц Ярви, младший сын короля Гетланда, выбрал для себя путь Служителя, мудреца, сидящего не на троне, но подле него. Однако Рок распорядился иначе, и Ярви, не король, но «полкороля», вынужден занять отцовский престол. Ему придется столкнуться не только с крушением своих надежд, но и с ложью, жестокостью и предательством. Волею судьбы очутившись в странном обществе изгоев и отбросов, Ярви сможет наконец стать тем человеком, каким ему должно быть. Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-699-79569-7

© Аберкромби Д., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Часть 1	6
Большее благо	6
Долг	9
Путь к победе	12
Между богами и людьми	15
Голуби	20
Обеты	23
Мужская работа	27
Враг	31
Часть 2	35
Дешевле некуда	35
Одна семья	38
Взяли	42
Инструменты служителя	46
Глупец бьет	49
Дикари	54
Маленькие грязные тайны	59
Враги и союзники	63
Лишь один друг	68
Ждет смерть	71
Часть 3	76
Под давлением обстоятельств	76
Свобода	81
Лучшие бойцы	86
Доброта	91
Правда	95
Бегство	101
По реке	104
Только дьявол	107
Последняя схватка	111
Огненное погребение	117
Любая соломинка	120
Часть 4	125
Вороны	125
Дом твоего врага	128
Небывалые ставки	131
Во тьме	135
В бой за друга	139
Уговор с Матерью Войной	142
Последняя дверь	148
Сиденье для одного	151
Виновен	156
Под защитой	162
Меньшее зло	167

Джо Аберкромби

Полкороля

Посвящается Грейс

*Нету в пути
Драгоценней ноши,
Чем мудрость житейская
Старшая Эдда, Речи Высокого*

Joe Abercrombie

Half a King

Copyright © 2014 by Joe Abercrombie Ltd.

© Иванов Н., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

Часть 1

Черный престол

Большее благо

Лютый шторм бушевал той ночью, когда Ярви узнал, что он – король. Или, по крайней мере, полкороля.

Такой ветер гетландцы звали «ищушим», ибо он отыскивал любую щель и скважину и, как бы люди ни подпитывали огонь, как бы ни жались друг к другу, нес мертвенный хлад Матери Моря всякому жилищу.

Ветер терзал ставни узких окон матери Гундринг, и даже окованная железом дверь стучала о порог. Ветер дразнил пламя в очаге – пламя злобно плевалось и трещало, пририсовывало когти теням висевших повсюду сухих трав, мерцало на корне, который мать Гундринг подняла шишковатыми пальцами.

– А это?

С виду – обычный комок грязи, но Ярви выучил этот урок.

– Корневище черного языка.

– И для чего, мой принц, служителю брать его в руки?

– Служитель надеется, что брать его не придется. Его отвар без вкуса и цвета, но это – самый смертельный яд.

Мать Гундринг отбросила корень.

– Порой служитель обязан брать за темные и опасные вещи.

– Служители обязаны стремиться к меньшему злу, – сказал Ярви.

– И отмерять наибольшее благо. Верно. Пять ответов из пяти. – Один одобрительный кивок матери Гундринг, и Ярви зарделся от гордости. Одобрение служителя Гетланда не так легко заработать.

– На испытании загадки будут попроще.

– На испытании. – Ярви встревоженно потер скрюченную кисть сухой руки большим пальцем здоровой.

– Вы его пройдете.

– Откуда вам знать?

– Это долг служителя: сомневаться во всем...

– ...но всегда выражать уверенность, – закончил он за нее.

– Ну вот! Вас-то я знаю. – Это правда. Лучше нее его не знал никто, даже родная семья. Особенно родная семья. – У меня еще не было столь сообразительного ученика. Вы пройдете с первого раза.

– И перестану быть принцем Ярви. – При этой мысли он почувствовал лишь облегчение. – У меня не будет ни семьи, ни наследных прав.

– Вы станете братом Ярви, а вашей семьей станет община служителей. – Огонь высветил у глаз матери Гундринг морщинки улыбки. – Вашим наследством станут травы, и книги, и тихое слово. Вы будете давать советы и помнить, врачевать и говорить правду, познавать тайные пути и на всех наречиях торить дорогу для Отче Мира. Как пыталась поступать я. Это – самое доблестное из занятий, какую б чушь ни горланили на боевой площадке мускулистые олухи.

– Поди не прими всерьез этих мускулистых олухов, когда ты тоже там, на площадке.

– Хе. – Она покатила языком по небу и сплюнула в огонь. – После испытания вам придется на нее выходить лишь затем, чтобы перевязывать разбитые головы, если у них не зала-

дится тренировка. Однажды вы примете мой посох. – Она кивнула на приставленный к стене заостренный прут из эльфийского металла, с поверхностью, покрытой выпуклостями и впадинками. – Однажды вы сядете у Черного престола, и вас назовут отцом Ярви.

– Отцом Ярви. – Он поерзал на табурете при этой мысли. – Мне не хватает мудрости. – Он хотел сказать «не хватает храбрости», но ему не хватило храбрости это произнести.

– Мудрости учатся, мой принц.

Он вытянул к свету свою левую, ту самую, руку.

– А как же руки? Их обучить вы готовы?

– Вам не хватает руки, но боги наградили вас дарами ценнее.

Он усмехнулся.

– Вы про мой чудный певчий голосок?

– А хоть бы и так? И скорый ум, и способность к сопереживанию, и силу. Силу, благодаря которой человек обретает величие – не короля, но служителя. Отче Мир прикоснулся к вам, Ярви. Запомните накрепко: сильных много, мудрых – единицы.

– Теперь ясно, почему лучшие решения служителей проходят через женские руки.

– И, как правило, лучший чай. – Гундринг отхлебнула из чаши, которую он приносил ей каждый вечер, и снова одобрительно кивнула. – Но вот и еще один ваш великий дар – заваривать превосходный чай.

– Неслыханный подвиг. А когда я из принца превращусь в служителя, вы будете меньше мне льстить?

– Вам достанется столько лести, сколько заслужите. А за все остальное – моим башмаком по заднице.

Ярви вздохнул.

– Над кое-чем перемены не властны.

– Теперь за историю. – Мать Гундринг выдвинула с полки одну из книг, с золоченого переплета подмигнули красные и зеленые камни.

– Сейчас? Мне вставать с Матерью Солнцем, кормить ваших голубей. Я собирался немного поспать, прежде...

– Я позволю вам спать, когда пройдете испытание.

– Не позволите же.

– Вы правы, не позволю. – Она лизнула палец и начала перелистывать, захрустели древние страницы. – Скажите, принц, на сколько частей эльфы разбили Бога?

– Четыре сотни и девять. Четыре сотни Малых богов, шесть Высоких богов, первого мужчину, первую женщину и Смерть, что сторожит Последнюю дверь. Но разве тема эта в пору служителю, а не прядильщику молитв?

Мать Гундринг поцокала языком:

– Служителю в пору любое знание, ибо обуздать возможно лишь познанное. Назовите шесть Высоких богов.

– Мать Море и Отче Твердь, Мать Солнце и Отче Месяц, Мать Война и...

Грохнув, дверь распахнулась настежь, и ветер-искатель ворвался в покои. Огненные завитки в очаге встрепенились, так же как Ярви, и заплясали, озаряя бликами сотню и сотню пузырьков и склянок на полках. Фигура входящего запнулась о порог, задевая связки сухих растений, закачавшихся, словно висельники.

Это был Одем, дядя Ярви. Мокрые от дождя волосы липли к его бледному лицу, и одышливо вздымалась грудь. Широко распахнув глаза, он уставился на Ярви и открыл рот – но не издал ни звука. Тут и без дара сопереживания ясно, что его сгибает гнет тяжелой вести.

– Что такое? – сорванно каркнул Ярви, страх сдавил его горло.

Дядя упал на колени, руками в несвежую солому. Он склонил голову и тихо, хрипло выговорил два слова:

– Мой государь.

Вот так Ярви узнал, что его отца и брата не стало.

Долг

Они вовсе не выглядели мертвенно.

Только очень бледно – на двух холодных каменных возвышениях, в холодном зале, в натянутых по локти саванах, у обоих на груди блистали мечи. Ярви все ждал, что брат вот-вот скривит во сне губы. Что отец распахнет глаза и окинет его знакомым презрительным взглядом. Но нет. Больше ни тот, ни другой так делать не будут.

Смерть раскрыла перед ними Последнюю дверь – из ее притвора не выходят обратно.

– Как это случилось? – с порога заговорила мать. Голос ее, как всегда, не дрогнул.

– Их предали, о королева, – прошептал дядя Одем.

– Я больше не королева.

– Конечно... прости, Лайтлин.

Ярви вытянул руку и мягко дотронулся до отцовского плеча. Холодное. Интересно, когда в последний раз он прикасался к отцу? Хоть раз прикасался? Он почти наизусть запомнил последний их разговор. Несколько месяцев тому назад.

Мужчина сечет косой и рубит секирой, говорил отец. Мужчина налегает на весла и вяжет тугие узлы. А главное – мужчина носит щит. Мужчина держит строй. Мужчина встает бок о бок со своим соплеčníком. Разве мужчина тот, кто ни на что из этого не способен?

Я не просил себе полруки, сказал тогда Ярви, как обычно стоя на полосе выжженной земли в битве между стыдом и яростью.

А я не просил себе полсына.

А теперь король Атрик был мертв, и его королевский венец, ужатый кузнецами в короткий срок, тяжело давил Ярви на лоб. Куда тяжелее, чем полагалось тонкому золотому ободку.

– Я спрашиваю, как они умерли? – повторила мать.

– Они отправились обсуждать мировую с Гром-гиль-Гормом.

– С проклятыми ванстерцами мириться нельзя, – пробасил Хурик, Избранный Щит матери.

– Мы обязаны свершить месть, – произнесла мать.

Дядя попытался развеять бурю.

– Вначале идут дни скорби. Верховный король запретил объявлять войну, пока...

– Месть! – Ее голос кромсал, как битое стекло. – Скорую, словно молния, жгучую, словно пламя.

Ярви украдкой взглянул на тело брата. Вот кто и скор, и жгуч, вернее – был прежде. Толстошей, крепко сбитый – у него уже пробивалась темная, как у отца, борода. Непохож на Ярви всем, чем только можно. Брат любил его... скорее всего. Любовью с кулаками, где протянутая рука дружбы обычно предвещала оплеуху. Так любят того, кто обречен вечно перед тобой ползать.

– Месть, – рыкнул Хурик. – Ванстерцы нам заплатят сполна.

– Да провались пропадом эти ванстерцы! – воскликнула мать. – Надо принудить к послушанию наших. Надо показать им, что юный король тверд, как железо. А когда они с радостью покорятся, вот тогда и горюй, пусть хоть Матерь Море разольется от слез.

Дядя тяжело вздохнул.

– Стало быть, месть. Лайтлин, а он-то – готов? Он же не воин...

– Готов – не готов, а сражаться будет! – отрезала мать. Рядом с Ярви люди нисколько не стеснялись его обсуждать – будто он не только искалечен, а и оглох. Его внезапный приход к власти, похоже, никого не вылечил от этой привычки. – Начинайте приготовления к большому набегу.

– Где мы ударим? – спросил Хурик.

– Знай одно – ударим. Оставь нас.

Ярви услышал стук двери и тихие шаги матери по холодным плитам.

– Хватит плакать, – проговорила она. И только сейчас Ярви осознал, что глаза его полны влаги, и вытер их, и ему стало стыдно. Ему вечно было стыдно.

Мать обхватила его за плечи.

– Выпрямись, Ярви.

– Прости, – проронил он, пытаясь на манер брата выпятить грудь. Он вечно просил прощения.

– Теперь ты – король. – Она поправила съехавшую застежку его плаща, попыталась пригладить блекло-соломенные волосы – коротко подрезанные, но все равно непослушные, и прислонила к его щеке прохладную ладонь. – Никогда не проси прощения. Ты перепояшешься мечом отца и поведешь воинов в набег на Ванстерланд.

Ярви сглотнул. Одна мысль идти в набег бросала его в ужас. А самому вести его?

Одем, должно быть, разглядел его страх.

– Я буду вашим соплеčníком, государь. Мой верный щит всегда рядом. Пока хватит сил – я помогу во всем.

– Спасибо, – прошептал Ярви. Кто бы помог ему уплыть в Скегенхаус, чтобы после испытания на слугителя тихо жить в тени, а не гореть на виду у всех от стыда? Но эта мечта уже прах. Сродни скверно замешенной известке рассыпаться в мелкие крошки – удел всех его упований.

– Твой долг – отплатить Гром-гиль-Горму страданием и болью, – произнесла его мать. – А после твоим долгом станет женитьба на двоюродной сестре.

Он лишь вытаращился в стальные серые глаза матери. Слегка снизу вверх – ведь он до сих пор до нее не дорос.

– Что?

Ласковое прикосновение превратилось в мертвую хватку капкана.

– Слушай, Ярви, и запоминай. Ты – король. И пусть ни ты, ни я ничего подобного не хотели, все равно нам от этого никуда не деться. В твоей руке – наше будущее, но рука твоя свисает над пропастью. Тебя не чтут и не уважают. У тебя мало союзников. Ты обязан скрепить нашу семью браком с дочерью Одема, Исриун, так же, как был обязан твой брат. Все уже обговорено. Все согласны.

Дядя Одем наскоро растапливал лед:

– Для меня, государь, нет большего счастья, чем стать вашим тестем и своими глазами увидеть, как навек соединятся наши семьи.

О счастье Исриун он не обмолвился, отметил Ярви. Равно как и о его счастье.

– Но...

Брови его матери отвердели. Глаза сузились. Он видывал, как отважные герои трепетали под ее взглядом, а Ярви героем не был.

– Я была помолвлена с твоим дядей Атилем, о чьем владении клинком до сих пор шепчутся ратники. Твой дядя Атиль должен был стать королем. – У матери надломился голос, словно слова причиняли боль. – Когда Мать Море поглотила его и на берегу воздвигли пустой курган, я вышла за твоего отца. Свои чувства я пустила побоку и делала то, что должно. Так поступишь и ты.

Ярви покосился на пригожее тело брата, недоумевая, как она может рассуждать так спокойно, стоя на расстоянии вытянутой руки от мертвого мужа и мертвого сына?

– Ты не плачешь по ним?

Лицо матери стянула внезапная судорога, вся ее тщательно наведенная красота треснула и разбилась. Губы разошлись в оскале, веки сморщились, жилки на шее застыли камнем. Дол-

гий леденящий миг Ярви не понимал – то ли она ударит его, то ли разразится рыданиями, и не знал, что пугает его сильнее. А потом – прерывистый вдох, мать уложила на место выбившуюся прядь золотистых волос и снова стала собой.

– Хотя кто-то из нас должен быть мужчиной. – Преподнеся это истинно по-королевски, она повернулась и вышла прочь из покоев.

Ярви стиснул кулаки. Вернее, стиснул один кулак, а на второй руке прижал большой палец к скрюченному обрубку.

– Благодарю за поддержку, матушка.

Он вечно злился. Но уже тогда, когда его злость ничего не могла поправить.

Дядя шагнул к нему, выговаривая мягко, словно пугливому жеребенку:

– Послушайте, мать любит вас.

– Любит?

– Ей надо быть сильной. Ради вас. Ради страны. Ради вашего отца.

Ярви переводил взгляд с мертвого отца на дядю. Так похожи и такие разные.

– Слава богам, ты со мной, – проговорил он, и слова ободрали горло. В его семье все-таки есть тот, кому он не безразличен.

– Ты уж прости, Ярви. Правда, прости. – Одем положил руку на плечо племянника, в глазах блеснули слезы. – И все же Лайтлин права. Мы должны поступать во благо Гетланда. Придется пустить побоку наши чувства.

Ярви горько вздохнул.

– Понимаю.

Его чувства всем были побоку, сколько он себя помнил.

Путь к победе

– Сегодня, Кеймдаль, ты бьешься с королем.

Ярви подавил дурацкий смешок, когда услышал, как мастер оружия называет его этим словом. Кажется, десятков восемь молодых бойцов напротив него тоже душит хохот. Или наверняка будет душить при виде того, как дерется новый король. И уж вне всяких сомнений, Ярви тогда будет не до смеха.

Теперь они его подданные. Его слуги. Его люди, принесшие клятву умереть за малейший королевский каприз. И все равно сейчас их ряд куда более походил на нелюдимый вражий строй, чем в те времена, когда он выходил к ним мальчишкой.

Мальчишкой же он себя и ощущал. Куда более мальчишкой, чем раньше.

– Сочту за честь. – И Кеймдаль, не выказывая особой чести, вышел из-за спин товарищей на боевую площадку. В кольчуге он двигался проворнее девицы в сорочке. Он принял щит, взял деревянный меч, и воздух загудел от пары грозных взмахов. Всего-то на год старше Ярви – но с виду не меньше чем на пять: на полголовы выше, много шире в груди и плечах, и на его скуластом лице уже хвастливо выпирала рыжая щетина.

– Готовы, государь? – прошептал на ухо Одем.

– Естественно, нет, – прошипел Ярви, но деваться некуда. Король Гетланда обязан быть горячо любящим сыном Матери Войны, каким бы к ней негодным он ни был. Старые, бывалые воины расположились вокруг площадки, и Ярви должен им показать, что он не просто одно-рукое позорище. Должен отыскать способ выиграть. *На все найдется свой способ*, как часто говаривала мать.

Но вопреки своим неоспоримым дарам – острой мысли, сопереживанию и чудесному певчему голосу, придумать этот способ не удавалось.

Сегодня квадрат боевой площадки разметили на песчаном пляже – отсчитали по восемь шагов на сторону и по углам врыли копыя. Каждый раз для учебных боев выбиралась новая местность – утесы, леса, болота, узкие улочки Торлбю и даже река – ведь щитоносец Гетланда обязан быть одинаково готовым сражаться, где бы бой его ни застал. Или одинаково неготовым – как в случае Ярви.

Но в основном в землях у моря Осколков бились на его неровных, зазубренных побережьях – поэтому и упражнялись они чаще всего у воды, а Ярви наедался песка до отвала, когда корабль вытаскивали на берег. После того как Матерь Солнце закатится за холмы, бывалые воины будут рубиться здесь по колено в салке, а пока прибой шелестел за плоским илистым полем с зеркальными овалами луж, промокнуть можно было только от влажного соленого ветра да от пота ручьем – Ярви так и не свыкся с весом кольчуги.

Боги, как же он ненавидел кольчугу. Как ненавидел мастера Хуннана, своего многолетнего главного мучителя! Как омерзительны все эти мечи и щиты, как отвратительна боевая площадка, как невыносимы воины, приходящие сюда как к себе домой. А самое ненавистное – вот это издевательство на месте руки, означавшее, что он никогда не станет одним из них.

– Следите за положением ног, государь, – шепнул Одем.

– За мои ноги не беспокойся, – огрызнулся Ярви. – Их у меня хотя бы две.

За три года он ни разу не притрагивался к мечу, сидя безвылазно в покоях матери Гунд-ринг над травами и именами малых богов. Он зубрил чужеземные наречия и с особым старанием оттачивал мастерство писаря. Пока его учили заживлять раны, эти мальчишки – эти мужчины, подумал он с горечью во рту – не щадя сил учились их наносить.

Одем ободряюще хлопнул его по плечу – и едва не сбил с ног.

– Щит не опускайте. Выжидайте удачный момент.

Ярви усмехнулся. Если ждать, когда наступит удачный для него момент, они проторчат здесь, пока всех не смоет приливом. Его щит туго примотали к сухой руке ремешками, и большой палец вместе с обрубком уцепились за рукоятку. Локоть жгло уже до плеча, стоило только дать тяжелой штукковине просто повиснуть.

– Наш государь давно не ступал на площадку, – объявил наставник Хуннан, морщась, будто слова резали рот. – Давайте сегодня помягче.

– Постараюсь не излупить его до полусмерти, – выкрикнул Ярви.

Кое-где пронесся смех, но королю в нем слышался душок издевки. Шутки в бою – плохая замена крепким мышцам и щиту в твердой руке. Ярви взглянул Кеймдалю в глаза и подметил в них налет превосходства – и про себя повторил то, что сильных много, а мудрых – единицы. Слова, даже в его собственной голове, прозвенели впустую.

Наставник Хуннан не улыбнулся. Ни одна шутка не была настолько смешной, ни одно дитя настолько умильным, ни одна женщина настолько прекрасной, чтобы разок хоть чуточку изогнулись его железные губы. Он лишь пристально посмотрел на Ярви, как всегда с безмолвным презрением – хоть то принц был перед ним, хоть король.

– Начали! – пролаял его голос.

Если быстро – значит милосердно, то это была милосердная схватка.

Первый рубящий взмах обрушился на щит Ярви, хилые пальцы выпустили рукоятку, и обод попал ему в рот, ноги запнулись. Следующий он отразил, тело еще что-то помнило о прошлых занятиях, поэтому удар лишь прошелся вскользь по плечу да онемела ушибленная рука. Но третьего он не увидел вообще, резко стало очень больно, когда голень уехала вбок и он рухнул на спину. Из легких, точно из рассеченных мехов, со свистом ушел весь воздух.

Некоторое время он лежал и моргал. До сих пор ходили рассказы о том, какое несравненное умение показывал на боевой площадке дядя Атиль. Кажется, выход Ярви тоже запомнят надолго. Увы, совсем по другой причине.

Кеймдаль воткнул деревянный меч в песок и протянул руку.

– Государь. – Ярви показалось, что его рот кривит тайная насмешка, спрятанная куда глубже обычного.

– Ты научился сражаться за прошедшие годы, – выдавил Ярви сквозь стиснутые зубы, выкручивая из бесполезных ремешков щита увечную руку – и Кеймдалю ничего не осталось, как взяться за нее, чтобы поднять короля на ноги.

– Как и вы, государь, – до скрюченной руки Кеймдаль дотронулся с видимым отвращением, и Ярви, само собой, на прощание щекотнул его обрубком пальца. Дешевый жест, но слабому в пору довольствоваться и мелкой местью.

– А я разучился совсем, – пробормотал Ярви, пока Кеймдаль шел обратно к соратникам. – Это ж надо!

Среди молодых учеников он засек девичий взгляд. Лет тринадцать, похоже – глаза горят, черные волосы развеваются вокруг острых скул. Пожалуй, надо сказать Хуннану спасибо, что не выбрал ее для его избиения. Может, следующее унижение таким и будет.

Мастер оружия насмешливо покачал головой и отвернулся – и в Ярви вскипела злость, жгучая, как зимний горный поток. Пускай всю отцовскую силу унаследовал брат, зато он сполен впитал его лютую ярость.

– Устроим еще одну схватку? – отчеканил король тем, кто стоял на той стороне.

У Кеймдаля поползли брови вверх, а потом он пожал широченными плечами и поднял меч со щитом.

– Как прикажете.

– Таков мой приказ.

Среди мужчин постарше пробежал ропоток, и еще суровее насунился Хуннан. Им что, надо и дальше терпеть этот постыдный балаган? Если позорится их король, то позор ложится на них самих, а с Ярви они не оберутся сраму до конца своих дней.

Дядя аккуратно взял его под руку.

– Государь, – мягко и вкрадчиво проворковал он. Он вечно такой мягкий и вкрадчивый, как ветерок в летний вечер. – Вероятно, вам не стоит перенапрягать силы...

– Разумеется, ты прав, – сказал Ярви. *Глупец – раб своего гнева*, как-то раз объяснила ему мать Гундринг. *Для мудрого его гнев – оружие*.

– Хурик. Становись за меня.

– Слушаюсь, государь, – громыхнул тот и, не сходя с места, просунул руку в сплетение ремней выпавшего щита. Ярви вручил ему учебное оружие. В громадном, заскоружлом кулачище Хурика меч смотрелся совсем игрушечным. Можно было расслышать тяжелую поступь, когда воин занимал место против Кеймдаля. Который вдруг опять стал обычным шестнадцатилетним подростком.

Хурик пригнулся в стойке, вминая башмаки в песок. Потом оскалил зубы и испустил боевой рык, глубокий, ритмичный, все громче и громче, пока от него, кажется, не заходила ходуном вся площадка. А Ярви увидел, как в глазах Кеймдаля растут сомнение и страх, именно так, как в его давнишней мечте.

– Начали, – отдал команду он.

Эта схватка закончилась еще быстрее той, но никто в здравом уме не назвал бы ее милосердной.

Надо отдать Кеймдалю должное, он отважно прыгнул к противнику, но Хурик поймал на меч его взмах, деревянные клинки скрежетнули. Затем, вопреки своим огромным размерам, телохранитель с быстротой змеи сблизился рывком с противником и жестким пинком подсек Кеймдалю ноги. Падая, парень завыл, но лишь до тех пор, пока кромка щита Хурика с гулким звоном не врезалась ему чуть выше глаз – и сшибла его наземь, едва ли не бездыханного. Мрачно Хурик шагнул вперед, поставил башмак Кеймдалю на руку, ту, которая держала меч, и прижал ее каблуком. Кеймдаль застонал, половину искаженного гримасой лица облепил песок, на другой половине чертила полосы кровь с рассеченного лба.

Девушки могли поспорить, но Ярви счел, что сейчас молодой боец как никогда хорош собой.

И, сверкнув глазами, оглядел воинов тем взглядом, которым его мать смотрела на не угодившего ей раба.

– Один в мою пользу. – И он перешагнул валяющийся меч Кеймдаля и гордо вышел с площадки, специально выбрав дорогу так, чтобы наставник Хуннан зашаркал, убираясь с пути.

– Неблагодарно и мелочно, государь, – сказал дядя Одем, подстраивая шаг. – Но не сказать, что не смешно.

– Рад был доставить повод для смеха, – буркнул Ярви.

– Более того, повод для гордости.

Ярви покосился на дядю, и тот посмотрел в ответ – спокойно и ровно. Он всегда такой спокойный и ровный, словно поле под свежим снегом.

– О славных победах слагают отличные песни, Ярви, но и бесславные победы не хуже, коль над ними чуток поработают барды. А вот славные поражения – поражения и только.

– На поле боя не бывает правил, – сказал Ярви, вспоминая, как слышал от отца нечто подобное – когда тому, пьяному, надоедало орать на собак.

– Вот именно. – Одем опустил на плечо Ярви сильную ладонь, и Ярви подумалось: какой счастливой могла бы стать его жизнь, будь его отцом дядя Одем. – У короля есть один долг – побеждать. Остальное – пыль.

Между богами и людьми

– ...Матерь Солнце и Отче Месяц, осияйте лучами злата и серебра союз Ярви, сына Лайтлин, с Истриун, дочерью Одема...

Статуи шести Высоких богов безжалостно взирали с высоты гранатовыми глазами. Над ними, в нишах вокруг купола сияли янтарные изваяния богов Малых. Все они оценили Ярви по достоинству и наверняка признали столь же скверным выбором, каким себя считал и он сам.

Он подвернул высохшую кисть и попытался засунуть ее в рукав. Всяк в Зале Богов отлично знал, что у него там – на конце левой руки. Вернее, чего там не было.

И все равно он старался это скрывать.

– Матерь Море и Отче Твердь, даруйте им доброй погоды и доброго оружия...

В середине зала, на помосте, стоял Черный престол. Пережиток эльфийских времен, со дней до Сокрушения Божия – откованный в неизвестном горниле из цельного слитка черного металла, невероятно изящный и невероятно крепкий – и несчетные годы не оставили на нем ни единой царапины.

Сиденье королей, между богами и людьми. Куда уж – слишком высокое для того, чтобы на него сел такой червяк, как Ярви. Даже смотреть на него и то казалось недостойным.

Он-то готовился стать служителем. Отказаться без долгих дум от возможности иметь жену и детей. Поцеловать по завершении испытания праматерь Вексен в старческую щеку – таков, как он надеялся, будет предел его успеха у дам. А теперь ему суждено разделить свою жизнь, какая та ни есть, с едва знакомой девушкой.

Ладонь Истриун ткнулась как неживая, руки обоих замотали священной тканью в кургузый сверток. Они схватились друг за друга – связаны одной лентой, прижаты бок о бок родительской волей, скованы воедино высшим благом Гетланда, – и все равно меж ними раскинулась непреодолимая пропасть.

– О, Тот, Кто Возращивает Семя, даруй им здравый приплод...

Ярви знал, о чем думают гости. *Даруй не увечный приплод. Не однорукий приплод.* Он урывком глянул на девушку – маленькую, хрупкую, белокурую – ту, кому полагалось стать женой его брата. Ей страшно и немного нехорошо. А кому было б легче, на выданье силком за полмужчины?

Все это – лучшее из худшего. Всеми оплаканный праздник. Согласие по несчастью.

– О, Та, Кто Крепит Замки, храни и берегай их очаг...

Наслаждался один Брюньольф Молитвопряд. Он уже раз выткал неохватно громоздкое святое благопожелание для Истриун, на помолвке с братом, а сейчас – пусть не к ее, но к своему большому восторгу – заполучил вторую попытку. Голос его бубнил, заклиная и Высоких, и Малых богов одарить их поля плодородием, наделить их рабов покорностью – так что призыв воздать их кишкам бесперебойность не удивил бы никого из собравшихся. Ярви сник под отцовской меховой накидкой, заранее ужасаясь грядущим размахом благословений Брюньольфа – на самой свадьбе.

– О, Та, За Кувшином, пролей благополучие на королевскую чету сию, на породивших их, и на подданных их, и надо всей землею Гетской.

Прядильщик молитв отступил назад, довольный собой, словно молодой отец. Его подбородок скрылся, утонув в жировых складках.

– Я ненадолго, – сказала мать Гундринг, едва не подмигнув Ярви. Он издал сдавленный смешок, но тут наткнулся на материнский взгляд – ледяной, как зимнее море, – и другой смешок подавлять не потребовалось.

– На двух столпах зиждется королевство, – проговорила старая служительница. – Сильный король у нас уже есть.

Не рассмеялся никто. Завидное самообладание.

– Вскоре, божьей волей, у нас будет и сильная королева. – Ярви видел, как затрепетало бледное горло Истриун, когда та сглотнула.

Мать Гундринг поманила Лайтлин и дядю Одема – он один из всей публики казался счастливым – наложить руки на перевязь, освящая союз. Затем, с явным усилием, она воздела к потолку свой посох – трубчатый стержень того самого эльфа металла, которым поблескивал Черный престол.

– Обет дан!

Вот и все, и Истриун не спросили об ее мнении, равно как не спросили и Ярви. Похоже, здесь мало кого тревожит мнение королей. Уж точно не этого короля. Зрители, крепкая сотня, а то и больше, услужливо вскинулись хлопнуть. Мужчины – главы величайших среди домов Гетланда, с увитыми золотом пряжками и рукоятями мечей – в знак поддержки лупили себя в широкую грудь увесистыми кулачищами. На другой половине зала женщины – в блеске умощенных волос, с ключами от усадеб на инкрустированных цепочках – пристойно постукивали пальцами по надушенным ладоням.

Мать Гундринг размотала священную ткань, и Ярви вырвал оттуда здоровую руку, ярко-розовую, в мурашках. Дядя прихватил его за плечо и проговорил на ухо:

– Молодец! – Хотя Ярви просто стоял на месте да подпел следом несколько строк обета – едва ли осознанно.

Гости в ряд повалили прочь, и с гулким стуком Брюньольф затворил двери зала. Истриун и Ярви остались одни – перед богами, Черным престолом, грузом неясного будущего и целым океаном неловкого молчания.

Истриун осторожно потеряла руку, в которой только что лежала ладонь Ярви, и уставилась в пол. Он тоже уставился в пол, и не то чтобы на полу имелось много занятного. Прочистил горло. Подвинул перевязь меча. Как ни крути, висит неудобно. Сдается, удобнее уже не станет.

– Извини, – наконец сказал он.

Она подняла голову, одним глазом сверкнув в полумраке.

– За что извиняетесь? – И, вспомнив, неуверенно добавила: – Государь?

Он едва не сказал – *за полмужчины на месте мужа*, но остановился на:

– За то, что моя семья передает тебя из рук в руки, как чашу на пиру.

– На пиру любой был бы рад ухватиться за чашу. – Она понуро улыбнулась. – Это мне в пору просить прощения. Представьте меня королевой. – И она фыркнула, будто не слыхивала шутки глупее.

– Лучше меня представь королем.

– Вы и есть король.

Он опешил. С головой погруженному в свои изыяны, ему оказалось невдомек, что она могла зарыться в своих. От этой мысли, как часто случается при чужих невзгодах, он чуточку приободрился.

– Ты справишься с отцовским двором. – Он посмотрел на золотой ключ у нее на груди. – Забота не из простых.

– А королева управляет делами всей страны! Любой подтвердит: твоя мать – искусница, которой нет равных. Лайтлин, Золотая Королева! – Она произнесла имя, точно волшебное заклятье. – Говорят, ей обязаны тысячью тысяч услуг и за честь почитается стать ее должником. Говорят, у купцов ее слово дороже золота, ведь золото может упасть в цене, но слово твоей матери – никогда. Говорят, менялы с дальнего севера бросили молиться богам и вместо них поклоняются ей.

Девушка говорила все быстрее, и прикусывала ногти, и тянула себя за пальцы, широко распахнув глаза.

– Ходит молва – она несет серебряные яйца.

Впору расхохотаться.

– Вот это, я вполне уверен, неправда.

– Зато она выстроила зернохранилища, и велела прорыть каналы, и отдала под плуг новые земли – и теперь у нас больше не будет голода, когда люди тянули жребий, кому искать жительство за морем. – Пока Исриун говорила, ее плечи ползли вверх и теперь сжимались вровень с ушами. – Со всех концов света люди стекаются торговать в Торлбю. Город утроился – даже пришлось пробивать стены, и твоя мать выстроила новые, а потом пробила и эти.

– Да, но...

– Я знаю про ее великий замысел – чеканить все монеты единым весом, и эти монеты разойдутся по всем краям моря Осколков, и ее лик на монетах делается обеспечением каждой торговой сделки, и она станет богаче самого Верховного Короля в Скегенхаусе! Неужто... я? – Плечи Исриун поникли, она щелкнула ключ на груди, и тот закачался на золотой цепочке. – Как, такая, как я?..

– На все найдется свой способ, – Ярви поймал ее за руку, прежде чем остатки ногтей снова попали на зубы. – Мать и будет тебе помогать. Она же твоя тетка!

– Она станет помогать – мне? – Вместо того чтобы вывернуться, она привлекла его ближе. – Могучим воином был ваш отец, но ведь верно: из двух родителей он наводил на сыновей меньше страху?

Ярви улыбнулся, не отрицая сказанное.

– Тебе зато повезло. Дядя всегда спокоен, как лесной пруд.

Исриун бросила на двери пугливый взгляд.

– Знали бы вы отца так, как я.

– Ну тогда... тебе помогать буду я. – Полутра он продержал ее за руку, и та казалась снулой рыбиной в его занемелой ладони. А теперь совсем другая – прохладная, сильная и очень-очень живая. – Не в этом ли суть женитьбы?

– Не только в этом. – Девушка оказалась вдруг совсем рядом – в глазах отразился мерцающий свет, меж раздвинутых губ мелькнули белые зубы.

От нее шел запах – не кислый, не приторный, он не называл бы какой. Тонкий и легкий – но у него защемило сердце.

Он подумал, надо ли закрыть глаза, а потом глаза закрыла она, так что закрыл и он, и оба неуклюже ткнулись носами.

По щеке пробежало ее дыхание, и лицо вспыхнуло пламенем. Обжигающе жарким.

Их губы едва успели коснуться, как он отшатнулся прочь, степенно – как спугнутый заяц, чуть не упав от того, что нога запнулась о меч.

– Простите. – Она снова съежилась и потупилась в пол.

– Извиняться впору мне. – Ярви тратился на извинения малость поболее, чем полагается королю. – Это я самый жалкий во всем Гетланде. Мой брат, несомненно, целовал тебя куда лучше. Дело, думаю, в... большем опыте.

– От вашего брата мне доставались одни разговоры о его боях и победах, – пробормотала она куда-то в сторону своих ног.

– Со мною этого не опасайся. – Зачем он так – то ли хотел огоршить невесту, то ли в отместку за несостоявшийся поцелуй, – но он вытряс из рукава скрюченную руку, и та протянулась меж ними двумя – во всем своем безобразном уродстве.

Он ждал, что она побледнеет, вздрогнет, отступит. Но Исриун лишь задумчиво смотрела на его кисть.

– Болит?

– Да нет... не особо.

И тут она потянулась, скользнула по узловатым костяшкам и надавила большим пальцем на искривленную ладонь. И у него перехватило дыхание. Никто, никогда не дотрагивался до этой руки так, словно это – просто рука. Частица плоти, такая же, как остальные.

– Слышала, ты все равно побил Кеймдала.

– Только приказал. Мне давно известно – в честном бою от меня мало толка.

– Сражается воин, – произнесла она, глядя прямо в глаза. – Король повелевает. – И, усмехнувшись, потянула его на помост. Он настороженно двинулся за ней: хозяин этого зала, он ступал, чувствуя себя незванным нарушителем.

– Черный престол, – прошептал Ярви, когда они подошли.

– Ваш престол. – К его ужасу, Исриун протянула руку и вжикнула кончиками пальцев по безукоризненной глади подлокотника. У Ярви волосы встали дыбом. – Трудно поверить, но здесь это самая древняя вещь. Сотворена руками эльфов, до Сокрушения Мира.

– Ты увлекаешься эльфами? – пискнул он в испуге, что девушка заставит его прикоснуться к сиденью или, совсем страшное, сесть на него – и срочно попытается сменить тему.

– Я прочитала о них все книги у матери Гундринг.

Ярви заморгал.

– Прочитала?

– Сначала меня готовили в служительницы. Я ходила в подмастерьях у матери Гундринг, до вас. До конца жизни обреченная на книги, травы и тихое слово.

– Она не рассказывала. – Он и не подозревал, что у них так много общего.

– Меня сговорили с вашим братом – и все закончилось. Наш долг – поступать во благо Гетланда.

Оба почти одновременно и почти одинаково вздохнули.

– То же самое все твердят и мне, – промолвил Ярви. – Община служителей для нас обоих закрыта.

– Зато мы открыли друг друга. А еще – путь сюда. – С огоньком в глазах она напоследок обвела идеально изящный изгиб черного подлокотника. – Вы не поскупились с подарком на свадьбу. – Ее невесомые подушечки пальцев соскочили с металла, и, как ни странно, ему оказалось приятно ощущать их на своей ладони. – Нам полагалось решить, когда мы ее сыграем.

– Как только вернусь, – слегка хрипловато сказал он.

Она еще раз пожала иссохшую руку.

– Я надеюсь, что после победы вы поцелуете меня как следует.

Глядя, как она направляется к дверям, Ярви почти обрадовался, что никто из них не вступил в Общину.

– Постараюсь не спотыкаться о меч! – воскликнул он вслед.

Она улыбнулась, обернувшись через плечо, и ступила через порог – на свету вспыхнули волосы.

Двери тихо закрылись. Ярви потерянно стоял на тронном постаменте, посреди всего этого залитого тишиной пространства. Его сомнения вдруг ожили и окружили его, громоздясь выше самих изваяний Высоких богов. Стоило ужасно много сил снова повернуться к Черному престолу.

Неужели он сядет туда, сядет между богами и людьми? Он – едва ли сумевший коснуться черного металла своей не рукой, а смехотворной нелепостью? Он заставил себя вытянуть эту руку, едва дыша. Заставил положить на металлическую гладь тот – единственный – дрожащий палец.

Твердая и холодная. Таким должен быть и король.

Отец был как раз под стать. Сидя здесь – и над его лохматой бровью сиял королевский венец. Изрезанные шрамами руки сжимали подлокотники, всегда невдалеке от рукояти меча.

Того самого меча, который теперь прицеплен к поясу Ярви и чей непривычный вес тянет его книзу.

Я не просил себе полсына.

Ярви бросился прочь от пустого сиденья – стремительнее, чем прежде, когда на нем еще восседал отец. Не к дверям Зала Богов и не к уставшей ждать толпе снаружи, но к статуе Отче Мира. Прижавшись к камню, он провел пальцами вдоль щели у ног великана – бога-покровителя слугителей. В тишине распахнулась потайная дверь, и, подобно бегущему с места преступления вору, Ярви скользнул в черноту.

Цитадель была полна тайных ходов, но у Зала Богов они сплетались в истинный лабиринт. Коридоры уходили под плиты пола, таились в стенах, проникали даже под купол. Служители древности пользовались ими, возвещая божью волю с помощью скромных чудес – сверху слетали перья или дым поднимался ввысь из-за статуй. Как-то раз на нерешительных ратников с потолка закапала кровь – когда король Гетланда созывал мечи на войну.

Ярви не страшился ни темноты, ни бродячих шорохов в каменных проходах. Туннели стали его вотчиной давным-давно. Он хоронился в их тьме от вспышек отцовского гнева. От зубодробительной любви брата. От холодной досады разочарованной матери. Он мог пройти всю цитадель из конца в конец, ни разу не ступая на свет.

Ему, как и полагалось прилежному слугителю, знакомы здесь все пути.

Здесь его никто не тронет.

Голуби

Голубятня громоздилась наверху одной из самых высоких башен цитадели. Вековой птичий помет вывоздил ее за века и внутри и снаружи, и сквозь многочисленные окна дул промозглый сквозняк.

В учениках матери Гундринг одной из его обязанностей было – кормить голубей. А также толковать послания, которые птицы проговорят потом, и смотреть, как они лопочут крыльями и взмывают в небо – унося служителям вокруг моря Осколков новости, предложения и угрозы.

Сейчас они выглядели из клеток, в ряд вдоль стен – голуби да один бронзовокрылый орел, прибывший, должно быть, с вестью от Верховного короля в Скегенхаусе. Отныне единственного человека на всех берегах моря Осколков, кто вправе требовать у Ярви ответа. А сам он здесь, у вымазанной пометом стенки, тербил ноготь на усохшей руке – погребенный заживо под курганом обязанностей, которых не в силах исполнить.

Он всегда был слаб, но подлинное бессилие прочувствовал, только став королем.

Зашаркали шаги на ступенях, и мать Гундринг, тяжело дыша, миновала низкую арку и выпрямилась.

– А я думал, вам сюда ни за что не забраться, – проговорил Ярви.

– Государь, – ответствовала старая служительница, отдышавшись, – вашего появления ждали у дверей Зала Богов.

– Разве назначение этих туннелей – не помогать королю убежать?

– Не столь от семьи и подданных, не говоря о будущей невесте, сколь от вооруженного недруга. – Она всмотрелась в богов, нарисованных на куполе в виде птиц, устремленных к небесной лазури. – И куда вы собрались лететь?

– Скорее всего, в Каталию, или под Альюкс, а может, по Святой реке до Калейва. – Ярви пожал плечами. – Вот только у меня и двух добрых рук нету, не то что двух крыльев.

Мать Гундринг кивнула.

– В конце концов мы становимся теми, кто мы и есть.

– И кто есть я?

– Король Гетланда.

Он проглотил комок, понимая, насколько она разочарована в нем. Насколько разочарован он сам. В старинных напевах короли редко сбегали втихую, прячась от своего же народа. Отводя глаза, он наткнулся на могучего орла, безмятежно взирающего из клетки.

– Праматерь Вексен прислала весть?

– Весть, – подхватил один из голубей своей корябучей насмешкой над человеческим голосом. – Весть. Весть.

Мать Гундринг мрачно покосилась на орла, недвижимого, словно набитое чучело.

– Его прислали из Скегенхауса пять дней назад. Праматерь Вексен спрашивает, когда вы придете на испытание.

Ярви помнил тот раз, когда он встречался с первой из служителей – парой лет ранее. В то время Торлбю посетил Верховный король. Сам король показался угрюмым и пыхтящим стариком, которого вечно все задевало. Матери Ярви поневоле приходилось его успокаивать, если кто-то сгибался в поклоне не совсем так, как того требовал изысканный королевский вкус. Брат сперва катался от смеха – этот немощный, редковласый сморчок и есть тот, кто правит всем морем Осколков?! Вот только смех умер, когда он увидел, сколько воинов за собою тот вел. Отец бушевал от того, что Верховный король хапал подарки и подношения, но ничего не давал взамен. Мать Гундринг тогда поцокала языком и сказала: *чем человек богаче, тем большего богатства он алчет...*

Праматерь Вексен, с извечной улыбкой сердобольной бабули, едва ли хоть раз покидала свое исконное место подле государя. Когда Ярви опустился перед ней на колени, старуха взглянула на искалеченную руку и склонилась, шамкая: *о, принц, вы уже решили вступить в Общину?* И глаза ее на миг озарились голодным блеском, напугав Ярви больше всех суровых воинов Верховного короля.

– Первая из служителей хлопочет обо мне? – бормотнул он, сглатывая послекусие того прошлого страха.

Матерь Гундринг пожала плечами.

– В Общину не часто вступают принцы королевской крови.

– Значит, и она не обрадуется тому, что я занял Черный престол.

– У праматери Вексен хватит мудрости справиться с тем, что ниспослали ей боги. Мы должны брать с нее пример.

Желая сменить тему, Ярви обвел глазами остальные клетки. Не знающие жалости птичьи взгляды оказалось легче выносить, чем унылые взгляды подданных.

– Который голубь принес послание Гром-гиль-Горма?

– Того я отправила назад в Ванстерланд. Передать их служительнице матери Скейр согласие вашего отца на переговоры.

– Где собирались провести встречу?

– У их приграничного города, под названием Амвенд. Ваш отец так туда и не добрался.

– Его подстерегли где-то в Гетланде?

– По всей видимости.

– На отца не похоже – так стараться закончить войну.

– Войну, – заскрипел какой-то голубь. – Кончить войну.

Мать Гундринг невесело посмотрела на пол – посеревший, заляпанный.

– Ему посоветовала ехать я. Верховный король повелел всем задвинуть мечи в ножны, пока его новый храм – Единого Бога – не будет достроен. Даже дикарь Гром-гиль-Горм не посмеет нарушить священный запрет, думала я. – Она стиснула кулак, словно сама себя захотела ударить, а потом медленно раскрыла его. – Забота служителя – торить дороги для Отче Мира.

– А что, отец не взял с собой стражу? У него...

– Мой государь. – Мать Гундринг поглядела на него исподлюбья. – Нам пора вниз.

Желудок Ярви подскочил, рот окатило горькой отрыжкой.

– Я не готов.

– Никто и никогда не готов. И ваш отец не был исключением.

Ярви полувсхлипнул-полуусмехнулся и отер слезы скрюченной кистью.

– А отец тоже плакал после помолвки с матерью?

– На самом деле – плакал, – ответила мать Гундринг. – И не один год. В свою очередь, она...

Тут Ярви, против воли, забулькал от смеха.

– На слезы матушка еще скупей, чем на золото.

Он поднял голову и посмотрел на свою былую наставницу, а ныне – служительницу. На лицо в знакомых добрых морщинках, на яркие, полные решимости глаза. И, не сразу понимая, что говорит, прошептал:

– Эти годы моей матерью была ты.

– А ты – моим сыном. Прости, Ярви. Прости за все, но... так нужно ради большего блага.

– И меньшего зла. – Ярви помотал обрубок пальца, растерянно глядя на птиц. Один гордокрылый орел посреди огромной голубиной стаи.

– Кто будет теперь их кормить?

– Кого-нибудь найду. – Мать Гундринг подала жилистую руку, помогая ему подняться. –
Государь.

Обеты

Мероприятие проводили с размахом.

Многие владетельные дома Гетланда придут в ярость от того, что новости о смерти короля Атрика доберутся до них уже после того, как сожгут его тело, и им не удастся блеснуть величием на событии, которое поселится в людской памяти надолго.

Несомненно, и всемогущий Верховный король на троне в Скегенхаусе, и праматерь Вексен у него под боком не возликуют от того, что их не пригласили, – что не преминула отметить мать Гундринг.

Но мать Ярви процедила сквозь зубы:

– Их гнев для меня – пыль. – Лайтлин, может быть, уже и не королева – но назвать ее другим словом не поворачивался язык, и Хурик по-прежнему высился за ее плечом, покорный вечной клятве служения. Раз она сказала – значит, дело, почитай, сделано.

Выступив из Зала Богов, траурное шествие пересекло внутренний двор цитадели – трава зеленела там, где Ярви терпел неудачи на тренировках, – и двинулось дальше, проходя под ветвями гигантского кедра – куда ему было никак не залезть, за что брат его нещадно высмеивал.

Ярви шел, разумеется, во главе. Над ним, во всех смыслах, нависала тень матери, а сзади попевала мать Гундринг, согбенно опираясь на посох. Дядя Одем вел королевскую челядь, воинов и женщин в лучших одеждах. Позади в ошейниках брели рабы, как им и надлежало – не отрывая от земли глаз.

Когда они проходили привратным туннелем, Ярви то и дело кидал боязливый взгляд на потолок – там, во тьме, поблескивал нижний край Воющих Врат, готовых воедино рухнуть и наглухо запечатать крепость от любого врага. Всего единожды – и он тогда еще не родился – врата падали вниз по воле защитников – тем не менее, у него сосало под ложечкой всякий раз, когда он здесь проходил. Громада шлифованной меди, весом с гору, висела, пришпиленная одним лишь штырем-спицей, – есть от чего разгуляться нервам.

Особенно когда ты идешь сжигать половину своей семьи.

– Вы прекрасно держитесь, – зашептал на ухо дядя.

– Я ступаю, ни за что не держась.

– Вы ступаете по-королевски.

– Я король, и я ступаю вперед. По-каковски еще мне ступать?

Одем улыбнулся.

– Отлично сказано, государь.

За дядиным плечом Исриун тоже улыбнулась ему. Ее глаза и цепочка на шее отсвечивали пламенем факела, который она несла. Скоро, скоро на эту цепочку повесят ключ от казны всего Гетланда и назовут ее королевой. *Его* королевой – и эта мысль даровала ему искру надежды во тьме его страхов.

Все они несли факелы – змея из пламени ползла сквозь сгустившийся сумрак, сквозь ветер, забравший себе половину огня к тому времени, как, выйдя из городских ворот, шествие достигло лысого склона холма.

Несравнимый ни с чем в запруженной судами гавани Торлбю, двадцать весел на борт, резные нос и корма под стать отделке Зала Богов – отобранные ратники волокли на уготованное место в дюны личный королевский корабль – киль проминал в песке змеистую борозду. Тот самый корабль, на котором король Атрик переплыл море Осколков во время знаменитого набега на Сагенмарк. Тот самый, который на обратном пути ковылял по воде, проседая от веса рабов и награбленного.

На палубе лежали тела короля и его наследника – на похоронных дрогах из мечей, ибо слава об Атрике-воителе уступала лишь славе его погибшего брата Атиля. А Ярви думал лишь о том, что великим воинам умирать ничуть не легче обычных людей.

Зато, как правило, раньше.

У тел покойных в особом порядке, какой, по мнению прядильщика молитв, наиболее угоден богам, уложены богатые подношения. Оружие и доспехи, взятые королем с боя. Браслеты из золота, монеты из серебра. Груда сокровищ. Ярви вложил кубок, украшенный драгоценными камнями, в ладони брата и сжал их, а мать облачила плечи мертвого короля в плащ белого меха, прислонила руку к бездыханной груди и глядела на него, не размыкая губ, пока Ярви не подал голос:

– Мама?

Без единого слова она повернулась и отвела его к скамьям на склоне. Бурные травы трепетали у ног под ударами морского ветра. Ярви скорчился, пытаясь поудобнее расположиться на твердом высоком сиденье. Справа застыла мать с Хуриком – необъятной тенью – за плечом. Мать Гундринг примостилась на сиденье по левую руку, костлявой кистью хватаясь за посох – витой эльфийский металл ожил в пламени и шорохе факелов.

Ярви сидел между двух матерей. Одна в него искренне верила. Другая родила его на свет.

Мать Гундринг наклонилась ближе и мягко сказала:

– Простите, государь. По мне – век бы вам этого не видеть.

Здесь Ярви нельзя было проявлять слабость:

– Мы должны научиться справляться с тем, что нам ниспослано богами, – сказал он. – Даже короли.

– Короли особенно, – вставила родная мать и подала знак.

По доскам застучали копыта – на корабль завели две дюжины коней и всех до одного забили, омыв кровью палубу. Все согласились, что смерть проведет короля Атрика вместе с сыном сквозь Последнюю дверь с надлежащим достоинством, и они займут среди мертвых почетное место.

Дядя Одем с факелом в руке вышел к воинам в боевом облачении, собранным на песке в шеренги. В посеребренной кольчуге, в крылатом шлеме и алом, бьющемся на ветру плаще он смотрелся истинным сыном, братом и дядей трех королей. Он торжественно кивнул Ярви, и Ярви кивнул в ответ – и почувствовал, как мать обхватила и крепко сжала его правую руку.

Одем поднес факел к просмоленной растопке. Пламя лизнуло борт, и в один миг весь корабль вспыхнул. Стон скорби долетел от скоплений толпы – от знати и богачей на террасах близ стен Торлбю, от торговцев и мастеровых под ними, от крестьян и чужеземцев под теми, от нищих и рабов, там и сям ютившихся в любых щелях от злого ветра, – всяк на своем, отведенном богами месте.

И Ярви невольно сглотнул, потому как до него внезапно дошло: отец никогда уже не вернется, и ему придется по правде быть королем, с этой минуты и до того, как его самого положат в костер.

Он все сидел, в дурноте и холоде, с обнаженным мечом на коленях, когда появился Отче Месяц и вышли погулять его дети – звезды, а пламя горящего корабля, горящих сокровищ и горячей семьи осветило сотни сотен печальных лиц. Когда зажглись огоньки в городских каменных зданиях, и в плетеных лачугах за стенами, и в башнях цитадели на холме. Его цитадели – хотя ему она вечно казалась узилищем.

Не щадя живота он боролся со сном. Он едва-едва сомкнул глаза прошлой ночью, как и любой ночью с тех пор, как на него надели королевский венец. В ледяном чреве отцовских покоев тени переплетались со страхами, а двери, чтобы задвинуть на ней засов, по древнему обычаю не было. Ведь повелитель Гетланда неотделим от своей земли и народа и ничего не должен от них скрывать.

Такая роскошь, как личные тайны и двери в спальню, доступна более везучим людям, чем короли.

Очередь горделивых мужей в боевых доспехах и гордых дам с блестящими ключами – иные причиняли немало хлопот королю Атрику при жизни – потекла мимо Ярви и матери: пожать руки, вручить могильные дары, сказать пару цветастых слов о подвигах покойного владыки. Они горевали о том, что такого, как он, никогда больше не узрит земля гетов, а потом, опомнившись, кланялись и тихонько добавляли «государь», и прячась за улыбками, строили планы, как бы повыгоднее использовать этого однорукого дохляка на Черном престоле.

Лишь свистящий шепот пролетал между матерью и Ярви:

– Сядь. Ты – король. Не извиняйся. Ты – король. Поправь застежку на плаще. Ты – король. Ты – король. Ты – *король*. – Будто она, вопреки очевидному, пыталась убедить в этом и его, и себя, и весь мир.

Такого ушлого торговца, как мать, не видывали на всем море Осколков, но даже у нее вряд ли уйдет этот товар.

Они сидели, пока пламя не стихло до пышущего жаром мерцания, резной киль-дракон осыпался в вихре пепла, а ткань облаков испачкало первое пятнышко рассвета, сверкнув на куполе Зала Богов и неся клики морских птиц. Тогда мать хлопнула в ладоши, и рабы с перезвоном цепей принялись набрасывать над курящимся кострищем землю, воздвигая великий курган, которому суждено выситься подле кургана дяди Атиля, утонувшего в шторм, и кургана деда Бревера, и прадеда Ангульфа Копыто. Травяные горбы протянулись вдоль берега до самых дюн, уходя во мглу времен – минув те дни, когда Та, Кто Записывает, наделила женщин даром грамоты и служители начали ловить имена мертвых и сажать в клетки – огромные первые книги.

Затем Матерь Солнце явила свой ослепительный лик и запалила огонь на воде. Скоро прилив, который снимет с песка и утащит за собой множество кораблей. Крутобокие, они скользнут прочь так же быстро, как и плыли сюда, и понесут воинов в Ванстерланд – вершить кровавую месть над Гром-гиль-Гормом.

Дядя Одем поднялся на склон, твердая ладонь на рукояти – свою легкую улыбку он сменил на суровый воинский взгляд.

– Пора, – произнес он.

Вот так Ярви встал, и шагнул мимо дяди, и высоко поднял чужой – отцовский – меч, а потом проглотил слезы и заревел так громко, как только смог:

– Я, Ярви, сын Атрика и Лайтлин, государь Гетланда, приношу клятву! Я приношу клятву перед луною и солнцем. Перед Той, Кто Рассудит, и Тем, Кто Запомнит, и Той, Кто Затягивает Узлы, я клянусь. Я призываю в свидетели отца, и брата, и похороненных здесь предков. Я призываю Того, Кто Узрит, и Ту, Кто Записывает. Я призываю в свидетели всех вас. Да станет клятва на мне – оковами, во мне – стрекалом! Я отомщу убийцам моего отца и убийцам моего брата. Вот моя клятва!

Воины вокруг ударили оголовьями бородатых секир по шлемам, а кулаками по раскрашенным щитам, а сапогами по Отче Тверди в знак принятия клятвы.

Дядя нахмурился.

– Вы приняли тяжкий обет, государь.

– Может, я – полмужчины, – ответил Ярви, пытаясь всунуть меч обратно в ножны из овечьей кожи. – Но ничто не мешает мне принести целую клятву. По крайней мере, люди ее оценили.

– Эти люди – гетланцы, – произнес Хурик. – Они ценят дело.

– А по-моему, клятва хорошая. – Рядом стояла Истриун, соломенные волосы струились по ветру. – По правде королевская.

Неожиданно Ярви очень обрадовался тому, что она тут. Не было бы здесь больше никого, он смог бы снова ее поцеловать, и в этот раз уж, может быть, постарался б. Но ему осталось лишь улыбнуться и наполовину поднять свою половину руки в неловком прощании.

Встретятся снова – вот тогда и придет время целоваться.

– Государь. – Сегодня даже в глазах матери Гундринг, вечно сухих и в дождь, и в дым, кажется, стояли слезы. – Да ниспошлют вам боги доброй погоды, а главное, доброго оружия.

– Не беспокойтесь, служительница, – утешил он, – я ведь могу еще и не погибнуть.

Его родная мать не проронила и слезинки. Только затянула на нем плащ, поправила застежку и сказала:

– Веди себя как король. Говори как король. Сражайся как король.

– Я – король, – сказал он, чувствуя ложь, и сдавленно добавил, протолкнув сквозь горло: – Я сделаю все, и ты мною будешь горда, – хоть и представить не мог, что и как.

Уходя – мягкая дядина рука на плече указывала путь, – он оглянулся. Колонны солдат – змеи в высверках стали – спускались к воде. А мать схватила Хурика за кольчугу и притянула громадного силача к себе.

– Береги моего ребенка, Хурик, – услышал он ее неровный, сиплый голос. – Кроме него, у меня ничего нет.

Затем в сопровождении стражи, свиты и множества рабов Золотая королева двинулась в город. А ее сын отправился бесцветному восходу навстречу, к кораблям – лес мачт покачивался на фоне синюшных небес, – стараясь идти походкой отца, постоянно лезшего в драку, пускай колени Ярви подгибались, горло драло, глаза слезились, а в сердце гнездились тревожные сомнения.

До сих пор стоял запах дыма.

Отче Мир остался рыдать над пепелищем, и Матерь Война раскрыла свои железные объятия.

Мужская работа

Всякая волна, порожденная Матерью Морем, поднимала его, подталкивала, пузырила одежды – он ворочался и шевелился, будто пытался встать. Всякая волна, с шипением бегущая обратно, волочила тело назад и бросала на песке – в спутанные волосы, безжизненные, как комки водорослей на гальке, набивалась пена и ил.

Ярви таращился, гадая, кто он. Кем был. Парнем или мужчиной? Погиб ли на бегу или храбро сражаясь?

Какая теперь разница?

Днище проскрипело о песок, палубу протрясло. Ярви споткнулся и, чтобы устоять, вцепился в Хуриков локоть. Со стуком и грохотом его люди втаскивали весла, снимали щиты и прыгали на сушу – сердито, ведь они пристали к берегу последними, слишком поздно, чтобы заработать славу или достойно пограбить. Служить на королевском судне во времена короля Атрика считалось бы наивысшей честью.

При Ярви – наивысшим наказанием.

Несколько человек взяли за носовой конец и подтянули корабль мимо плавающего тела, подальше на берег. Другие отстегнули оружие и поспешили к городу Амвенду. Тот уже полыхал.

Ярви закусил губу, готовясь перелезть через борт хотя бы с крупницей королевского хладнокровия, но слабо прижатая рукоятка позолоченного щита вывернулась, заплелась в плаще и чуть не окунула его лицом в соленое море.

– Богами клятая хреновина! – Ярви растянул ремешки, стянул щит с сухой руки и швырнул к сундучкам, на которых сидят гребцы, работая веслами.

– Государь, – одернул его Кеймдаль. – Необходимо взять с собой щит. Здесь опасно...

– Ты со мной дрался. Сам знаешь, чего стоит щит в моей руке. Если кто-то нападет и окажется, что мечом с ним не сладить, – я убегу. А бегаю я быстрее без щита.

– Но, мой государь...

– Он – король, – грохнул Хурик, как гребнем расчесывая толстыми пальцами седеющую бороду. – Если он велит всем нам бросить щиты – так тому и быть.

– У кого две здоровых руки – носите на здоровье! – крикнул Ярви, соскакивая в прибой и ругаясь – новая волна окатила по пояс.

Там, где песок уступил место траве, новообращенные связанные рабы ждали, когда их погонят на корабли. Сгорбленные, перепачканные золой, в глазах страх, и боль, и неверие: нечто явилось из моря и забрало их жизни. Тут же группка бойцов Ярви разыгрывала в кости их одежду.

– О вас спрашивал Одем, государь, – какой-то воин поднял голову, а потом вскочил и пнул в лицо плачущего старика.

– Где? – у Ярви вдруг пересохло во рту, язык не отлипал от гортани.

– Наверху укреплений. – Дружинник показал на известняковую башню на утесе, что отвесно вздымался надо всем городом. С одной стороны его подножие грызли волны, с другой – пенился узкий залив.

– Ворота не заперли? – спросил Кеймдаль.

– Заперли, да только в городе осталось трое сыновей городского головы. Вот Одем и перерезал одному глотку, а потом сказал, что убьет следующего, коли ему не откроют ворота.

– И их открыли, – сказал другой мечник и рассмеялся, глядя на выпавшее число. – Новые носки!

Ярви сморгнул. Он и представить не мог своего улыбчивого дядю таким безжалостным. Но ведь Одем – отпрыск того же семени, что и отец, следы чьего гнева до сих пор носил на

себе Ярви. Того же, что их утонувший брат Атиль – а старые воины и сейчас пускают скупую слезу, вспоминая о его несравненном обращении с мечом. В конце концов, под тихой водой иногда несутся свирепые течения.

– Да будь ты проклят!

Из шеренги рабов, так далеко, как дозволила веревка, споткнулась и выпала женщина, к кровавому лицу липли волосы.

– Сучий король сучьей страны, да сожрет тебя Мать Море...

Один из солдат придавил ее к земле.

– Отрежь ей язык, – сказал другой, запрокидывая ее за волосы, пока третий вытаскивал нож.

– Нет! – вскрикнул Ярви. Его люди сурово нахмурились. Под угрозой честь короля, а значит, и их честь, и проявление милости здесь не сойдет за отговорку. – С языком за нее дороже заплатят.

Ярви отвернулся, плечи под кольчужной рубахой поникли – и побрел в гору, к крепости.

– Вы воистину сын своей матери, – отозвался Хурик.

– Кем же еще мне, по-твоему, быть?

У отца с братом загорались глаза, когда они садились рассказывать о великих былых набегах, о горах захваченных богатств, а Ярви слушал, замерев в тени у стола, и мечтал о том, что однажды и он, став мужчиной, примет участие в подобающем мужчинам занятии. А теперь перед ним открылась правда – и право побывать в походе сразу перестало казаться ему завидным.

Сражение кончилось, если и впрямь случилось нечто, что можно назвать этим словом, но Ярви по-прежнему ступал вперед тяжело и вязко, как в кошмарном сне, – потел под кольчужой, прикусывал губы, вздрагивал от всякого шума. Вопли и хохот, люди сновали среди хоботов дыма пожарищ, в горле першило от гари. Вороны кружили, клевали тела и, каркая, прославляли успех победителей. Победа была за ними! Мать Война, мать воронам, сборательница павших, та, кто складывает в кулак открытую руку, – сегодня вышла на танец, а Отче Мир плакал, закрыв лицо. Здесь, у изменчивой границы между Ванстерландом и Гетландом, Отче Мир рыдал очень часто.

Над ними склонилась башня, темный бастион, под ними с обеих ее сторон бились и ревели волны.

– Стойте, – сказал Ярви, с трудом переводя дух. Голова кружилась, лицо щипало от пота. – Помогите снять кольчугу.

– Государь, – буркнул Кеймдаль, – я обязан вам отказать!

– Отказывай, сколько влезет. А потом сделай, как велено.

– Мой долг оберегать вас от...

– Тогда представь свой позор, когда я помру, изойдя потом на полпути к верхушке. Расстегивай, Хурик.

– Государь. – Они отшелушили от него стальную рубаху, и Хурик понес ее, кинув через могучее плечо.

– Веди, – рявкнул Ярви на Кеймдаля, тщетно пытаясь закрепить неудобную золотую застежку отцовского плаща своим бестолковым огрызком, а не рукой. Слишком здоровенный и тяжелый для него плащ, а защелка тугая, как...

Он обмер, застыв как вкопанный при виде того, что творилось за распахнутыми воротами.

– Урожай собран, – сказал Хурик.

Узкий пятачок перед башней усеивали трупы. Так много, что Ярви, прежде чем наступить, приходилось выискивать место, куда ставить ногу. Там и женщины, там и дети. Жужжали мухи. Подкатывала тошнота, но он загнал ее вглубь.

Он же король или нет? А король упивается смертью своих врагов.

Один из дядиных дружинников сидел на ступенях перед входом и спокойно, как дома на боевой площадке, чистил секиру.

– Где Одем? – тихо проговорил Ярви.

Человек улыбнулся с прищуром и показал пальцем:

– Наверху, государь.

Ярви, пригибаясь, вошел. По лестнице раскатывалось его дыхание, ноги шаркали по плитам, в горле мутило.

На поле боя, говорил отец, не бывает правил.

Все вверх и вверх, в шелестящую тьму. Хурик и Кеймдаль держались сзади. Возле узкой бойницы он приостановился, наслаждаясь ветром на распаленном лице, и увидел, как под отвесной кручей волны врезаются в камень – увидел и оттолкнул от себя страх.

Веди себя как король – сказала мать. Разговаривай как король. Сражайся как король.

Наверху располагалась смотровая площадка, с подпорками из толстых бревен. По краю шли деревянные перила – доставая лишь до бедра Ярви. Чересчур низковато, чтоб от слабости не задрожали колени, когда стало ясно, насколько высоко они забрались. Отче Твердь и Матерь Море вокруг умалились, внизу раскинулись леса Ванстерланда в дальнюю даль, теряясь в дымке у горизонта.

Дядя Одем молча стоял и смотрел, как полыхает Амвенд: столбы дыма размывало по серому небу, крошечные воители занимались ремеслом разрушения, а на рубеже моря и гальки выстроились тоненькие кораблики, готовые принять на борт кровавое жито. Дядю окружали шестеро его самых надежных людей и с ними, связанный, с кляпом во рту, мужчина в богатой желтой накидке – лицо его распухло от синяков, и длинные волосы столкнулись в кровавый комок.

– Сегодня мы потрудились на славу! – воскликнул Одем, с улыбкой оборачиваясь к Ярви. – Взяли две сотни рабов, а еще скот и добро – и сожгли город у Грома-гиль-Горма.

– А сам Горм? – Ярви попробовал отдышаться после подъема и – поскольку вести себя и сражаться по-королевски получалось у него плоховато – хотя бы говорить как король.

Одем безрадостно цыкнул сквозь зубы:

– Крушитель Мечей уже спешит сюда, а, Хурик?

– Само собой. – Хурик отошел от лестницы и вытянулся во весь свой внушительный рост. – Старого медведя тянет на битву, что твоих мух.

– Надо собрать людей и через час выйти в море, – заявил Одем.

– Пора уходить? – спросил Кеймдаль. – Так быстро?

Как ни странно, Ярви почувствовал злость. Ему плохо, он устал и зол на собственную слабость, на дядину жестокость и на мир, устроенный так, а не иначе.

– И это – наша месть, Одем? – Он обвел рукой горящий город. – Месть женщинам, детям и старикам-крестьянам?

Голос дяди прозвучал, как обычно, тихо и ласково. Ласково, как весенний дождик.

– Месть осуществляется постепенно. Но вам об этом переживать не стоит.

– Не я ли дал клятву? – прорычал Ярви. Последние два дня его несказанно бесило, когда к нему обращались «государь». А теперь он оказался взбешен еще больше от того, что дядя опустил это слово.

– Вы поклялись. И я это слышал, и, на мой взгляд, вы взвалили на себя неподъемную ношу. – Одем махнул на пленного – тот, стоя на коленях, с хрипом вгрызался в кляп. – Но он избавит вас от этого гнета.

– Кто это?

– Городской голова Амвенда. Он – тот, кто вас убил.

Ярви остолбенел.

– Что?

– Я пытался его остановить. Но подлец прятал нож. – Одем вытянул руку, и в ней оказался кинжал – длинный, с навершием из черного янтаря. Разгоряченного от подъема на башню Ярви внезапно обдало холодом – от подошв до корней волос.

– Я не перестану себя казнить за то, что появился слишком поздно, чтобы спасти горячо любимого племянника. – И бесстрастно, словно отрубил ломоть мяса, Одем всадил кинжал градоначальнику между плечом и шеей, а потом оттолкнул, сапогом ударив в лицо. На доски крыши хлынула кровь.

И Одем тихо, спокойно шагнул вперед, а у Ярви затряслись колени, и он отступил назад – к низким перилам и высокому обрыву за ними.

– Я вспоминаю ночь, когда вы родились. – Голос дяди был холодным и ровным, как лед на зимнем озере. – Ваш отец бушевал и бранил богов за ту штуку, которая росла у вас вместо руки. А я всегда улыбался, глядя на вас. Из вас получился бы превосходный шут. – Одем изумленно повел бровями и вздохнул. – Но неужели моей дочери и в самом деле придется выйти за однорукого недомерка? Неужто Гетланду достанется полукороль? Достанется кукла-калека на веревочке у матери? Э, племянничек... нет уж... *дудки*.

Кеймдаль дернул Ярви за руку и, лязгнув сталью, выхватил меч.

– Ко мне за спину, госу...

Ослепляя, на лицо Ярви брызнула кровь. Кеймдаль пал на колени, с клекотом схватился за горло, чернота заструилась меж его пальцев. Ярви скосил глаза и увидел, как угрюмый Хурик делает шаг назад, и в руке его нож, и от крови Кеймдаля лоснится гладкое лезвие. Со звоном и лязгом телохранитель уронил с плеча кольчугу Ярви.

– Наш долг – поступать на благо Гетланда, – произнес Одем. – Убейте его.

Ярви отшатнулся, не закрывая от изумления рта, и Хурик поймал его за грудки, ухватил за плащ.

Клацнув, массивная отцовская золотая застежка раскрылась. Внезапно освободившись, Ярви отскочил назад.

Деревянная перекладина подсекла его под колени, и, потеряв дыхание, он опрокинулся через перила.

Скала, вода и небо закружились над ним. Король Гетланда падал вниз и вниз, и вода ударила его, как молот бьет по железу.

И Мать Море приняла его в свои холодные объятия.

Враг

Когда Ярви очнулся, его окружала тьма, лишь пузыри метались вокруг; и он скорчился, скрутился, забился изо всех сил – охваченный простым стремлением выжить.

Должно быть, у богов имелись на него виды: когда ребра уже разрывало изнутри, когда надо было вдыхать, уже все едино – воздух или морскую воду, голова вдруг пробилась наружу. Ослепленный брызгами, он кашлял, молотил руками и ногами, его тянуло вниз, вертело и швыряло в бурунах.

Новая волна понесла его на камни, и он сумел продержаться за раковину моллюска и скользкий пучок водорослей ровно столько, чтобы еще раз вдохнуть. Он расколошматил пряжку и стянул с себя влекущую на дно перевязь. Мышцы ног ломило от боли, пока в борьбе против беспощадного моря он брыкался, избавляясь от свинцовых сапог.

Он собрал остатки сил и, поднявшись вместе с волной, дрожа от напряжения, выволок тело на узкий каменный уступ, где под солеными каплями лежали медузы и торчали конусы морских блюдечек.

Выплыть из моря живому – большое везение. Увы, Ярви почему-то так не казалось.

Он в заливчике, с северной стороны укреплений. Сюда, на небольшой, огороженный зубчатыми скалами участок, неслись пенные буруны и точили камень, хлестали, плескали и разлетались искристым ливнем. Он соскреб мокрые волосы с лица, отплевался соленой водой. В горле першило, обе руки – и здоровая и больная, в царапинах и порезах.

Опрометчивое решение снять кольчугу спасло ему жизнь, но стеганный поддоспешник оплыл от морской воды. Дергая за ремни, он, наконец, сумел его скинуть и съежился на холодном ветру.

– Где он, вишь его? – послышался голос наверху, так близко, что Ярви распластался на слизистом камне и прикусил язык.

– Да помер он. – Новый голос. – Разбился о скалы. Он теперь у Матери Моря.

– Одему подавай его тело.

– Вот пускай Одем за ним и ныряет.

Вступил третий:

– Или Хурик – он же упустил калеку.

– Ну и кому из них ты предложишь поплавать первому – Одему или Хурику?

Хохот.

– Надвигается Горм. Нет времени вылавливать однорукие трупы.

– Идем на корабль, а королю Одему скажешь – его племянник на дне морском неплохо устроился, – и голоса стали стихать, удаляясь к песчаному пляжу.

Королю Одему. Его родному дяде, которого он любил как отца. Который всегда находил утешительное слово, сочувственно улыбался и клал Ярви на плечо свою надежную сильную руку. Родная кровь! Ярви уцепился за камень одной рукой, а другая, увечная, задрожала, сжимаясь в кулак. Стало трудно дышать – его захлестывала свирепая, отцовская злоба. Но ведь мать все время учила: *волнуйся не о том, что сделано, а о том, что делать дальше.*

Мать.

При мысли о ней он волей-неволей шмыгнул носом. Золотая королева знала, что делать, при любых обстоятельствах. Но как до нее добраться? Гетские корабли уже отплывали. Скоро здесь будут ванстерцы. Ярви оставалось только ждать темноты. Найти дорогу через границу, а дальше на юг, к Торлбю.

На все найдется свой способ.

Если нужно, он пройдет по лесу сотню миль без сапог. Он отомстит и ублюдку-дядюшке, и этому мерзкому подлецу Хурику – и вернет себе Черный престол. Он клялся в этом снова и снова, пока Матерь Солнце прятала свой лик за скалы и удлинялись тени.

Однако он не учел самого жестокого из мстителей – неумолимый прилив. Скоро уступ, на котором он завис, накрыло ледяной водой. Вода поднялась до голых ступней, до лодыжек, выше колен, и не прошло много времени, как море с удвоенной яростью хлынуло в тесный залив. Он бы рад и дальше раздумывать над выбором, но для этого хотелось бы, чтобы этот выбор был.

Поэтому он полез взбираться. Трясущийся и усталый, холодный и простывший, он хныкал и плевался именем Одема, ставя ногу на скользкую выемку или перехватываясь за новый выступ. Опасность была нешуточной, но полагаться на милость Матери Моря хуже стократ – любой моряк скажет, что милость ей незнакома.

Из последних сил он перевалился через край обрыва, перекатился на спину и некоторое время лежал в чахлой прибрежной поросли, переводя дух. Переполз на живот и застонал, пробуя встать.

Что-то садануло его по затылку, он заорал – в голове вспыхнуло белое пламя. Твердая земля поднялась и врезалась ему в бок. Он завис на карачках, пуская кровавые слюни.

– Ага, гетландская псина, по волосам вижу. – Ярви взвизгнул – за волосы его и вздернули.

– Щенок, – Башмак пришелся по заднице, и Ярви врылся лицом в землю. Прополз на четвереньках пару шагов, и его снова сшибли пинком. Его поймали двое. Двое мужчин в броне и с копьями. Конечно же, ванстерцы, хотя, не считая того, что их суровые лица обрамляли длинные косы, на вид они мало отличались от тех воинов, которые безрадостно встречали его на боевой площадке.

На взгляд безоружного, все вооруженные одинаковы.

– Вставай, – сказал один, опрокидывая его очередным пинком.

– Тогда хватит меня сбивать, – выдохнул он.

За это он получил в лицо древком копья и больше решил не шутить. Один из них рванул его за ворот дырявой рубашки и наполовину повел, наполовину потащил за собой.

Повсюду воины, некоторые – верхом. С ними простой люд, видно, здешние жители, удрали от кораблей – а теперь, в слезах и саже, роются в обломках на пепелище. Для погребального сожжения в ряд лежали тела – морской ветер надувал и трепал их саваны.

Но вся без остатка жалость Ярви нужна была ему самому.

– На колени, псина. – Он опять растянулся от удара, и в этот раз его не тянуло вставать. С каждым выдохом он слабо постанывал, а расквашенные губы пульсировали, как один большой комок.

– Что ты мне приволок? – звучный голос, высокий и переливистый, словно пел песню.

– Гетланец. Он выкарабкался из моря позади укреплений, государь.

– Странные дары выплескивает на сушу Родительница Волн. Посмотри на меня, морское создание.

Ярви робко, медленно, сквозь боль приподнял голову и увидел два здоровенных сапога, мысы окованы потертой сталью. Потом мешковатые штаны в красную и белую полоску. Потом массивный пояс с золотой пряжкой, рукоять большого меча и четыре ножа. Потом кольчугу из стали, увитой золотыми нитями. Потом белую меховую шкуру на могучих плечах – на ней даже оставили волчью голову, в глазах – алые гранаты. Поверх шкуры мерцают дорогими камнями цепь – перекрученные комки золота и серебра: наверху с мечей павших врагов. Их так много, что цепь, трижды обмотанная вокруг бычьей шеи, все равно провисала. Наконец, так высоко, что великану впору, лицо – в морщинах, скособоченное, как кривое дерево. Незаплетенные космы и бороду подкрасила седина, но глаза и скошенный рот улыбались. Улыбкой того, кто рассматривает жуков и выбирает, которого из них раздавить.

– Ты кто, человеке? – спросил великан.

– Поваренок. – Слова с трудом лезли из кровоточащего рта, и Ярви старался засунуть увечную руку поглубже в мокрый рукав, не то она его выдаст. – Я упал в море. – *Хороший лгун вплетет в рассказ как можно больше правды*, однажды пояснила ему мать Гундринг.

– Сыграем в угадайку? – спросил великан, наматывая на палец прядь своих длинных волос. – Интересно, как же зовут меня?

Ярви сглотнул. Гадать смысла не было.

– Вы Гром-гиль-Горм, Крушитель Мечей, Творитель Сирот, король Ванстерланда.

– Угадал! – Горм похлопал в увесистые ладоши. – Хотя каков твой выигрыш, мы еще поглядим. Я – *властвую* над ванстерцами. Сдается, властвую и над этими несчастными обездоленными. Над теми, кого твои соотечественники-гетландцы сегодня так вольготно грабили, резали, увозили в рабство, нарушая слово Верховного короля в Скегенхаусе – ведь он запретил вынимать мечи из ножен. Любо ему нашу забаву портить, что поделать. – Горм рыскнул глазами по разоренью. – Как по-твоему, справедливо ль все это?

– Нет, – севшим голосом пролепетал Ярви, и ему не пришлось лгать.

К королю подступила женщина с черновато-пепельными, почти налысо сбритыми волосами. Ее белые руки от плеч до самых пальцев покрывали голубые узоры. Некоторые Ярви узнал по учебе: знаки для исчисления будущего по звездам, круги в кругах, где начертано, как взаимосвязаны малые боги, руны, что повествуют о величинах, временах и расстояниях – и дозволенных, и запретных. На предплечье в ряд пять эльфийских запястий – осколки далекого прошлого, талисманы неслыханной старины и ценности со вставками-символами, значение которых кануло в пучину времен – пылали золотом, стеклом и сталью.

И Ярви понял, что перед ним мать Скейр, служительница Горма. Та, что отправила голубя матери Гундринг и мирными посулами заманила отца на смерть.

– Какой же король Гетланда приказал устроить здесь бойню? – спросила она трескучим, как у голубя, голосом.

– Одем. – И Ярви с болью осознал, что это правда. Его губы сжались, как от оскомины.

– Итак, лис убил своего братца-волка.

– Подлое зверье. – Горм вздохнул, отстраненно крутя на цепи трофейное наверху. – Верно, к тому все и шло. Верно, как и то, что Матерь Солнце спешит за Отче Месяцем по небу.

– Короля Атрика ты убил. – Сам того не желая, Ярви сплюнул кровавой мокротой.

– Вот как у вас говорят? – Горм поднял могучие длани, оружие на его поясе сдвинулось. – А что ж я тогда не похваляюсь содеянным? Эй, почему скальды до сих пор не воспели сей подвиг? Ужель моя победа недостойна веселья?

Он засмеялся, опуская руки.

– На моих ладонях, поваренок, крови – до плеч, ибо кровь мне милей всего на свете. Только вот беда: не все люди, что умерли, убиты мною.

Один из его кинжалов высунулся из-за пояса. Роговая рукоять смотрела прямо на Ярви. Можно успеть схватить. Будь он отцом, или братом, или храбрым Кеймдалем – кто погиб, защищая своего короля, он бы выхватил нож, вонзил бы его в живот Гром-гиль-Горма и выполнил бы свою торжественную клятву отмщения.

– Захотел погремушку? – Горм сам вытащил этот кинжал и, держа за светлое лезвие, протянул Ярви. – Так бери. Но знай – Матерь Война дохнула на меня еще в колыбели. Предсказано, что ни одному мужу не по силам меня убить.

Какой он огромный на фоне белесого неба, развеваются волосы и сверкает кольчуга. А на обветренном, бывалом лице – теплая улыбка. Неужели Ярви клялся отомстить такому великанищу? Он, полумужчина, с одной тоненькой, бледной рукой? Он посмеялся б над своей самонадеянностью, когда б не трясся от холода и страха.

– Растянуть его на колышках у прибоа да размотать кишки для ворон, – сказала Гормова служительница, не сводя с Ярви глаз.

– Вечно ты об одном и том же, мать Скейр. – Горм просунул нож обратно за пояс. – Жаль, вороны мне спасибо не скажут. Это ж мальчишка. Навряд ли именно он замыслил это побоище. – Ох, как верно сказано. – Я – не благородный король Одем, и не по мне возвышаться, убивая слабых.

– А где справедливость? – Служительница нахмурилась на закутанные тела, и на ее бритой голове заиграли мускулы. – Народ изголодался по возмездию.

Горм оттянул губы и похабно дунул.

– Скоро народ просто изголодается. Ты что, ничему не научилась у Золотой Королевы Гетланда, прекрасной и мудрой Лайтлин? К чему убивать то, что можно продать? В ошейник его, а потом бросьте к остальным.

Ярви только пискнул, когда один из подручных вскинул его за плечи, а другой защелкнул вокруг шеи железный обруч.

– Как передумаешь насчет ножа, – все так же улыбаясь, окликнул Горм, – разыщи меня. Бывай, бывший поваренок!

– Стойте! – просипел Ярви, ясно осознав, что надвигается дальше. Его ум метался в поисках любой лазейки, как этого избежать. – Подождите!

– Чего ждать? – спросила мать Скейр. – Хорош уже ему бляеть.

Удар в живот отнял у него дыхание. Обмякшее тело подтащили к старой плахе. Один держал его, пока он кхыкал, а второй поднес штырь, огненно-желтый после горнила, и клещами задвинул его в зажим ошейника. Первый ударил молотом, чтобы намертво заклепать ворот, но напортачил – попал по штырю вскользь и капли расплавленного железа брызнули Ярви на шею.

Такой боли он не знал никогда – и он визжал, верещал, как котелок на огне, и выл, и рыдал, и корчился на колоде, пока кто-то из них не подхватил его за рубашку и не бросил в зловонную лужу – там, зашипев, железо остыло.

– Меньше на одного поваренка. – Лицо матери Скейр было белым, как молоко, и мраморно-гладким, а глаза синели, как зимнее небо, и не было жалости в них. – Больше на одного раба.

Часть 2 «Южный Ветер»

Дешевле некуда

Ярви сидел на корточках в вонючей тьме, ощупывал ожоги на шее и свежие царапины на обритом черепе. Днем он истекал потом, а ночью содрогался от холода и слушал, как надорванными глотками стонет, хнычет и на дюжине наречий безответно молит богов людское отребье. Как надрывается его собственная глотка, самая громкая из всех.

Наилучший товар кормили и содержали в чистоте наверху – тех, в надраенных ошейниках, ставили вдоль улицы служить заведению вывеской. На задворках барака не столь мускулистых, умелых или хороших собой приковывали к загородке и били до тех пор, пока те не научатся улыбаться покупателям. А здесь, внизу, в темноте и грязе, держали старых, больных, дурачков и калек – рвать друг у друга объедки, как свиньи.

Здесь, в Вульгарде, столице Ванстерланда, широко расплылся невольничий рынок, здесь каждому знали цену, и на бросовый товар не транжирили лишку. Простой итог затрат и прибытка, отшелушенный от бесполезных чувств. Здесь ты узнаешь, чего стоишь на самом деле, и давние подозрения Ярви оправдались.

Его готовы отдать за бесценок.

Первое время его ум закипал от планов, наметок и грез. Он очумел, перебирая миллионы различных способов мести. Но ни один из них не годился здесь и сейчас. Если заорать, что он полноправный король Гетланда, то кто этому поверит? Он едва ли верил и сам. А если он придумает, как убедить, и те поверят? Их ремесло – людьми торговать. За него, конечно же, запросят выкуп. Улыбнется ли от души король Одем, когда вернет под свою ласковую опеку запропавшего племянника? Вне всяких сомнений. Улыбкой ровной и гладкой, как свежее выпавший снег.

Поэтому Ярви сидел на корточках в этой невыносимой темной дыре и не переставал поражаться, к чему только не способен привыкнуть человек.

На второй день он уже не замечал зловония.

На третий, сбившись в комок, он благодарно прижимался к своим богами проклятым спутникам, лишь бы согреться промозглой ночью.

На четвертый он, не менее рьяно, чем прочие, рылся в грязи, когда во время кормежки им кидали помой.

На пятый он с трудом вспоминал лица самых близких людей. Он путал свою мать и мать Гундринг, предатель-дядя мешался с умершим отцом, Хурик стал неотличим от Кеймдаля, а Истриун истаяла в туманный призрак.

Удивительно, с какой быстротой король способен превратиться в животное. Или, точнее, полукороль в полуживотное. Вероятно, всех тех, кого мы превозносим, отделяет от грязи не такая уж и заоблачная высота.

Вскоре после того, как над этим рукотворным адом в седьмой раз разгорелась заря – сосед-торговец доспехами с мертвецов только начал перекрикивать курлыканье чаек, – Ярви услышал снаружи разговор.

– Мы ищем мужиков, которые смогут толкать весло, – проговорил твердый, уверенный бас. Голос человека, привыкшего говорить прямо – и не торгуясь.

– Девять пар рук, – мягко добавил голос потоньше. – После лихорадки наши скамьи подопустели.

– Отлично, друзья! – это отозвался хозяин лавки – хозяин Ярви – липким медовым голосом. – Взгляните – перед вами Намев из страны шендов, первый боец своего народа, взят в плен в сражении! Видите, какая у него выправка? Обратите внимание – вот это плечи! Он один вытянет ваш корабль. Такого качества вам не найти...

Первый покупатель хрюкнул, как боров:

– Искали бы мы качество, пошли б на другой конец улицы.

– Оливой тележную ось не смазывают, – прибавил второй.

Над головой загремели шаги, просеялась пыль, и замигал свет в прорехах меж досками. Рядом, не шевелясь, затаив дыхание, прислушивались рабы. Голос хозяина звучал глуховато, и меда в нем было уже чуточку меньше.

– Вот шестеро крепких инглингов. На нашем языке моря они говорят еле-еле, но сказанное хлыстом понимают с первого раза. Прекрасно подходят для тяжелой работы, цена отличная...

– Льняным маслом телегу тоже не мажут, – произнес второй голос.

– Показывай нам смалец и деготь, торговец плотью, – прорычал первый.

Заскрипели сырые петли, и наверху ступеней открылся люк. Все рабы невольно сжались, не выделялся из них и Ярви. Пускай он не привык к рабской доле, но в том, как сжиматься от испуга, у него опыта хоть отбавляй. С помощью щедрой ругани и дубинки торговец плотью вытащил их на середину и под печальный перезвон оков расставил в нестройную, хрипатую шеренгу.

– Чтoб я твоей руки не видел! – зашипел работорговец, и Ярви втиснул кисть в разломаченный рукав. Теперь он стремился лишь к одному – только б его купили и забрали к новому хозяину – и вывели из этого смрадного ада на свет Матери Солнца.

Покупатели осторожно сошли по ступеням. У первого, лысоватого здоровяка, на поясе висел свернутый кнут, а колючий взгляд из-под кустистых бровей предостерегал, что дурачить такого встанет себе дороже. Второй был много моложе, долговязый, стройный и симпатичный, с пушком бороды и налетом горечи на губах. На его горле блеснул тусклый луч – ошейник. Выходит, он и сам невольник, хоть, судя по одежде, и в милости у хозяев.

Работорговец поклонился и показал дубинкой на шеренгу.

– Самые дешевые – распродажа – и не стал утруждаться цветистыми фразами. Изысканные слова с этим местом не сочетались.

– Одни негодные отбросы, – сказал долговязый раб, морща нос от запаха.

Его коренастый спутник не отступился. Мускулистой лапой он притянул спутника-невольника к себе и тихо проговорил на галинейском:

– Нам гребцы нужны, а не короли. – На этом языке разговаривали в Сагенмарке да на тамошних островах, но Ярви обучался на служителя и знал большинство языков земель моря Осколков.

– Капитан считать умеет, Тригг, – ответил симпатичный раб, беспокойно потирая ошейник. – А вдруг она сообразит, что мы ее надуваем?

– Скажем, что это лучшее из того, что было. – Впалые глазки Тригга изучали унылое сборище. – А потом ты ей выдашь новую бутылку, и она обо всем забудет. Или тебе серебро не нужно, Анкран?

– Знаешь же, что нужно. – Анкран стряхнул руку Тригга и скривил губы. Не устаивая их взглядом, он вытаскивал невольников из ряда. – Этот... этот... вот этот...

Его рука проплыла над Ярви и начала отдаляться.

– Я умею грести, сир. – И это была величайшая ложь, произнесенная Ярви за всю свою жизнь. – Я ходил в помощниках у рыбака.

В итоге Анкран отобрал девятерых. Среди них слепой тровенландец, которого отец сменял на корову, старый островитянин с горбатой спиной и хромой ванстерец, которому с трудом давалось не кашлять, хотя бы пока за него не заплатят.

Ах да, еще и Ярви – законный король Гетланда.

Торговля велась лютая, но наконец Тригг с Анкраном добились от барыжника взаимопонимания. Струйка сияющих гривен полилась в руки торговца, несколько капель – обратно в кошелёк, а главную долю пустили в карманы закупщиков, то есть, насколько понял Ярви, обворовали капитана.

По его подсчетам, он обошелся дешевле хорошей овцы.

И не жалел о цене.

Одна семья

Пришвартованный к причалу «Южный Ветер» походил на что угодно, только не на теплое и стремительное дуновение.

По сравнению с быстрыми, поджарыми судами Гетланда это был чудовищный увалень: большая осадка, раздутый корпус, две кряжистые мачты и пара дюжин громадных весел по обоим бортам. Нечищеную обшивку облепили водоросли вперемешку с раковинами морских желудей. Закругленный нос и корму огибали надстройки с окнами-прорезями.

– В гостях хорошо, а дома лучше, – сказал Тригг, подталкивая Ярви на сходню, между парой мрачных надсмотрщиков.

На шканцах сидела темнокожая девушка и покачивала ногой, глядя, как новые невольники взбираются на судно.

– Получше вам не досталось? – спросила она почти без намека на акцент и изящно спрыгнула вниз. Она сама носила рабский ошейник, но из тонкой плетеной проволоки, а легкая цепь свободно обвивалась вокруг руки, словно украшение. Значит, эта рабыня здесь в еще большей милости, чем Анкран.

Она осмотрела горло кашляющего ванстерца и поцокала языком, ткнула пальцем в скрюченную спину шенда и с отвращением сдула щеки.

– Капитан не придет в восторг от такой бурды.

– А где же сама достославная предводительница? – Анкран как будто бы заранее знал ответ.

– Спит.

– На пьяную голову?

Темнокожая обдумала вопрос, слегка шевеля губами, будто вела подсчет.

– Не на трезвую.

– Ты, Сумаэль, давай, курсом заведуй, – буркнул Тригг, проталкивая союзников Ярви вперед. – Гребцы – моя забота.

Сумаэль прищурила черные глаза на Ярви, когда, шаркая, он с ней поравнялся. Ее верхнюю губу насквозь прорезал шрам, и в выемке виднелся треугольничек белого зуба. Он поймал себя на мыслях о том, в каком южном краю она родилась и как попала сюда, старше она его или моложе – по ее коротко подрезанным волосам и не скажешь...

Проворной рукой она схватила и выкрутила его запястье – кисть вывалилась из рукава.

– У этого рука искалечена. – Без насмешки, голый факт – будто приметила в стаде хромую корову. – На ней всего один палец. – Ярви силился высвободиться, но на деле девушка оказалась крепче, чем с виду. – И тот, кажись, нездоровый.

– Хренов барыга! – Анкран растолкал их локтями, сгреб руку Ярви и повертел, изучая. – Ты ж сказал, что грести умеешь!

Ярви только опустил плечи и пробормотал:

– Я же не сказал, что хорошо.

– Да, похоже, верить нельзя никому, – сказала Сумаэль, приподняв черную бровь. – И как ему грести одной рукой?

– Как-нибудь приспособится, – заявил Тригг, подступая к ней. – У нас девять мест и девять рабов. – Он наклонился к Сумаэль, его плоский нос от ее заостренного отделяло не больше пяди. – Или ты жаждешь сама пересечь на скамью?

Она лизнула выемку на губе и осторожно отодвинулась.

– Я пойду проверю курс, ладно?

– Дельная мысль. Калеку прикуйте к веслу Джойда.

Ярви проволокли по горбтому мостку посередине палубы, поперек скамей по обоим бортам, где у огромных весел по трое располагались мужчины – как один налысо бритые, худые, в ошейниках. Каждый из них разглядывал Ярви с разной долей жалости к нему, жалости к себе, презрения и скуки.

Один скорчился на четвереньках, отдраивая палубу, – лицо скрывала целая копна линялых волос и бесцветной бороды – настолько оборванный, что самые обносившиеся из гребцов против него казались князьями. Надсмотрщик отвесил ему равнодушный пинок, как приبلудной собаке, и тот пополз прочь, волоча за собой тяжеленную цепь. Корабельное оснащение в целом выглядело небогатым, однако нехватку цепей здесь не испытывали.

Ярви, куда грубее необходимого, швырнули между двух невольников – не внушающего доверие вида. На конце весла громила-южанин с буграми и складками мышц там, где полагалось быть шее, – запрокинул голову и смотрел, как кружат морские птицы. Возле уключины угрюмый старик – невысокий и коренастый, на его жилистых предплечьях топорщились седые волоски, а на щеках от жизни под открытым небом полопались вены, – ковырял мозоли на широченных ладонях.

– Что ж вы творите, боженьки! – качая головой, забарахтел тот, кто постарше, когда стражники закрепили подле него цепь Ярви. – У нас на весле – калека.

– Ты ж сам молил их о помощи? – заговорил южанин, не поворачивая головы. – Вот она, помощь.

– Я молил о помощи с двумя руками.

– Прими с благодарностью половину того, о чем молишь, – сказал Ярви. – Уж поверь, я не вымаливал ничего подобного.

Уголки губ здоровилы слегка подогнулись кверху, когда тот искоса посмотрел на Ярви.

– Раз надо таскать мешки – не хнычь, а начинай перетаскивать. Я – Джойд. Вон тот брюзгливый – Ральф.

– Меня Йорв зовут, – сказал Ярви, заранее продумав повествование о себе. *Храни свою ложь бережно, как зерно на зиму*, сказала бы мать Гундлинг. – Я поваренком был...

Привычно свернув язык трубочкой и дернув головой, старик сплюнул за борт.

– Теперь ты никто, и все тут. Забудь обо всем, кроме следующего удара весла. Тогда станет чуточку легче.

Джойд тяжело вздохнул.

– От Ральфовых прибауток веселья не жди. Сам-то кислющий как лимон, но мужик что надо, коли выпадет пора прикрывать тебе спину. – Он выдохнул сквозь сомкнутые губы. – Впрочем, стоит признать, этого никогда не случится, раз его приковали сбоку.

Ярви грустно хихикнул, наверно, впервые с тех пор, как стал рабом. Наверно, и впервые, как стал королем. Но смех его надолго не затянулся.

Дверь полуоткрыта с грохотом распахнулась – оттуда вальяжной походкой на свет вышла женщина, картинно воздела обе руки и завопила:

– Я пробудилась!

Очень высокой была она, с ястребиными чертами лица, смуглую щеку пересекал бледный шрам, а нечесанные волосы заколоты в клубок. Ее одежды – в обычаях дюжины народов – кричали крайне непрактичным роскошеством: полоскались рукава шелковой сорочки с обтрепанным кружевом, ветер ерошил серебристый мех полушубка, на одной руке – перчатка без пальцев, на другой – пальцы унизаны кольцами, позолоченный конец ремня с хрустальными бусинами болтался над рукоятью кривого меча, свисавшего до нелепости низко.

Она отпихнула ногой ближайшего гребца, водрузила остроносый сапог на его лавку и ухмыльнулась всему кораблю, сверкнув золотыми зубами.

Тотчас и рабы, и надсмотрщики, и моряки принялись бить в ладоши. Не присоединились ко всем только трое: Сумаэль сидела на шканцах, уперев язык в щеку, брусочек нищего

оборванца с прежним «хрысь-хрысь» отскребал шкафут и с ними бывший государь Гетланда, Ярви.

– Сволочная стерва! – выцедил рукоплещущий Ральф сквозь остекленелую улыбку.

– Лучше похлопай, – проорчал Джойд.

Ярви поднял обе руки:

– К этому я приспособлен еще хуже, чем к веслу.

– Ой, детоньки, детоньки! – воскликнула женщина, от переизбытка чувств прижимая к груди кулак, – вы оказываете мне чересчур много почестей! Впрочем, не бойтесь переборщить. Тем, кто к нам только что присоединился: я Эбдель Арик Шадикширрам, ваш капитан и благодетель. Должно быть, вы обо мне наслышаны – ведь имя мое гремит по всему морю Осколков и за его пределами, о да, до самых врат Первого Града и далее.

До Ярви ее имя прежде как-то недогрелось, но, как привыкла повторять мать Гундринг: *знающий толк в словах сперва постигает, когда надо безмолвствовать.*

– Я бы попотчевала вас невероятными историями о моем красочном прошлом, – продолжала она, поигрывая то с кольцом в ухе, то с перьями шляпы, спадавшими куда ниже плеч. – Рассказами о том, как я возглавляла победоносный флот императрицы в битве при Фулку, о том, как стала возлюбленной самого герцога Микедаса, но отказалась за него выйти, о том, как разметала морскую блокаду Инчима, как правила судном в самый яростный шторм со времен Божьего Разрушения, как причалила к огромному киту, и то и се... но смысл?

Она с любовью похлопала по щеке ближайшего раба – достаточно сильно, чтобы ясно прозвучали шлепки.

– Скажем просто: отныне этот корабль – ваш мир, и здесь, на корабле, я – госпожа, а вы – чернь.

– Мы господа, – эхом откликнулся Тригг, мрачно обведя взглядом скамьи, – а вы – чернь.

– Сегодня мы неплохо подзаработали, несмотря на печальную потребность заменить нескольких ваших собратьев. – Пряжки капитанских сапог зазвенели, когда та вразвалку прошлась меж скамей. – Вечером каждый наестся хлеба и выпьет вина. – В честь такого впечатляющего проявления щедрости разнеслось ликование. – Так что, хоть всеми вами владею я...

Тригг шумно прокашлялся.

– ...и другие пайщики нашего отважного судна...

Тригг с опаской кивнул.

– ...мне по нраву считать нас одной семьей! – Капитан распростерла руки, принимая в объятия весь корабль. Ее непомерные рукава поплыли по ветру – будто пыталась взлететь гигантская птица. – Я для вас – терпеливая бабушка, Тригг и его охрана – добрые дядюшки, вы – шалуны-недорослки. Мы вместе сплотились против беспощадной Матери Моря, извечного, заклятого врага мореходов! Вам, детишкам, везет, поскольку я всегда страдала от переизбытка милосердия, жалости и доброты.

В ответ на это Ральф с омерзением харкнул.

– Большинство из вас уразумеет вести себя, как подобает благопристойным отпрыскам, но... вдруг... – и улыбка Шадикширрам увяла, уступив место деланой гримасе боли, – среди вас найдутся смутьяны, которые решат, что им со мной не по пути?

Тригг досадливо зарычал.

– Которые вздумают повернуться спиной к любящему семейству. Покинуть на произвол судьбы своих сестер и братьев. *Бросить* своих верных товарищей в какой-нибудь гавани. – Капитан провела кончиком пальца по тонкому шраму на щеке и оскалилась. – Или даже поднять подлую руку на тех, кто так заботливо за ними ухаживает.

Тригг с ужасом втянул воздух.

– Если вдруг некий дьявол подкинет вам подобные мысли... – Капитан наклонилась над палубой. – Подумайте о том, кто последним пытался так поступить.

Она выпрямилась, поднимая напоказ тяжелую цепь. А потом резко ее рванула и опрокинула вверх тормашками грязного оттиральщика палубы. Тот только взвизгнул – спутанный ком рук, ног, волос и лохмотьев.

– Не подпускайте это существо к острому железу и близко! – Она наступила на его ничком лежащее тело. – Ни к кухонному ножу, ни к ножницам, ни к крючку на удочке! – Она прошлась по нему, вминая в спину высокие каблуки – и, несмотря на неровность поверхности, ни на миг не потеряла осанку. – Он – никто и *ничто*! Все меня слышали?

– Сволочная стерва, – опять зашептал Ральф, когда та грациозно спрыгнула с головы оборванца.

Ярви смотрел, как несчастный скребун перекатывается на четвереньки, утирает кровь со рта, тянется к своему бруску и без единого звука отползает работать дальше. Лишь на мгновение он посмотрел капитану в спину: из-под всклокоченных волос выглянули его глаза – яркие, как звезды.

– По местам! – заорала Шадикширрам. Она одним махом взлетела по трапу на шканцы и приостановилась, теребя украшения на пальцах. – Правь на юг! В Торлбю, мои несмышлениши! Нажива ждет! И, Анкран?

– Да, капитан, – ответил Анкран в таком низком поклоне, что едва не подмел палубу.

– Притащи вина, от болтовни у меня разыгралась жажда.

– Все слышали бабулю?! – проревел Тригг, разматывая кнут.

Загремел топот и раздались голоса, свист канатов и скрип снастей – вольные моряки бросились отдавать швартовы и готовить «Южный Ветер» к выходу из гавани Вульсарда.

– Что же дальше? – шепнул Ярви.

Ральф лишь озлобленно фыркнул в ответ на такую наивность.

– Дальше? – Джойд поплевал на могучие ладони и примерился к отшлифованным рукояткам весла. – Гребем.

Взяли

Довольно скоро Ярви пожалел, что не остался в подвале работорговца.

– Взяли.

Башмаки Тригга отбивали неумолимый ритм. Старший надсмотрщик вышагивал по мостку со свернутым кнутом в мясистых руках и прочесывал глазами скамьи – кого им надобно воодушевить. Грубый голос грохотал размеренно и безжалостно:

– Взяли.

Не стало сюрпризом, что иссохшая рука Ярви справлялась с рукоятью огромного весла еще хуже, чем со щитом. Увы, мастер Хуннан теперь вспоминался заботливой нянькой по сравнению с Триггом. У этого бич служил первым средством при любых затруднениях, а когда после побоев у Ярви так и не выросли новые пальцы, его левое запястье прикрепили к веслу трущими кожу лямками.

– Взяли.

Руки Ярви, его плечи и спину ломило все больней и больней с каждым непосильным рывком. Хоть шкуры, постеленные на банках, изнашивались до мягкости шелка, а рукояти нагладко отшлифовали его предшественники, с каждым ударом весла зад драло все сильнее, а ладони словно свеживали заживо. Рассечения от кнута, синяки от пинков и нехотя заживавшие под грубым железом ошейника ожоги с каждым новым взмахом все злее разъедало морской водой и соленым ветром.

– Взяли.

Это истязание давно перевалило всякий мыслимый предел, до которого Ярви хватило б сил выдержать, – вот только кто бы мог представить, на какие нечеловеческие усилия способен подвинуть кнут в умелых руках. Скоро, заслышав где угодно его треск или просто скрип башмаков Тригга в их сторону, Ярви вздрагивал, всхлипывал и крепче наваливался на свой участок весла, роняя со стиснутых зубов слюни.

– Этот мальчишка долго не протянет, – рычал Ральф.

– Один раз – один взмах, – тихо шептал Джойд. Сам он толкал весло плавно, размеренно, с нескончаемой силой – будто был сделан из стали и дерева. – Дыши медленно. Дыши вместе с веслом. Раз – вдох.

Ярви не понимал почему, но это немного помогало.

– Взяли.

Вот так стучали уключины и звенели цепи, скрежетали канаты и скрипел настил, а из гребцов – кто стонал, кто ругался, кто молился, кто мрачно безмолвствовал, и «Южный Ветер» понемногу продвигался вперед.

– Один раз – один взмах. – Мягкий голос Джойда вел его сквозь крошечную мглу отчаяния. – Раз – взмах.

Ярви не сумел бы назвать наихудшее из мучений: как жалит бич, или как горит натертая кожа, или как разламываются мышцы, или голод, или холод, или то, что он опустил так низко. И тем не менее неумолчный скрежет пемзы безымянного скоблильщика – вперед по палубе, назад по палубе, затем снова вперед по палубе; то, как мотаются туда-сюда его жидкие волосы; как сквозь рванину просвечивает исполосованная спина; как желтеют зубы за раззявыми, трясущимися губами, – напоминало Ярви о том, что бывает и хуже.

Всегда есть что-то, что еще хуже.

– Взяли.

Время от времени у богов просыпалась жалость над его несчастной долей, и те посылали глоток желанного ветра. Тогда Шадикширрам золотилась улыбкой и с видом терпеливой мамы, которая не может не потакать неблагодарному отпрыску, приказывала убраться с весла

и развернуть громоздкие паруса из овечьей шерсти с кожаными накладками – и на весь свет объявляла о том, как ее доброта ее же и губит.

Тогда до слез ей признательный Ярви откидывался на неподвижное весло задней скамьи, смотрел, как над головой волнами колыхнется парусина, и впитывал вонь более чем сотни потных, разбитых, потерявших надежду людей.

– А когда мымоемся? – спросил Ярви во время одного такого благодатного затишья.

– Когда об этом позаботится Матерь Море, – прорычал Ральф.

Такое бывало нередко. Ледяные валы лупят корабль в борт, расшибаются и рассеиваются каплями брызг – и люди промокают до нитки. Матерь Море окатывает палубу и плещется под ногами, до тех пор, пока все кругом не покроет соленая корка.

– Взяли.

Каждая тройка сидела на банке, под общим замком на троих. Ключи хранились только у капитана и Тригга. Каждый вечер прикованные к скамье невольники поедали свой скудный паек. Каждое утро они, прикованные к скамье, садились на корточки над шербатой бадьей. Прикованные к скамье, они засыпали, укрывшись загаженными одеялами и лысыми шкурами – над кораблем разносились их стоны, ропот и храп, и в воздухе клубился пар от дыхания. Раз в неделю, прикованные к скамье, они сидели молча, пока им кое-как грубо обривали головы и подбородки – для защиты от вшей, ничуть не избавляя от мелких попутчиков.

Единственный раз, когда Тригг с большой неохотой достал свой ключ и отпер один из замков, случился одним холодным утром – тогда кашляющего ванстерца нашли мертвым. Его одновесельники так и сидели с пустыми лицами, когда мертвеца стащили с банки и вытолкнули за борт.

Единственным, кто почтил словами его уход, был Анкран. Теребя себя за хлипкую бородку, он произнес:

– Нам понадобится замена.

На минуту Ярви приуныл: ведь тем, кто жив, теперь придется трудиться и за покойника. Затем его обнадежило: зато остальным достанется чуточку больше еды. А потом ему стало тошно от самого себя и своего нового образа мыслей.

Но не настолько тошно, чтобы он отказался взять свой кусочек пайка бедного ванстерца.

– Взяли.

Ярви не помнил, сколько ночей он провел обессиленным в забытии; сколько раз по утрам просыпался, скуля от ломоты после того, как вчера надсаживался до предела – лишь затем, чтобы снова трудиться до потери сознания, да еще с побоями – чтоб не скулил; сколько дней он не думал вообще ни о чем, кроме следующего взмаха весла. И все-таки, наконец, пришел вечер, когда он провалился в сон без сновидений не сразу же после отбоя. Когда его мускулы начали крепнуть, первые мозоли полопались, а бич хлестал спину уже не так часто.

«Южный Ветер» стоял на якоре, плавно покачиваясь. Шел ливень, поэтому паруса опустили и растянули над палубой в виде большого навеса, по широкому полотнищу барабанили крупные капли. Тем, кто умел ими пользоваться, выдали удочки, и сгорбленный Ральф со своей что-то мурлыкал рыбам в темноте возле уключины.

– Для однорукого, – сказал Джойд, и цепь зазвенела, когда южанин упер здоровенную босую ногу в весло, – сегодня ты здорово греб.

– Ага. – Ральф харкнул прямо сквозь уключину, и изменчивый луч Отче Месяца высветил усмешку на его плоском лице. – Мы еще сделаем из тебя полгребца.

И хотя один из них родился от него за многие мили, а другой до него за долгие годы и Ярви ничегошеньки о них не знал, кроме того, что читалось на их лицах, и пускай тянуть весло на купеческой галере невесть какой подвиг для сына короля Атрика Гетландского, Ярви почувствовал, как щеки заливают гордость, а на глаза наворачиваются слезы – так между соратниками по веслу возникают необъяснимые и прочные узы.

Когда ты прикован с кем-то бок о бок, когда делишь с ним еду и невзгоды, бич надсмотрщика и пощечины Матери Моря, когда подстраиваешься под его ритм, толкая один и тот же неподъемный вал, когда вы прижаты друг к другу в ледяной ночи или поодиночке встречаете равнодушный холод – вот тогда ты начинаешь узнавать человека по-настоящему. Его, не спрося, втиснули между Ральфом и Джойдом, а неделю спустя Ярви поневоле задумался: а были ли у него вообще хоть когда-нибудь друзья лучше и ближе этих?

Впрочем, это скорее говорило о его прошлой жизни, чем о теперешних спутниках.

На другой день «Южный Ветер» подошел к Торлбю.

Пока Сумаэль, угрюмо стоя на баке, понуканьями, угрозами и бранью не вывела пузатую галеру к причалу, где кипела суета, Ярви не верилось, что сейчас он живет в том же мире, в котором когда-то был королем. Но он, тем не менее, здесь. Дома.

Знакомые серые постройки охватывали ярусами покатые склоны, становясь величественней и старше по мере того, как Ярви поднимал взгляд – пока, черная на белесом небе, опираясь на прошитый туннелями утес, перед ним не предстала цитадель. Место, где он вырос. Отсюда виднелась шестигранная башня, покои матери Гундринг – там он корпел над ее уроками, там раскрывал ее загадки, наперед наметив счастливую жизнь служителя. Отсюда виднелся сверкающий медью купол Зала Богов – там он обручился с двоюродной сестрой Исриун, там их руки перевязали вместе и ее губы коснулись его губ. Отсюда виднелись холмы и дюны, где стояли курганы предков – там боги и люди слышали, как он поклялся отомстить убийцам своего отца.

Удобно ли сидится на Черном престоле дяде Одему? Поют ли ему здравицы подданные, которые, наконец, получили короля себе по нраву? Конечно.

Пошла ли к нему в служители мать Гундринг? Нашептывает ли у дядино плеча свои краткие и мудрые советы? Скорее всего.

Взяли ли на место Ярви нового ученика? Протирает ли тот штаны на его стуле, кормит ли его голубей, носит ли каждый вечер дымящийся чай? А как же.

Прольет ли Исриун горькие слезы оттого, что ее увечный нареченный уже не вернется? Она забудет его с той же легкостью, с какой позабыла брата.

Пожалуй, о нем будет тосковать только мать – и то по одной причине: несмотря на все хитроумие, ее стальная хватка на государстве рассыплется в прах без сына-марионетки на черном детском стульчике.

Сожгли ли в его честь корабль, воздвигли ли пустой курган, как утопшему дяде Атилию? Что-то он сомневался.

Пока он думал об этом, его иссохшая кисть свернулась в узловатый, дрожащий кулак.

– Чего ты встревожился? – спросил Джойд.

– Здесь был мой дом.

Ральф устало вздохнул.

– Послушай того, кто знает наверняка, поваренок: прошлое прошло навеки.

– Я дал клятву, – сказал Ярви. – Клятву, от которой не уплыть, как ни гребь.

Ральф снова вздохнул.

– Послушай того, кто знает наверняка, поваренок: никогда ни за что не клянись.

– Но раз ты уже поклялся, – сказал Джойд. – Что теперь?

Ярви помрачнел и до боли стиснул челюсти, глядя на крепость. Может статься, боги послали это испытание в наказание. За то, что он был таким доверчивым, таким самодовольным, таким слабым. Но они оставили его в живых. Ему даровали возможность исполнить клятву. Пустить кровь вероломному дядюшке. Вернуть Черный престол.

Но боги не станут ждать целую вечность. С каждым новым восходом тускнеет память об отце. С каждым новым полднем тает могущество матери. С каждыми новыми сумерками

дядина длань, обхватившая Гетланд, сжимается крепче. С каждым заходом солнца надежды Ярви подтачивает тьма.

Ясно одно: ни о каком возмездии и возвращении королевства нет и речи, пока он привязан к веслу и прикован к скамье.

Пора искать путь на свободу.

Инструменты служителя

Взмах неподъемного весла, и снова взмах – и Торлбю, и дом, и прежняя жизнь текли, плавно скользя, в небытие. На юг неспешно продвигался «Южный Ветер» – вот только ветер был плохим помощником гребцам на судне. На юг, мимо Гетландских мысов, шхер и заливов, обнесенных валами поселений, рыбацких лодок на волнах прибоя. Мимо луговин и пастбищ, мимо всхолмий с черными точками овец.

И беспощадная, под скрип зубов и надрывы жил, война Ярви с веслом продолжалась. Нельзя сказать, что он побеждал. Победителей не было. Но его поражения, пожалуй, становились не настолько разгромными.

Сумаэль вела их вплотную к берегу, после того как судно, пройдя устье реки Шлемов, загудело от ропота и молитв. Гребцы со страхом посматривали в сторону моря, где спираль черной тучи взрезала небо. Пусть отсюда не разглядеть, но все знали – там, за горизонтом, таилась ломаная цепь островков, которые венчали обломки эльфийских башен.

– Строком, – прошептал Ярви, вытягиваясь, чтобы лучше видеть и одновременно страшась туда смотреть. В века былые из разрушенных эльфийских жилищ люди часто приносили дивные вещи – остатки тех времен, но гордились ими недолго, заболели и вскоре умирали, и Община служителей объявила те места запретными для человека.

– Отче Мир, защити нас, – буркнул Ральф, начертав нетвердой рукой над своим сердцем священные знаки. Рабам не нужен был кнут, чтобы удвоить усилия и оставить тень над морем далеко за кормой.

Самое смешное, что именно этим маршрутом Ярви должен был плыть на свое испытание. В том путешествии принц Ярви, развалившись с книгами на вышитом покрывале, не уделил бы и мысли страданиям невольников на веслах. Теперь, прикованный к банке, он выбрал себе предметом штудий «Южный Ветер». Сам корабль, людей на нем и то, каким образом ими можно воспользоваться, чтобы навсегда от них же освободиться.

Главный инструмент служителя – это люди, часто повторяла мать Гундринг.

Эбдель Арик Шадикширрам, флотоводец, славная подвигами в любви и торговом деле, большую часть времени пила, а почти все оставшееся время спала в пьяной отключке. Порой ее храп доносился с каюты на кормовой надстройке, непостижимым образом отбивая такт ударам весел. Порой, в подавленном состоянии духа, она выходила с полупустой бутылкой на бак, где, уперев руку в бедро, угрюмо вглядывалась вперед – словно подначивала ветер дуть крепче. Порой она бродила по продольному мостку, раскидывая шутки и хлопая рабов по взмыленным спинам, будто давних друзей. Проходя мимо безымянного скоблильщика палубы, она никогда не упускала случая придавить его, пнуть или вылить на голову ночной горшок, после чего отхлебывала вина и ревела во всю глотку: «За наживой!» – а все гребцы были обязаны рукоплескать, и тот, кто ликовал особенно громко, мог и сам отведать капитанского винца, а тот, кто сидел молча, – Тригговой плетки.

Тригг – смотритель, главный надзиратель, железная лапа, старший после капитана. Он имел долю в прибыли. Он командовал охраной – примерно парой дюжин стражников, и отвечал за рабов, и следил, чтобы те строго выдерживали именно тот темп, который требовался капитану. Он был жесток, но при этом обладал внушающей страх справедливостью, ибо не знал снисхождения ни к кому. У него не было любимцев. Все получали свой кнут одинаково.

Анкран хранил припасы – представление о справедливости было ему незнакомо. Спал он под верхней палубой, на мешках и был единственным рабом, кому время от времени дозволялось сходить с корабля. В его задачу входило закупать провиант и одежду, а потом делить и отмерять. И он трудился, проворачивая каждый день тысячу мелких надувательств. Он брал

полутухлое мясо, урезал всем пайку, заставлял штопать втридорога купленные лохмотья – и делился прибытком с Триггом.

Когда он проходил мимо, Ральф всегда сплевывал с особенным отвращением.

– На кой этому подлому проныре серебро?

– Есть люди, которым просто нравятся деньги, – спокойно рассуждал Джойд.

– И рабы?

– Рабы хотят того же, что и все. Так они мирятся с тем, чего у них нет.

– Видать, так, – говорил Ральф, задумчиво глядя на Сумаэль.

Их проводник проводила большую часть своего времени на настиле одной из надстроек: сверялась с таблицами и инструментом; хмурилась на солнце либо на звезды и вела подсчет, загибая проворные пальцы; указывала на какую-нибудь скалу или мель, грозовую тучу или зыбкое течение и загодя рявкала, предостерегая команду. Пока «Южный Ветер» был в море, Сумаэль расхаживала по всему судну, но стоило им зайти в порт, как капитан первым делом цепляла ее длинную, изящную цепочку к железному кольцу на юте. Пожалуй, эта рабыня с ее умениями стоила больше всего корабельного груза.

Порой она лазила меж гребцов, не обращая на них внимания, карабкалась через весла, скамьи и людей, чтобы проверить, как закреплены снасти, или промерить глубину у борта линем с навязанными узлами. И всего раз она улыбалась на глазах у Ярви – когда с верхушки мачты изучала побережье в трубу из надраенной меди и ветер рвал ее короткие волосы. Должно быть, так же радостно чувствовал себя Ярви у очага матери Гундринг.

Теперь перед их взором раскинулся Тровенланд. Голодные волны штурмовали тусклые серые утесы, прибой обгладывал отмели вдоль серых песчаных пляжей, тянулись серые города, где на пристанях копейщики в серых кольчугах угрюмо провожали плывущие корабли.

– Мой дом стоял недалеко отсюда, – сказал Ральф, когда они опустили весла в воду одним серым утром. Изморось покрыла все вокруг росистыми капельками. – Два полных дня скакать в глубь страны. У меня было справное хозяйство, справная каменная печь и справная жена, которая принесла мне двух справных сыновей.

– А как ты здесь оказался? – спросил Ярви, бессмысленно теребя лямки на натертом левом запястье.

– Я воевал, сражался. Лучник, моряк, меченосец, а по летней поре – налетчик. – Ральф поскреб массивную челюсть, уже в седых колючках – казалось, его борода вылезает наружу, не прождав и часа после того, как ее сбреют. – Я дюжину лет прослужил у капитана по имени Хальстам, тот был легок на подъем. Я был его кормчим, с нами ходили Хопки Прищемипалец, и Синий Йеннер, и другие хваткие молодцы. Кой-какой успех в набегах нам улыбался, так что я мог позволить себе всю зиму просидеть у огня, попивая добрый эль.

– Эль со мной станет спорить, но жизнь-то, кажись, была неплохая, – проговорил Джойд, безотрывно глядя куда-то вдаль. Наверно, на собственное прошлое.

– Над тем, кому хорошо, боженьки горазды поохотать до отвала. – Ральф, причмокнув, всморкнул харкотину и послал ее в полет через борт. – Как-то зимой, как раз когда с выпивкой было туго, Хальстам свалился с коня и помер, а корабль перешел к его старшему сынку. Юный Хальстам был человек совсем другого склада: болтовни и гордости до хрена, а с умишком туго.

– Иногда сын с отцом ни в чем не схожи, – пробормотал Ярви.

– Хоть рассудок мой и был противу, пошел я и к нему в кормчие. Вот не прошло и недели, как мы вышли в море и он решил напасть на купеческий когг, слишком уж сильный для него. Хопки с Йеннером и много-много других в тот день отправились за Последнюю дверь. А горстку живых со мной вместе взяли в плен да потом продали. Два лета назад это было, и с тех самых пор я толкаю весло для Тригга.

– Горький конец, – сказал Ярви.

– Такой бывает у многих слащавых историй, – сказал Джойд.

Ральф пожал плечами.

– Я не скулю. Мы гуляли с размахом, наловили не меньше пары сотен инглингов и всех продали в рабство. А потом упивались наживой. – Старый разбойник потерся кистью о шершавые волокна весла. – Говорят, какое зерно посеешь, такой урожай и пожнешь. Видать, не врут.

– Ты бы сбежал, если б мог? – тихо пролепетал Ярви, не упуская из виду Тригга.

Джойд прыснул со смеху.

– В селении, где я жил, есть колодец. В этом колодце вода – самая вкусная в целом мире. – Он закрыл глаза и облизал губы – словно отведал той воды. – Я отдал бы все что есть за глоток воды из того колодца. – Он развел руками. – Но отдавать мне нечего. И глянь-ка на того, кто в последний раз решил сбежать.

И он кивнул на скоблильщика, чей брусочек бесконечно скреб, и скреб, и скреб палубу, и позвякивала тяжелая цепь, когда тот переставлял сбитые, отекающие колени на своем пути в никуда.

– Расскажите о нем, – попросил Ярви.

– Не знаю, как его звали. Ничто – так мы его все зовем. Когда меня привели на «Южный Ветер», он тянул здесь весло. Однажды ночью, у берегов Гетланда, он попытался уйти. Как-то выпутался из цепей и украл нож. Он убил троих охранников и рассек колено четвертому – так, что тот мужик не сможет ходить никогда. И это он оставил отметину на личике нашего капитана, пока они, вдвоем с Триггом, его не повалили.

Ярви оторопело смотрел на завшивленного скребуна.

– И все это – одним ножом?

– Да и ножик-то небольшой был. Тригг хотел вздернуть бунтаря на мачте, но Шадикширрам решила сохранить ему жизнь, нам всем, стало быть, в назидание.

– Милосердие ее и погубит, – вставил Ральф и безрадостно хохотнул.

– Она зашила порез, – продолжил Джойд, – а на него надела неподъемную цепь, наняла больше охранников и приказала им ни за что не подпускать его к острому железу. С тех самых пор он и драит тут палубу, и с тех самых пор я не слыхал от него ни слова.

– А ты? – спросил Ярви.

Джойд искоса ухмыльнулся.

– Я, когда надо, словечком, бывает, обмолвлюсь.

– Да нет, в смысле, какова твоя история?

– Я пекарем был. – Засвистели канаты, выбирая якорь, и Джойд вздохнул, сомкнул ладони на рукоятках весла, отшлифованных им самим до блеска, и, принаравливаясь, покруглил. – А теперь я тяну весло – вот и вся моя история.

Глупец бьет

Джойд тянул весло, и Ярви тянул вместе с ним, и даже на его левой, увечной руке твердели мозоли. Его лицо огрубело от непогоды, а тело вытянулось, стало упругим и жестким, как Триггов кнут. Под ливень и шквал они обогнули мыс Бейла – нависшая над берегом крепость еле виднелась за завесой струй. Затем судно повернуло к востоку, в более спокойные воды – их бороздили корабли всех народов и всевозможных форм. Стремясь поскорее увидеть Скегенхаус, Ярви весь извертелся у весла.

Само собой, первыми он увидел руины эльфийских сооружений. Огромные отвесные стены, гладкие, как шелк, нетронутые у подножия бессильной яростью Матери Моря, но выше изломанные и покореженные: в трещинах блестел металл, перекрученные балки торчали как кости в распоротых ранах. Наверху стен, где лежал камень новодельной кладки, горделиво развевались флаги верховного короля.

Надо всем высилась Башня Служителей. Она высилась надо всяким сооружением и каждой постройкой вокруг моря Осколков – если не считать развалин Строкома и Ланаганда, куда не отважится ступить ни один ныне живущий. Три четверти ее головокругительной высоты принадлежало работе эльфов: каменные колонны без швов и стыков, идеально квадратные, идеально ровные, иные из огромных окон до сих пор залиты черным эльфийским стеклом.

На высоте, быть может, пятикратной в сравнении с цитаделью Торлбю эльфийская огранка была словно срезана, а после содрана. Когда сокрушали Бога, здесь плавился, а потом твердел громадными, как слезы великана, каплями камень. Впоследствии долгие поколения служителей возводили над ним венец из леса с изразцовыми башенками, помостами, балконами и просевшими крышами. Дымились трубы, и как гирлянды свисали канаты и цепи. Покрывшись пятнами от старости и птичьего помета, гниющее творение человека смотрелось чудно и нелепо в отличие от навеки ледяной безупречности своего основания.

Самые высокие купола по кругу усеивали крапинки. Похоже, голуби, такие, как те, за которыми когда-то ухаживал Ярви. Как тот, что заманил на гибель отца. Небось наперебой курлычат сообщения служителей со всего моря Осколков. А вон там уж не бронзовокрылый ли орел несет ответ на слово Верховного короля?

В этой древней башне Ярви проходил бы свое испытание. Здесь, в случае успеха, он бы поцеловал в щеку праматерь Вексен. Здесь бы окончилась жизнь его – принца и началась бы жизнь его – служителя, а жизнь его – презренного раба так и не стала бы явью.

– Весла вверх! – возвестила Сумаэль.

– Весла вверх! – подхватил рев Тригга: пусть всяк уяснит, что командует тут именно он.

– Весла туда, весла сюда, – буркнул Ральф. – Будто сами ни хрена не знают, куда их девать.

– Скегенхаус. – Ярви почесал покрасневшую кожу на руке. «Южный Ветер» полз к причалу, портовики тянули судно, и Сумаэль, прыгнув с юта, заорала им поберечься. – Центр мира.

Джойд фыркнул.

– По сравнению с великими городами Каталии – конюшня, и только.

– Мы не в Каталии.

– Нет, не в Каталии. – Здоровяк отяжелело сел и тяжело вздохнул. – К сожалению.

В порту так провоняло застарелой гнилью и соленой тухлятиной, что этот смрад пробивался даже сквозь вонь от Ярви и его спутников. Множество приколов стояли незанятыми. Окна заплесневелых строений зияли темной пустотой. За причалом гнила большая куча зерна, поросшая сорняками. Стражники с эмблемами Верховного короля прохлаждались, бросая кости. По закоулкам сутулились нищие. Возможно, этот город и больше, но жизнь далеко не

так бурлила здесь, как в Торлбю – не видать ни торговой суматохи, ни строительства новых домов.

Пускай пережитки эпохи эльфов поражали своим величием, но тот Скегенхаус, что построили люди, определенно разочаровывал. Ярви свернул язык трубочкой и по четкой дуге плюнул за борт.

– Молодец. – Ральф удостоил его кивком. – Хоть гребешь ты по-прежнему так себе, но в делах, по-настоящему важных, успех налицо.

– Поработайте пока без меня, малыши! – Шадикширрам важно прошествовала из каюты на палубу в своих самых цветастых нарядах, нанизывая на пальцы новые украшения. – Меня ждет прием в Башне Служителей!

– Наших денег они там ждут, – грохнул Тригг. – Почему в этом году разрешение?

– Наверно, чуточку дороже, чем в прошлом, – Шадикширрам облизала палец и, наконец, сумела нагнуть на него в особенности безвкусный и яркий перстень. – Доходы Верховного короля должны расти.

– Лучше швырнуть деньги Матери Морю, чем шакалам из Общины служителей.

– Я б тебя швырнула Матери Морю, когда б не знала наверняка, что она тут же вышвырнет тебя обратно. – Шадикширрам вытянула руку и полюбовалась блеском украшений. – С разрешением в кармане у нас есть право торговать по всему морю Осколков. А без него... пфу...

И она сдула с кончиков пальцев всю предполагаемую прибыль.

– Верховный король ревностно оберегает свои доходы, – негромко заметил Джойд.

– А как ты думал, – ответил Ральф, пока все смотрели, как капитан лениво пинает в бок Ничто, а потом вышагивает по сходне. Следом, на цепи, семенил Анкран. – Эти доходы и делают из него такого Верховного. Без них он, как и все, рухнул бы на землю.

– И у больших людей – большие враги, – добавил Джойд, – а война – чертовски дорогая игрушка.

– Строить храмы догоняет где-то рядом. – Ральф кивнул на скелет огромного здания, проступавший поверх ближних крыш. Сооружение облепила такая густая паутина лестниц, лесов и лебедок, что Ярви не угадал бы даже его форму.

– Это храм Верховного короля?

– Не самого – у него появился новый бог. – Ральф опять сплюнул в уключину, промазал и обслонявил обшивку. – Скорее памятник его непомерному самонадеянности. Четыре года строят, а не готова и половина.

– Порой мне кажется, что таких существ, как боги, и вовсе нет, – протянул Джойд, задумчиво пощелкивая по губам кончиками пальцев. – А потом я думаю – кто ж тогда сотворил из моей жизни весь этот ад?

– Старый бог, – вмешался Ярви, – а не новый.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Ральф.

– Прежде чем эльфы объявили Ей войну, была лишь один Бог. Но их обуяла гордыня, и они использовали магию, настолько сильную, что та вспорола в ткани мира Последнюю дверь, уничтожила их самих и сокрушила Единого Бога, разбив Ее на множество. – Ярви кивнул на невиданный размах строительства. – На юге есть вера, что Единого Бога сокрушить невозможно. Что все множество других богов – лишь грани и воплощения Единого. Судя по всему, Верховный король увидел в их богословии свою пользу. А может, увидела праматерь Вексен.

Он обдумал эту мысль.

– А может, она решила подольститься к императрице Юга тем, что отныне они будут молиться на один манер. – Ярви вспомнил, как голодно сверкали глаза праматери, когда он опустился перед ней на колени. – А может, она считает, что народ, который поклоняется Единому Богу, скорее поклонится и единому Верховному королю.

Ральф снова сплюнул.

– Прошлый Верховный король был изрядной мерзостью, зато считал себя только первым из братьев. А этот чем старше, тем больше подгребает под свою власть. Они со своей своло-чью-служительницей не успокоятся, пока не залезут выше своего Единого Бога и не опустят весь мир на колени перед своими сморщенными задницами.

– Тому, кто поклоняется Единому Богу, выбор дороги неведом: она даруется ему свыше, – задумчиво продолжал Ярви. – Ему нельзя отказать от просьбы, но должно подчиняться при-казу.

Он вытянул свою цепь и уставился на ее железные звенья.

– Единый Бог протянет невольничьи цепи по всему миру, от Верховного короля, через королей малых, ко всем остальным – каждое звено в надлежащем месте. В рабство обращены все.

Джойд нахмурился исподлюбья.

– Ты глубоко мыслишь, Йорв.

Ярви пожал плечами, и цепь упала.

– На весле больше проку от здоровой руки.

– Ну ладно, но как же все-таки один бог справляется со всем на свете? – Ральф обвел рукой затхлый город вместе с его обитателями. – Как один и тот же бог может быть у коровы и рыбы, у моря и неба? Как она может быть одновременно за мир и войну? Чушь дурацкая, да и только.

– Быть может, Единый Бог навроде меня. – Сумаэль развалилась на юте, опираясь на локоть с запрокинутой набок головой, и расслабленно покачивала ногой.

– Такая же лентяйка? – проворчал Джойд.

Девушка усмехнулась.

– Она выбирает курс, но есть много мелких богов – они сидят на цепи и гребут.

– Простите меня, о всемогущая, – произнес Ярви, – но мне вот отсюда видно, что на вас те же оковы, что и на всех.

– Покамест, – ответила она, набрасывая цепь на плечи подобием шарфа.

– Тоже мне, один Бог, – снова раздраженно бросил Ральф, качая головой на недостроен-ный храм.

– Лучше один, чем никакого, – прорычал, подходя к скамьям, Тригг.

Невольники погрузились в молчание, все знали, что отсюда их курс лежит в страну шен-дов, которые не знают милости к чужеземцам, не молятся никаким богам, не преклоняют колени ни перед каким королем, каким бы верховным тот ни был.

Однако серьезная опасность сулит серьезную выгоду – так объявила команде Шадикш-иррам, когда вскочила на борт, держа в руках нацарапанное рунами разрешение на торговлю. У нее так горели глаза, что можно было подумать, этот пергамент ей вручил лично Верховный король.

– От шендов нас эта бумажка не защитит, – заворчал кто-то с задних банок. – Они сди-рают с пленных кожу и жрут своих умерших.

Ярви фыркнул со смеху. Он изучал языки и обычаи большинства стран вокруг моря Осколков. *Невежество питает страх*, говорила мать Гундринг. *Знание страх убивает*. Когда ты познаешь чужой народ, то в итоге оказывается, что они такие же люди, как все.

– Шенды не любят чужеземцев, потому что мы вечно воровали их и увозили в рабство. А так они не более дикие, чем любой другой народ.

– Поэтому мне уже стало страшно, – негромко вставил Джойд, не спуская глаз с разма-тывающего кнут Тригга.

После полудня они гребли на восток с новым разрешением торговать и новым грузом на борту, но висели на них все те же старые цепи. Башня Служителей умалилась и таяла за

кормой. К закату они укрылись в скалистой бухточке. Перед тем как уйти за пределы мира, Мать Солнце разбросала золото по воде и разрисовала облака необыкновенными красками.

– Не нравится мне это небо! – Сумаэль забралась на мачту и, обхватив ногами рею, мрачно наблюдала за горизонтом. – Завтра мы должны остаться тут.

Шадикширрам отмахнулась от предостережений, как от мух.

– В этой лужице какие могут быть бури? А у меня чутье на добрую погоду. Идем дальше. – Она вышвырнула в море пустую бутылку и послала Анкрана за новой, не обращая внимания на то, как Сумаэль качает головой, глядя в небо.

Пока «Южный Ветер» покачивался на волнах, а моряки с охраной сгрудились на юте возле жаровни – покидать кости по-маленькой, какой-то раб тонким, ломаным голосом завел непристойную песню. Он забыл половину слов и вместо них мычал околесицу – зато под конец со всех сторон грохнул усталый смех и кулаки заходили по веслам в знак одобрения.

Потом вступил другой, низко и хрипло, но с зажигательной песней про Бейла Строителя, который на самом деле не строил ничего, только возводил горы трупов и в конце концов стал первым Верховным королем, неся огонь, меч и суровое слово всякому несогласному. Жестокие властители выглядят куда лучше, если смотреть на них из будущего, и вот к поющему присоединилось еще несколько голосов. Наконец, Бейл в жаркой битве вошел в Последнюю дверь, как и положено герою, и песня кончилась, как и положено песням, и в честь певца пронесся новый круг стука и топота.

– У кого еще есть песня? – выкрикнул кто-то.

И к удивлению всех и даже его собственному, вышло так, что песня нашлась у Ярви. Это была колыбельная, которую по ночам напевала мать, когда он, еще маленький, боялся спать в темноте. Он сам не знал, почему ему взбрела на ум именно эта песня, но его голос взлетел высоко и свободно, а потом устремился прочь от зловонного корабля, вдаль к тем вещам, которые все эти люди давным-давно позабыли. Джойд сидел, раскрыв рот, и Ральф таранился во все глаза, и Ярви казалось, что он еще никогда не пел и вполнине так хорошо, как сейчас, сидя беспомощно на цепи, на этой гнилой посудине.

Когда он закончил, опустилась тишина. Лишь еле-еле поскрипывала обшивка, когда под кораблем проходили неспешные волны, ветер шурился в снастях и вдали курлыкали чайки.

– Давай еще одну, – произнес кто-то.

И Ярви спел им еще одну, а потом еще, и еще одну после. Он пел о потерянной любви и любви обретенной, о высоких подвигах и низком предательстве. Балладу о Фроки, таком хладнокровном и невозмутимом, что уснул прямо посреди сражения. Напев о Косом Пепельнике, таком остроглазом, что мог сосчитать все песчинки на морском берегу. Он пел о Хоральде Путешествующем Далеко, том, кто побил в корабельной гонке черкнокожего короля Дайбы и под конец заплыл так далеко, что упал с края света. Он пел об Ангульфе Копыто, Молоте Ванстерланда и никому не сказал, что тот был его прадедом.

Каждый раз, как он заканчивал петь, его просили еще – до тех пор, пока Отче Месяц не взошел над холмами и последний отзвук сказания о Береге, о том, кто своей смертью положил начало служителям и защитил мир от колдовства, не истаял в ночи.

– Прямо птичка с одним крылышком. – Ярви обернулся. Сверху вниз на него смотрела Шадикширрам, поправляя заколки в клубке волос. – Мило поет, а, Тригг?

Надсмотрщик сморкнулся и вытер глаза тыльной стороной ладони.

– Ничего подобного в жизни не слышал. – Он так расчувствовался – аж задохся.

Мудрые терпеливо ждут своего часа, любила повторять мать Гундринг, но ни за что его не упустят. Поэтому Ярви поклонился и заговорил с Шадикширрам на ее родном наречии. Знал он его далеко не в совершенстве, но хороший служитель к любому сумеет обратиться как подобает.

– Большая честь, – сладкозвучно начал он, думая о том, как бы подсунуть ей в вино корень черного языка, – спеть для такой знаменитой предводительницы.

Она сузила глаза.

– Ты что – мешок с сюрпризами? – И швырнула ему почти пустую, недопитую бутылку, а потом пошла прочь, напевая настолько фальшиво, что Ярви едва узнал балладу о Фроки.

Если бы такое вино ему подали за отцовским столом на пиру, он бы плюнул им в харю рабу-подносильщику – а теперь это был лучший в его жизни вкус: вкус ягод, свободы и солнца. Делиться тем, что плескалось на дне, было мучительно больно, но широкая улыбка Ральфа, после того, как тот сделал глоток, вознаградила Ярви сполна.

Когда они стали укладываться спать, Ярви обнаружил, что другие рабы теперь посматривают на него по-другому. А может, они вообще только сейчас впервые на него посмотрели. Даже Сумаэль уставилась со своего места на шканцах: хмуро и задумчиво, точно он был итогом расчетов, который никак не сходился.

– Почему меня все разглядывают? – шепнул он Джойду.

– Им редко достается что-то хорошее. А ты им кое-что дал.

Ярви улыбнулся и под самый подбородок натянул облезлые шкуры. Ему ни за что не перерезать охрану кухонным ножом, но, возможно, боги вручили ему оружие посерьезнее. Пускай время сочилось сквозь пальцы – своими ему не удержать его в любом случае. Но пока придется терпеть. Стать терпеливым, как зима.

Однажды, в сильном гневе, его ударил отец. После мать отыскала Ярви и увидела, что он плачет. *Бьют – глупцы*, сказала тогда она. *Мудрый человек дарит улыбки, наблюдает и учится.*

А потом бьет.

Дикари

В детстве Ярви подарили небольшой кораблик из пробки. Кораблик прожил недолго – брат отобрал его и выбросил в море. Ярви лег тогда на камни на самом краю обрыва и смотрел, как корабликом забавлялись волны – крутили, швыряли, пока тот не сгинул совсем.

И вот теперь Матерь Море сделала «Южный Ветер» точно такой же игрушкой.

Желудок Ярви подскакивал к кислому от рвоты рту, когда они взбирались на поднимающуюся из пучины водяную гору, а потом вываливался из задницы, когда судно падало на белопенное поле. Корабль трясло, он зарывался носом и рыскал, набирал воду, проваливался после каждого подъема глубже и глубже, пока черные валы не вздыбились до самого неба, и Ярви окончательно убедился в том, что перед ними разверзлись неведомые глубины, и все до одного в них потонут.

Ральф перестал повторять, что с ним бывало и хуже. Правда, Ярви уже и расслышать его не мог. Уже нельзя было различить – где гром с небес, а где режут волны, трещит и воет деревянный корпус, стонут канаты, стенают люди.

Джойд перестал повторять, что небо светлеет. Больше нельзя было понять, где кончается хлещущее море и начинается хлещущий дождь. Вода и ветер жалили, как единое гневное облако, в котором Ярви едва различал ближнюю мачту – до тех пор, пока мрак бури не озарился вспышкой, в которой и корабль, и распластавшаяся на нем команда на миг застыли четкими черно-белыми изваяниями.

Джойд сражался с веслом, на отвердевшем, точеном лице бугрились мускулы. Ральф, с выпученными глазами, вносил в этот бой собственный вклад. Сумаэль вцепилась в то самое кольцо, к которому ее всегда приковывали на стоянках в порту, и визжала что-то, что из-за визга урагана никому не удавалось расслышать.

Шадикширрам сейчас прислушивалась к ней еще меньше обычного. Капитан стояла на шканцах, обвивая рукой мачту, словно пьяного собутыльника, и, хохоча, грозила небу обнаженным мечом и – когда Ярви сквозь рев разобрал слова – призывала шторм не жалеть и ударить сильнее.

Все равно от приказов сейчас не было никакого толку. Весла – как бешеные быки, и Ярви мотало за лямки на запястье, точно мать тянула его за собой, когда он был маленьким. Его соленые от моря губы стали солеными от крови, когда весло врезало по лицу.

Ни разу в жизни он не был таким беспомощным, ни разу в жизни ему не было так страшно. Ни тогда, когда он прятался от отца по темным закоулкам цитадели. Ни тогда, когда он взглянул в залитое кровью лицо Хурика и Одем произнес: «Убей его». Ни тогда, когда он корчился у ног Гром-гиль-Горма. Те, кто грозил ему, были сильны и могучи, но эти страхи бледнели перед всепоглощающей яростью Матери Моря.

Новая вспышка высветила линию прибоя, где буруны кромсали и грызли изломанный берег, высветила черные деревья и черную скалу, с которой слетали белые брызги.

– Боги, спасите нас, – шептал Ярви, зажмурив глаза. Корабль содрогнулся, он отлетел назад и ударился затылком о весло на той банке. Люди поскальзывались и спотыкались, слетали со скамей, докуда позволяла длина цепи, цеплялись за любую ветошь, только бы их не задушили собственные ошейники. Сильная рука Ральфа схватила Ярви за плечо и крепко вжала в скамью, и тому, как ни странно, стало немного спокойнее от того, что в последнюю минуту жизни он прикасается к другому человеку.

Он молился так отчаянно, как никогда не молился прежде, всем богам, высоким ли, малым, о каких только вспомнил. Он молил не о Черном престоле, не об отмщении вероломному дяде, не об обещанном Исриун поцелуе и даже не о том, чтобы избавиться от ошейника.

Он вымаливал свою жизнь.

Раздался режущий уши удар, от которого задрожала обшивка, и весь корабль зашатался. Весла ломались, как сухие сучки. Огромная волна захлестнула палубу и поволокла Ярви за одежду, и он понял, что умрет той же смертью, что и дядя Атиль, проглоченный безжалостным морем...

Настал рассвет, немилостный и тусклый.

«Южный Ветер» покоился на мели, припав на борт, словно громадный кит, выброшенный на холодную гальку. Ярви – мокрый до нитки, в синяках, но живой – сгорбился и дрожал на вывернутой под острым углом скамье.

Шторм рычал из темноты, вдалеке, на востоке, но в серо-голубой утренней мути поднимался холодный ветер, и дождь неослабно лил на оборванцев на веслах. Большинство ворчал на болячки и ссадины, некоторые же скулили над ранами посерьезнее. Одна скамья сорвалась с пазов и упала в море, не иначе унося трех злополучных гребцов напрямик в Последнюю дверь.

– Повезло, – сказала Сумаэль.

Шадикширрам хлопнула ее по спине, чуть не свалив с ног.

– А я говорила, что мне везет с доброй погодой! – У нее, по крайней мере, настроение было замечательным после ее одностороннего поединка против бури. Ярви следил, как они обходят корабль. Сумаэль облизывала выемку на губе, пока разглядывала трещины и простукивала опытными руками обшивку.

– По крайней мере, киль с мачтами уцелел. Раскололось двенадцать весел и поломались три банки.

– Не говоря о том, что пропали трое рабов, – буркнул Тригг, не на шутку раздосадованный затратами. – Двое погибли на цепи, а еще шестеро не могут грести, и хрен его знает, смогут ли вообще!

– Пробоина в корпусе, вот что страшно, – заметил Анкран, – в трюме солнце светит. Если ее не заделать и не замазать хорошенько, не стоит и думать о выходе в море.

– Так, где бы нам найти немного дерева? – Шадикширрам махнула рукой на древний лес, со всех сторон обступавший берег.

– Это шендов лес. – Тригг поглядывал на тенистые кроны с много меньшим восторгом. – Они нас найдут и сдерут со всех кожу.

– Тогда начинай быстрее, Тригг. У тебя и с кожей видок еще тот. Если моя удача нас не покинет, мы залатаем пробоины и улизнем, пока шенды ножи наточить не успеют. Эй, ты!

Шадикширрам подошла туда, где Ничто сжался в комок на коленях на гальке, и перевернула его, двинув сапогом по ребрам.

– Чего не скоблишь, сволочь?

Ничто следом за цепью заполз на наклонную палубу, и, словно крестьянин, подметающий очаг после того, как сторел весь дом, принялся за свой обычный мучительный труд.

Анкран и Сумаэль обменялись полными сомнения взглядами, а потом сами приступили к работе. Шадикширрам пошла за своим инструментом. Как оказалось – за вином, которое тут же начала размеренно пить, плюхнувшись на ближайший камень. Тригг, вот так диковина, отпер несколько замков и гребцов, не покидавших неделями банки, посадили на цепи большей длины, и Анкран выдал им орудия труда. Джойда с Ральфом поставили колоть бревна киянкой и клиньями, а потом Ярви волок доски к прорехе в борту, где Сумаэль, сосредоточенно выпятив челюсть, подтесывала их топором по размеру.

– Чему ты лыбишься? – спросила его она.

Работая, Ярви ободрал ладони, а голова болела после удара о весло, и сам он был утыкан занозами с ног до головы, но на ее вопрос лишь улыбнулся шире. На длинной цепи все на свете выглядит веселее, и Сумаэль ни в коем разе не была исключением.

– Меня выпустили со скамьи, – ответил он.

– Хе, – приподняла она брови. – Давай-ка не привыкай.

– Там! – донесся истошный крик, словно вопил недорезанный петух. Один охранник с бледным, как привидение, лицом размахивал руками, указывая в глубь побережья.

Там на краю леса стоял человек. Несмотря на холод, он был обнажен по пояс, на теле – полосы белой краски, на голове густая черная шевелюра. Через плечо у него висел лук, у бедра – короткий топорик. Он не делал резких движений, не выкрикивал угроз – просто стоял и смотрел на корабль и суесящихся возле судна рабов, а потом не спеша повернулся и растворился в тени. Но паника, которую он разжег, вряд ли вспыхнула бы сильнее, атакуй их целая армия.

– Спасайте, боги, – зашептал Анкран, хватаясь за ошейник, будто тот не давал ему дышать.

– Работайте шустрее, – забарахтела Шадикширрам, настолько взволнованная, что на миг даже оторвалась от бутылки.

Они удвоили прыть, то и дело озираясь на деревья – нет ли новых незваных гостей.

В море показался чужой корабль, и двое моряков с плеском бросились в прибой, маша руками и взывая о помощи. Крохотная фигурка махнула в ответ, но хода корабль не замедлил.

Ральф вытер пот со лба рукавом.

– Я б на их месте останавливаться не стал.

– Я б тоже, – сказал Джойд. – Придется нам самим себя выручать.

Ярви только кивнул.

– Я бы даже не стал и махать.

И вот тогда из лесной черноты начали бесшумно выскальзывать новые шенды. Трое, потом шестеро, потом двенадцать, все вооруженные до зубов. Каждое появление как Ярви, так и остальные встречали со все возрастающим ужасом. Он-то читал, что шенды – вполне миролюбивый народ, но эти, судя по виду, читали совсем другие книги.

– Работаем дальше! – зарычал Тригг, схватил одного за загривок и толкнул на ствол, с которого тот обдирал кору. – Надо их отогнать. Поразим их внезапностью.

Шадикширрам допила и бросила бутылку на прибрежные камни.

– На любого, из тех, кого видно, приходится десяток в засаде. Есть мнение, что внезапностью поразят тебя. Но давай: рвешься – пробуй. А я посмотрю.

– Так что же нам делать? – пролепетал Анкран.

– Лично я постараюсь не оставить им ни капли вина. – Капитан вынула пробку из новой бутылки. – А ты, если в самом деле хочешь их огорчить, сам сдери с себя кожу. – И она захихикала с полным ртом.

Тригг кивнул на Ничто, по-прежнему скребущего палубу, стоя на коленях.

– А еще мы можем дать ему меч.

Смех Шадикширрам как отрезало.

– Ни за что.

Мудрые терпеливо ждут своего часа, но ни за что его не упустят.

– Мой капитан, – произнес Ярви и, отложив доску, смиренно шагнул вперед. – Разрешите кое-что предложить.

– Что, калека, надумал им спеть? – бросил Тригг.

– Поговорить с ними.

Шадикширрам одарила его равнодушным прищуром.

– Ты говоришь по-ихнему?

– Достаточно, чтобы нам уцелеть. Может, даже получится с ними сторговаться.

Надсмотрщик вытянул толстый палец в сторону разрисованных воинов – тех становилось все больше.

– По-твоему, дикари прислушаются к голосу разума?

– Обязательно. – Главное, чтоб и на деле все прошло так же гладко, как получилось у него на словах.

– Безумие! – вставил Анкран.

Шадикширрам перевела блуждающий взгляд на хранителя припасов.

– Жду не дождусь твоих предложений. – Тот молчал, свесив губу, и перебирал руками. Капитан закатила глаза. – Да, в наши дни храбрецы повывелись. Тригг, ты сопроводишь нашего однорукого посланца на переговоры. Анкран, ты прогуляешься с ними.

– Я?

– Я что – вчера купила с десятков трусов по имени Анкран? Ты ведаешь закупками. Ну так иди, торгуй!

– Но с шендами никто не торгует.

– Значит, о вашей сделке сложат легенды. – Шадикширрам встала с валуна. – Всякому что-нибудь да нужно. В этом и прелесть купеческого ремесла. Сумаэль пояснит, в чем нуждаемся мы. – Она наклонилась над Ярви, обдавая винным перегаром, и потрепала его по щеке. – Спой им, мальчишечка. Сладко, как пел другой ночью. Ради своей жизни, спой.

Вот так и вышло, что Ярви медленно брел к деревьям с поднятыми руками. Короткий конец его цепи крепко натягивал в мясистом кулаке Тригг. А сам король Гетланда отчаянно убеждал себя, что серьезная опасность сулит серьезную выгоду. Впереди собирались новые шенды – и наблюдали в безмолвии. Позади по-галинейски бубнил Анкран:

– Если калека сторгуется – делим как обычно?

– Заметано, – ответил Тригг, дергая цепь. Ярви поверить не мог, что у этих двоих даже сейчас все мысли о деньгах. Видимо, люди, когда перед ними раскрывается Последняя дверь, уповают только на то, с чем они крепко свыклись. В конце концов, он сам полагался на премудрость служителя – и насколько же хрупок щит его учености теперь, когда шенды в боевой раскраске с каждым шагом становятся чуточку ближе.

Они не орали и не потрясали оружием – у них и так получилось нагнать страху. Они просто расступились, дав Триггу провести Ярви на поводке за деревья. Там, на поляне, горел костер – а за костром собралось еще больше шендов. Ярви нервно сглотнул, уяснив на сколько именно больше. Дикари втрое превосходили числом всю команду «Южного Ветра».

Среди них была женщина. Она сидела и выстругивала палочку кинжалом со сверкающим лезвием. У нее на шее, на тугом кожаном ремешке, висела эльфийская скрижаль: на зеленой, с замысловатой позолотой пластинке переливались черные драгоценности и пестрели малопомянутые знаки.

Первое, чему должен научиться служитель, – распознавать власть. Читать позы и выражения лиц, спонтанные движения и оттенки голоса, которые отличают вожака от ведомых. К чему тратить время на челядь? Поэтому Ярви миновал мужчин, будто те невидимы, не сводя глаз со строгого лица женщины. Воины-дикари развернулись, окружая его, Тригга и Анкрана забором из острой стали.

В последний момент Ярви промедлил. Ненадолго, но радость при виде страха Тригга и Анкрана затмила его собственный страх. На минуту он почувствовал над ними власть – и ему понравилось это чувство.

– Говори! – выдохнул Тригг.

Интересно, промелькнуло в голове, можно ли как-нибудь его погубить? Воспользоваться шендами и получить свободу? Заодно освободить и Ральфа с Джойдом... Но слишком высоки были ставки, и слишком ненадежен расклад. Разумный служитель выбирает меньшее зло, наибольшее благо и на всех наречиях торит дорогу для Отче Мира. Итак, Ярви, хлупнув коленом, приник к здешней заболоченной почве, и, как учила мать Гундринг, прижал к груди иссохшую руку, а здоровую прислонил ко лбу: показать свою искренность.

И начал напропалую врать.

– Мое имя Йорв, – сказал он на наречии шендов, – и я прибыл склонить перед вами колено, и покорно молю вас считать меня вместе со спутниками не чужаками боле, а гостями – и отнестись к нам по закону гостеприимства.

Женщина медленно сощурилась на Ярви. Потом оглядела воинов, аккуратно убрала в ножны кинжал и швырнула палочку в костер.

– Ну не зараза?!

– По закону гостеприимства? – пробормотал один из воинов, недоверчиво указывая на корабль на мели. – Эти дикари слышали о гостеприимстве?

– Наш язык в твоих устах нагоняет тоску, чужеземец, – женщина всплеснула руками. – Но я Свидур из шендов. И я объявляю: встань, Йорв, ибо мы приглашаем тебя к нашему огню и под нашу защиту.

Другой воин в сердцах швырнул на землю топор и сердито проломился в кусты. Свидур проводила его взглядом.

– Мы так надеялись, что перебьем вас и заберем весь груз. Нам не приходится привередничать, ведь по весне сюда нагрянет с войной ваш Верховный король. Этого человека слепили из жадности. Клянусь, я и представить не могу, чем таким ценным для него мы владеем.

Ярви обернулся на Анкрана, который следил за разговором с глубочайшим подозрением на лице.

– Мои печальные наблюдения говорят о том, что есть люди, которым всегда всего мало.

– Такие люди есть. – Она уперла руку в колено и печально положила голову на ладонь. Расположившиеся полукольцом воины с расстройством присаживались на корточки, а один вырывал мох и уже оттирал свою боевую раскраску.

– Этот день мог стать для нас удачным.

– И до сих пор еще может. – Ярви, пошатываясь, поднялся на ноги и стиснул ладони на манер матери, когда та начинала вести торг. – У нас есть груз, и наш капитан была бы рада обменять его...

Маленькие грязные тайны

Каюта Шадикширрам была тесной, и внутри нее рябило в глазах. Три мутных окна-бойницы просеивали пятна тусклого света, кули и сетки, свисавшие с низких балок, отбрасывали пятна тени. Большую часть пола занимала кровать, заваленная простынями, мехами и несвежими подушками. Большую часть остального места – непомерный, окованный железом сундук. По углам валялись пустые бутылки. Пахло смолой, морской водой и жжеными благовониями, скисшим вином и потом. Но по сравнению с привычной жизнью Ярви – если это можно было назвать жизнью – капитан обитала в запредельной роскоши.

– Починка долго не продержится, – объясняла Сумаэль. – Надо возвращаться в Скегенхаус.

– Прелесть моря Осколков в том, что оно круглое. – Шадикширрам обвела в воздухе круг бутылкой. – Мы дойдем до Скегенхауса с другой стороны.

Сумаэль остолбенела.

– Но одно дело – за считанные дни и другое – за месяцы!

– Ты себе знай веди корабль, как обычно. Неужели это так трудно? Злейший враг морехода – это море, но ведь дерево не тонет, правда? Пойдем прежним курсом. – Шадикширрам скосила глаза на Ярви, когда тот пригнулся под притолокой. – Ага, мой посол! Раз наша кожа до сих пор с нами, значит, дела идут успешно?

– Мой капитан, мне надо с вами поговорить, – произнес он, опустив твердый взгляд: так служитель разговаривает со своим государем. – Наедине.

– Хммм. – Она выпятила губу и потренькала по ней пальцами, как музыкант по струнам арфы. – Когда мужчина хочет встретиться со мной наедине, мне всегда любопытно – даже если он слишком юн, искалечен и вообще такой невзрачный, как ты. Сумаэль, возвращайся строгать и заколачивать, мы должны к утру спуститься на воду, поняла?

На скулах Сумаэль заиграли желваки, когда та стиснула зубы.

– Лишь бы не под воду. – И, пихнув плечом Ярви, девушка вышла.

– Ну? – Шадикширрам потянула длинный глоток из бутылки и со стуком поставила ее на пол.

– Я уговорил шендов отнестись к нам по закону гостеприимства, капитан. У них бытует священная традиция не отказывать тому, кто надлежащим образом просит.

– Ловко, – отметила Шадикширрам, собирая в ладонях черные и серебристые пряди.

– Я договорился взять у них то, что нам нужно, и, на мой взгляд, обмен получился просто отличным.

– Крайне ловко, – сказала она, скручивая волосы в свой обычный клубок.

А вот теперь ему и впрямь понадобится вся его ловкость.

– Быть может, именно вы, капитан, не сочтете эту сделку такой уж отличной.

Ее глаза сузились самую малость.

– Это еще как?

– Ваш корабельный кладовщик и старший надсмотрщик запускают руку в вашу прибыль.

Наступило молчание, пока Шадикширрам аккуратно, одну за одной, втыкала в волосы булавки, закрепляя прическу. Она ни капельки не изменилась в лице, но Ярви внезапно ощутил себя на самом краю обрыва.

– Неужели? – произнесла она.

Он ждал чего угодно, но только не холодной отстраненности. Может, она все знала заранее и ей наплевать? И она сейчас просто отправит его обратно на весла? Прознают ли Тригг с Анкраном, что он их выдал? Ярви облизнул губы, понимая, что пошел по крайне тонкому льду. Но выбора не было. Только двигаться дальше, надеясь, что где-то там, впереди, берег.

– Не в первый раз, – просипел он.

– Что?

– В Вульсгарде они брали у вас деньги на сильных, здоровых гребцов, а привели отбросы, самые дешевые, какие только нашли, в том числе и меня. И, полагаю, сдачи вернули не много.

– Жалкие гроши. – Шадикширрам двумя пальцами подняла бутылку и вновь от души отхлебнула. – Но мне начинает казаться, что, купив тебя, я не прогадала.

Ярви переборол необъяснимое желание выложить ей всю правду, и заговорил спокойно и убедительно, как подобает служителю:

– Оба раза они договаривались промеж собой на галинейском. Думали – так их никто не поймет. Но я владею и этим языком.

– Небось и поешь на нем песни. Больно ты талантлив для невольника на весле-то.

Не в правилах служителя допускать вопросы без подготовленного заранее ответа, и Ярви уже припас подходящую ложь.

– Моя мать была служительницей.

– А служитель дает обет никогда не расстегивать пояс, знаем. – Шадикширрам причмокнула. – Ох уж мне эти маленькие грязные тайны.

– Жизнь ими полна.

– Так и есть, малыш, так и есть.

– Мать учила меня языкам и числам, свойствам растений и множеству других вещей.

Возможно, полезных для вас, капитан.

– Такой ребенок всегда на пользу. В бою нужны обе руки. Но заколоть в спину хватит и одной, верно? Анкра-ан! – протяжно крикнула она в открытую дверь. – Анкран, с тобой желает говорить твой капитан!

Застучали быстрые шаги кладовщика, но еще быстрее стучало сердце у Ярви.

– Я проверял склад, капитан, – оказывается, одного тесака не хватает... – Пригибаясь в проеме, он заметил Ярви, и его лицо исказилось: сначала от неожиданности, потом от страшной догадки, а под конец от попытки улыбнуться. – Принести вам вина?

– Хватит, доприносился. – Во время недолгого, скверного молчания капитан сверкала глазами и улыбалась, с лица Анкрана сходил цвет, а кровь в висках Ярви грохотала все громче и громче. – От Тригга я ожидала предательства: он свободный человек и заботиться обязан лишь о себе. А ты? Меня грабит моя же собственность?

Шадикширрам осушила бутылку, слизнула с горлышка последние капли и покачала пустой склянкой.

– Это просто уже какой-то позор.

Хранитель припасов скривился.

– Он соврал, капитан!

– Вот только его вранье один в один совпало с моими догадками.

– Это все...

В один миг – Ярви почти ничего не разглядел, лишь только услышал тупой гулкий стук – Шадикширрамхватила Анкрана доньшком бутылки по голове. Охнув, тот повалился на доски, с лица потекла кровь. Она шагнула вперед, занесла ногу над его головой и не спеша, сосредоточенно принялась давить его лицо сапогом.

– Обьегоривал меня? – шипела она сквозь зубы, пропоров каблуком его щеку.

– Воровал у меня? – сапог свернул Анкрану нос.

– За дуру меня держал?

Ярви отвернулся в угол комнаты и слушал мерзкий хруст, покрываясь мурашками.

– После *всего*... что я... для тебя!..

Шадикширрам присела на корточки, положила локти на колени и свесила руки. Выставила подбородок и сдула с лица непослушную прядь.

– И вновь убожество рода людского поразило меня прямо в сердце.

– Жена, – прошептал Анкран, притягивая взгляд Ярви к своему обезображенному лицу. На его губах набух и лопнул кровавый пузырь. – Жена... и сын.

– Чего там с ними? – раздраженно бросила Шадикширрам, недовольно покосилась на красное пятнышко на ладони и вытерла его об рубаху Анкрана.

– Работорговец... у кого вы меня купили... в Торлбю, – голос Анкрана проседал. – Йоверфелл. Они у него. – Он закашлял и вытолкнул изо рта кусочек зуба. – Торговец сказал, что им ничего не будет... пока я привожу ему деньги... каждый раз, когда мы приходим туда. А если не заплачу...

У Ярви подкосились колени. Ему показалось, он падает. Теперь стало ясно, для чего Анкрану были нужны эти деньги.

Но Шадикширрам только пожала плечами.

– Мне-то что с того? – И она запустила пальцы в волосы Анкрана и вынула из-за пояса нож.

– Пойдите! – вскрикнул Ярви.

Капитан осадил его резким взглядом.

– В самом деле? Точно?

Ярви собрал воедино и отдал все силы, что у него были, чтобы заставить свои губы растянуться улыбкой.

– Зачем убивать то, что можно продать?

Она смотрела на него, сидя на корточках, а он гадал – неужели она убьет их обоих? А потом капитан расхохоталась и опустила нож.

– Прямо мои слова. Эх, погубит меня доброе сердце. Тригг!

Надсмотрщик, прежде чем ступить в каюту, замешкался лишь на секунду при виде Анкрана на полу с кровавым месивом на месте лица.

– Выяснилось, что кладовщик меня обворовывал, – произнесла капитан.

Тригг насупленно посмотрел на Анкрана, потом на Шадикширрам и, последним, долго-долго рассматривал Ярви.

– Что за люди пошли – о себе только и думают!

– А я так надеялась, что мы – одна семья. – Капитан встала, отряхивая пыль с коленей. – У нас появился новый хранитель припасов. Найди ему ошейник получше. – Она ногой перекатила Анкрана к двери. – А это брось взамен на весло Джойда.

– Так точно, капитан. – И Тригг выволок Анкрана за руку и пинком затворил за собой дверь.

– Теперь ты понял, насколько я милосердна, – весело сказала Шадикширрам, подкрепляя слова милостивыми жестами окровавленных рук, в одной из которых до сих пор болтался нож. – Милосердие – моя слабость.

– Милосердие – признак величия, – сумел выдавить из себя Ярви.

Шадикширрам просияла.

– А как же! Но... несмотря на мое величие... Анкран, пожалуй, исчерпал запас моей милости на этот год. – Длинной рукой она приобняла Ярви за плечи, подцепила большим пальцем его ошейник и подтянула к себе – ближе, ближе, достаточно близко, чтобы от ее шепота разило вином. – Если другой хранитель припасов предаст мое доверие... – И она погрузилась в тишину, куда более красноречивую, чем любые слова.

– Ни о чем не беспокойтесь, капитан. – Ярви посмотрел в лицо этой женщине, такое близкое, что ее глаза сливались в один. – У меня нет ни жены, ни детей.

Только дядя, которого надо убить, его дочь, на которой надо жениться, и Черный престол Гетланда, который надо себе вернуть.

– Я – ваш человек.

– Едва ли ты дотягиваешь до целого человека, но в остальном – молодец! – Она обтерла нож об рубашку Ярви – сперва одну сторону лезвия, потом другую. – Теперь дуй в трюм, к своим припасам, мой юный однорукий служитель. Разыщи, где Анкран держал мои деньги, и принеси мне вина! И, давай, паренек, веселей!

Шадикширрам стянула с шеи золотую цепочку и повесила ее на столбик кровати. На цепочке качался ключ. Ключ к замкам невольников на веслах.

– Мне по душе, когда мои друзья веселятся, а враги сдохли! – Она раскинула руки, поболтала в воздухе пальцами и рухнула навзничь, на свои меха и подушки.

– Утро начиналось неудачно, – протянула она в потолок. – Но все обернулось как нельзя лучше для всех.

Покидая каюту, Ярви благоразумно не стал напоминать, что Анкран, не говоря о его жене и ребенке, с ней бы не согласился.

Враги и союзники

Неудивительно, что управляться с запасами Ярви оказалось куда сподручней, чем с веслом.

В первый раз он еле вполз в новые сумрачные и скрипучие владения под палубой. Сплошная неразбериха – кругом бочки, ящики, сундуки полны через край, с крюков в потолке свисают мешки. Но через день-другой у него там все было налажено, как у матери Гундринг на полках – пусть белесые, свежеприколоченные доски непрерывно пропускали соленую воду. Да, таскать ведром противную жижу, что набиралась каждое утро, было незавидным занятием. Но гораздо лучшим, чем отправиться снова на банку.

Ярви раздобыл гнутый железный лом и позабывал все гвозди, которые хоть чуточку намекали на слабину. И старался поменьше думать о том, каким непомерным весом Мать Море давит на тонкую латку из грубо тесанной древесины.

«Южный Ветер» ковылял на восток. Невзирая на повреждения и недостаток команды, через несколько дней корабль достиг большого Ройстокского рынка. Там, на болотистом острове в устье Святой реки, теснились сотни различных лавок и заведений. Утлые речные суденышки цеплялись к причалам острова, словно попавшие в паутину мухи, и вместе с ними в паутину попадали и жилистые, загорелые моряки. Тех, кто долгими, трудными неделями греб против течения, кто выбивался из сил, таща лады на волоках, начисто избавляли от диковинного груза за пару ночей немудреных удовольствий. Пока Сумаэль ругалась и ставила на обшивке худые заплатки поверх прежних заплат, Ярви высадили на берег, и Тригг повел его на цепи смотреть припасы и рабов на замену тем, кого забрала буря.

На узких рыночных междурядьях, забитых кишашим людом всех сортов и мастей, Ярви занялся торговлей. Раньше он видел, как проворачивает сделки мать. На всем море Осколков не встречали такой остроглазой и скорой на язык, как Лайтлин, Золотая Королева, и оказалось, что сын с ходу перенял ее уловки. Он приценивался и спорил на шести языках, купцы приходили в ужас, когда против них оборачивались их же секретные фразы. Он льстил и грозился, высмеивал цены и стыдил за качество, решительно поворачивался спиной и милостиво позволял уговорить себя вернуться обратно, становился податлив как масло, а потом вдруг непреклонен как сталь, и повсюду за ним тянулся след утирающих слезы торговцев.

Тригг до того свободно держал его цепь, что Ярви забыл о ней, считай, напрочь. До тех пор пока – когда с делами было покончено и серебряные гривны со звоном ссыпались обратно в капитанский кошелек – его ухо не защекотал злой шепот, от которого встали дыбом все волоски:

– Слушай, калека, выходит, ты у нас ушлый малый?

Ярви немного промедлил, пытаясь собраться с мыслями.

– Ну... кое в чем разбираюсь.

– Кто б спорил. Ясно дело, ты сообразил про меня с Анкраном и поделился соображением с капитаном. А у нее мстительный нрав, ага? Те басни, что она о себе плетет, могут быть от начала и до конца брехней, но, скажу я тебе, правда еще страшнее. Один раз я видел, как она убила человека за то, что тот наступил ей на ногу. А это был здоровый мужик, ох до чего здоровый!

– Видать, поэтому ее ноге и было так больно.

Тригг дернул за цепь, стальной ворот впился в шею, и Ярви вскрикнул.

– На мою доброту, паренек, особо не полагайся.

Да, хрупкая Триггова доброта не выдержит его веса.

– Что мне раздали, тем и играю, – сдавленно каркнул Ярви.

– Правильно, – промурлыкал Тригг. – Все так делают. Анкран сыграл плохо и запла-
тился. Я не хочу себе того же. Поэтому вот тебе прежнее предложение. Половину того, что ты
забираешь у Шадикширрам, будешь отдавать мне.

– А что, если я не беру ничего?

Тригг фыркнул.

– Все, паренек, берут, все. Из того, что ты мне дашь, немножко перепадет и страже, и все
будут жить дружно, в ладу и согласии. Не дашь мне ничего – займешь на свою шею врагов.
Из тех, с кем лучше не ссориться. – Он намотал цепь на толстую ладонь и рывком притянул
Ярви ближе. – Главное помни: и глупые, и ушлые ребяташки тонут, в общем-то, одинаково.

Ярви снова сглотнул. Как любила повторять Мать Гундринг – *хороший служитель не
скажет «нет», если можно сказать «посмотрим»*.

– Капитан следит во все глаза. Я еще не втерся в доверие. Дайте мне немного времени.

Тригг толкнул Ярви в бок, направляя в сторону судна.

– Ты только не забудь про слово «немного».

Ярви это вполне устраивало. Старые друзья в Торлбю не будут ждать вечно, не говоря о
старых недругах. Хоть старший надсмотрщик и был очаровательно мил, Ярви очень надеялся
в скором времени его покинуть.

От Ройстока они повернули на север.

Они плыли мимо безымянных земель, где топи, покрытые зеркалами бочагов, простира-
лись в нехоженные дали: тысячи осколков неба разметало по этому гиблому порождению суши
и моря. Лишь одинокие птичьи крики проплывали над пустошами. Ярви вдыхал полной гру-
дью холодную соль и тосковал по дому.

Он часто думал об Исриун, пытаясь вспомнить, как пахло от нее тогда, когда она стояла
так близко, вспомнить касание губ, изгиб улыбки, солнце, вспыхнувшее в ее волосах на пороге
Зала Богов. Он тасовал свои скудные воспоминания, пока они не стерлись до дыр, как рубище
нищего. Может быть, она уже сосватана за кого-то получше? Улыбается другому мужчине?
Целует нового возлюбленного? Ярви стискивал зубы. Ему нужно добраться домой.

Он заполнял планами побега каждую свободную минуту.

В одной из факторий, где стояли срубы из таких шершавых бревен, что можно было на
ходу подцепить занозу, Ярви показал Триггу хорошенькую служанку. А сам, пока старший над-
смотрщик отвлекся, вместе с солью и травами купил себе кое-что еще. Листья спотыкач-травы
– достаточно, чтобы всей корабельной страже отяжелеть и размякнуть, а то и погрузиться в
сон, если получится подобрать верную дозу.

– Как там наши деньжата, малый? – прошипел ему Тригг обратной дорогой на «Южный
Ветер».

– Я уже кое-что придумал. – И Ярви сдержанно улыбнулся, представляя в этот миг, как
скатывает сонного Тригга за борт.

На посту хранителя припасов его куда больше ценили и уважали, чем на королевском
престоле, да и пользы от него, честно говоря, было намного больше. Весельным рабам хватало
еды, их одежда стала теплее, и на мостках его встречали их ворчливые приветствия. В море,
во время плавания, в его распоряжении был весь корабль, но, как бывает со скрягами и пья-
ницами, такой глоток воли лишь сильнее разжигал его жажду свободы.

Когда, по мнению Ярви, его никто не видел, он ронял возле рук Ничто хлебные корки,
и тот быстро запихивал их под свои лохмотья. Однажды их взгляды пересеклись, но Ярви все
равно не понял, заслужил ли он у скоблильщика благодарность – в этих ярких, впалых, чуждых
глазах вряд ли сохранился проблеск чего-то человеческого.

Но мать Гундринг повторяла не раз: *делай доброе дело ради себя самого*. И он продолжал
ронять корки, когда выпадал случай.

Шадикширрам с огромным удовольствием отметила возросший вес кошелька, и с еще большим – качество вина, ставшее возможным отчасти из-за того, что Ярви стал покупать его весьма солидными партиями.

– Этот урожай явно лучше тех, что приносил Анкран, – заключила она, изучив цвет вина сквозь стекло бутылки.

Ярви поклонился.

– Под стать вехам вашей славы. – Когда он вновь сядет на Черный престол, подумал и решил он под маской улыбки, то поглядит, как ее голову насадят на пику у Воющих Врат, а пепел этой клятой лохани развеют по ветру.

Иногда, с наступлением темноты, она подставляла ему ноги, и пока Ярви стаскивал с них сапоги, заводила то или иное предание о своей минувшей славе, где имена и подробности текли как масло с каждым новым рассказом. Потом она называла его хорошим и умненьким мальчиком, и, если ему в самом деле везло, угощала остатками со стола и жаловалась, что ее погубит собственное милосердие.

Если удавалось сдержаться и не набить объедками рот на месте, он относил их Джойду, а тот передавал Ральфу. Анкран же сидел между ними и угрюмо таращился в никуда. На его бритом черепе подсыхали свежие царапины, а запекшееся лицо после ссоры с сапогом Шадикширрам приняло совсем иную форму.

– Боженьки, – заворчал Ральф. – Уберите с нашего весла эту двурукую придурь и верните нам Йорва!

Вокруг засмеялись невольники, но Анкран сидел недвижно, как деревянный, и Ярви гадал, не перебирает ли тот в голове слова собственной клятвы отмщения. Ярви поднял голову и увидел, как Сумаэль мрачно смотрит на них со шканцев. Она всегда смотрела на него оценивающе, с опаской – словно он был непроверенным курсом движения корабля. Хотя их цепи крепили на ночь к одному и тому же кольцу, он ни разу не слышал от нее ничего, кроме недовольного бурчания.

– Гребем, – отрезал Тригт и, проходя мимо, плечом толкнул Ярви на весло, которое тот недавно ворочал.

Кажется, помимо друзей, он нажил себе еще и врагов.

Но враги, как говорила мать, – цена, которой мы оплачиваем успех.

– Сапоги, Йорв!

Ярви дернулся, как от пощечины. Мысли, как нередко бывало, унесли его в прошлое. На холмы, где боги внимали клятве отмщения над отцовским погребальным кострищем. На крышу башни в Амвенде, где все пропахло дымом и копотью. К невозмутимому, улыбающемуся лицу дяди.

Из тебя бы получился превосходный шут.

– Йорв!

Он выпутался из одеял, подхватил цепь и переступил через Сумаэль: девушка тоже укуталась на ночь, ее темное лицо беззвучно подрагивало во сне. Галера шла на север, становилось все холодней, промозглый ночной ветер наметал крупинки снега, припорошивая шкуры, которыми на банках укрывались рабы. Охрана забросила ночные обходы, и только двое караульщиков сутулились над жаровней у носового люка в трюм, их узкие лица покрывали отсветы оранжевого пламени.

– Эти сапоги стоят дороже тебя, черти бы тебя подрали!

Шадикширрам сидела на кровати, с влажным блеском в глазах, и пыталась ухватить свою ногу, но была такой пьяной, что постоянно промахивалась. Когда Ярви вошел, она откинулась на кровати.

– Руку мне дашь?

– Пока вам не понадобятся две – пожалуйста, – ответил Ярви.

Она загоготала.

– Какой умненький сухорукий прощелыжка! Клянусь, тебя послали мне боги. Послали... стаскивать с меня сапоги. – Ее смешки превратились в похрапывание, и к тому времени, как он управился со вторым сапогом и закинул ее ногу обратно на кровать, она уже крепко спала, задрав голову. Черные волосы разметались по лицу и мелко тряслись с каждым храпом.

Ярви застыл как камень. Воротник ее сорочки был распахнут, из-под него вывалилась цепочка. На меховой оторочке, у самой шеи, сверкал ключ ко всем замкам этого корабля.

Он посмотрел на дверь, приоткрыл на щелочку – снаружи кружили снежинки. Потом достал лампу и погасил огонь – комната погрузилась во мрак. Риск был ужасен, но в его положении, когда времени остается так мало, поневоле приходится бросать жребий.

Мудрые терпеливо ждут своего часа, но ни за что его не упустят.

Он осторожно подкрался к постели и, покрывшись мурашками, просунул свою руку с одним пальцем под затылок Шадикширрам.

Тихонечко, осторожно, он приподнимал ей голову, поразившись, до чего увесистой та оказалась. Стараясь двигаться как можно медленней, он стиснул зубы – до чего тяжело. И вздрогнул, когда капитан всхрапнула и заерзала губами, уверенный – сейчас ее глаза распахнутся, а потом каблук расквасит ему лицо, как Анкрану. Потом перевел дух и, поддерживая голову, потянулся за ключом – Отче Месяц плеснул светом сквозь прорезь окна, и металл засиял в полумраке. Мышцы сводило от напряжения... но зудящим пальцам не хватило приблизиться к цели самую малость.

Его горло вдруг сдавило, почти до удушья. Обо что-то зацепилась цепь. Он повернулся, чтобы ее продернуть – и там, в проеме двери, сомкнув челюсти и стискивая его цепь в кулаках, стояла Сумаэль.

На миг оба замерли на месте. Потом она начала подтягивать цепь к себе.

Он выпустил голову Шадикширрам, так мягко, как только смог, сам схватил цепь здоровой рукой и попытался дернуть к себе, сопя от натуги. Сумаэль лишь потянула сильнее, железный ворот врезался Ярви в шею, звенья вгрызлись в ладонь, и ему пришлось прикусить губу, только б не вскрикнуть.

Похоже на перетягивание каната, как в Торлбю на песке играли мальчишки – только здесь с двумя руками был лишь один, и, вдобавок, петля на конце захлестывала Ярви горло.

Он изворачивался и упирался, но Сумаэль была намного сильнее и, не проронив ни звука, подтаскивала его ближе и ближе. Его башмаки, проскальзывая по палубе, сбили бутылку, та покатилась. Наконец, девушка поймала его за ошейник и, прижимая к себе, выволокла наружу в ночь.

– Придурок! – злобно выпалила она ему в лицо. – Ты что, сдохнуть пытался?

– А тебя что, волнует? – зашипел он в ответ. Ее кулак побледнел, смыкаясь на его ошейнике, а его кулак побледнел, смыкаясь у нее на руке.

– Меня, болван, будет волновать, когда они сменят замки из-за того, что ты спер ключ!

Оба умолкли, и пока они глазели в темноте друг на друга, его посетила лишь мысль: как же близко к ней он стоит. Достаточно близко, чтобы различить гневные морщинки на переносице, заметить зубы, мелькнувшие сквозь выемку на губе, ощутить тепло. Достаточно близко, чтобы почуять ее запах, слегка кисловатый, но от этого не становящийся хуже. Достаточно, почти достаточно, чтобы поцеловать. Должно быть, ей пришло в голову то же самое, потому что она выпустила ошейник, точно он раскаленный, отпихнула и рывком высвободила зажатое Ярви запястье.

Он заново прокрутил в голове ее слова, примеряясь к ним так и этак, и его осенило.

– Смена замков помешает только тому, у кого уже имеется ключ. Вероятно, тому, кто сумел сделать слепок?

Он сел на свое место, потирая здоровой рукой свежую отметину и недозажившие ожоги на шее. Увечную он сунул отогреться под мышку.

– А ключ нужен рабу лишь по одной причине – чтобы сбежать.

– Заткни свою пасть! – Она сползла рядом, и опять наступило молчание. С неба слетал снег и садился ей на волосы и ему на колени.

Лишь после того, как он простился с надеждой услышать от нее хоть слово, девушка заговорила вновь. Так невесомо, что он едва разбирал слова на ветру.

– Раб с ключом мог бы освободить и других рабов. Может быть, даже всех. Кто потом разберется, кто куда ускользнул в суматохе?

– Пролилось бы немало крови, – зашептал Ярви. – В суматохе – и кто знает чьей? Намного спокойнее усыпить стражу. – Сумаэль внимательно на него посмотрела – глаза девушки заблестели, дыхание курилось на холоде. – Раб, который разбирается в травах, разливая охранникам эль и подносит капитану вино, мог бы придумать как. – Рискованно, но с ее помощью многое получится куда проще, а когда времени остается так мало, поневоле приходится бросать жребий. – Пожалуй, вместе два раба смогли бы сделать...

– ...то, чего не смог бы один, – договорила за него она. – С корабля лучше всего уходить в порт.

Ярви кивнул.

– Я тоже подумал об этом. – Он круглыми сутками мало думал о чем-либо другом.

– Самый подходящий порт – Скегенхаус. В городе оживленно, но стражники там ленивы, а капитана с Триггом подолгу не бывает на корабле.

– Если только кое у кого нет друзей в каком-то другом месте моря Осколков. – Он оставил наживку болтаться.

Она заглотила ее целиком.

– Друзей, что могли бы приютить пару беглых рабов?

– Вот именно. Скажем... в Торлбю?

– Через месяц-другой «Южный Ветер» снова пройдет через Торлбю. – В ее шепоте послышался огонек возбуждения.

Который не сумел скрыть и он сам:

– И тогда раб с ключом... и раб, который знает толк в травах... могли бы очутиться на свободе.

Они сидели молча, в темноте и холоде, как и много дней перед этим. Но сейчас, при бледном, расплывчатом свете Отче Месяца, Ярви показалось, что в уголке губ Сумаэль появился легкий намек на улыбку.

«Ей идет», – подумал он.

Лишь один друг

Далеко-далеко на север увлекли «Южный Ветер» невольничьи весла – по черной воде, в студеную зиму. Нередко выпадал снег, ложась на крыши корабельных надстроек, на плечи дрожащих гребцов. А те после каждого взмаха отогревали дыханием оцепеневшие пальцы. По ночам стонал пробитый корпус. По утрам команда перевешивалась через борта, чтобы отколоть с израненных боков корабля лед. На закате Шадикширрам выплеталась из каюты, кутаясь в меховую накидку, с покрасневшими глазами от выпитого, и сообщала, что, по ее мнению, на палубе не так уж и холодно.

– Я стараюсь жить с любовью в сердце ко всему, – сказал Джойд, хватая обеими руками миску супа, которую принес ему Ярви. – Но, боги, как же я ненавижу север!

– Зато отсюда, куда ни поверни, севернее уже не заплыть, – ответил Ральф, потирая мочки ушей: берега, куда был устремлен его угрюмый взгляд, сплошь укутывало белое одеяло.

Анкран, как всегда, ничего не добавил.

Море зияло темной пустотой с белыми крапинками льдин, стаи неуклюжих тюленей печально наблюдали за ними с каменистых прибрежных лежищ. Другие корабли попадались нечасто, а когда попадались, Тригг, кладя руку на меч, сверкал глазами им вслед, пока те не превращались в точки на горизонте. Каким бы могущественным Верховный король себя ни считал – здесь его бумага ничем бы не защитила корабль.

– Большинство купцов побаиваются лезть в здешние воды. – Шадикширрам, не обращая внимания на гребца, уперла сапог ему в ногу. – Но я – не такая, как большинство.

Ярви беззвучно возблагодарил за это богов.

– Бани, те, что живут в этом ледовом аду, поклоняются мне как богине, ведь это я привожу им котлы, ножи и стальные орудия, которые для них ценнее эльфийских диковин, а взамен прошу лишь меха и янтарь – у них этого добра завались, хоть выкидывай. Бедные варвары ради меня готовы на все. – Она бодро потерла ладони. – Здесь делают самые большие деньги.

И, разумеется, бани встречали «Южный Ветер», когда судно, ломая прибрежный лед, подошло к илистой пристани у серого, тусклого мыса. Замотанные в звериные шкуры, они напомнили Ярви не людей, а скорее медведей или волков – по сравнению с этим народом тогдашние шенды казались вершиной цивилизации. Обросшие нечесаными лохмами, бани протыкали лица точеной костью и осколками янтаря, их луки украшали длинные перья, а в оголовьях дубин торчали зубы. Ярви подумал, уж не человеческие ли, и решил, что люди, которым приходится любой ценой выживать в этом скудном, пустынном краю, не могут себе позволить ничего тратить зря.

– Меня не будет четыре дня. – Шадикширрам перескочила фальшборт и потарабанила по покоробленным доскам пристани. Моряки волокли за ней грубо сколоченные сани с грузом. – Тригг – остаешься за главного!

– Вернетесь, не узнаете судно! – Усмехаясь, крикнул ей вслед надсмотрщик.

– Четыре дня впустую, – сдавленно пробормотал Ярви, ковыряя ошейник пальцем сухой руки, когда последние лучи заката окрасили небо багрянцем. Казалось, с каждой ночью на этом гнилом корыте металлический ворот натирал шею все больше и больше.

– Терпи. – Прощедела сквозь зубы Сумаэль. Ее губы в рубцах почти не шевелились, а темные глаза следили за стражей, в особенности за Триггом. – Пройдут считанные недели, и мы попробуем заявиться к твоим друзьям в Торлбю. – Она, как прежде, угрюмо повернулась к нему. – И тебе же лучше, чтоб они там у тебя действительно были!

– Ты обомлеешь, узнав, кто у меня в друзьях. – Ярви зарылся в ворох мехов. – Поверь уж. Та фыркнула.

– На слово?

Ярви отвернулся. Сумаэль колюча, как еж, зато умна и упорна, и он не променял бы ее ни на кого из команды. Ему требовался не друг, а сообщник, а она лучше других знала, что и когда надо делать.

Теперь он представлял побег как наяву. Представлял, убаюкивая себя каждую ночь. «Южный Ветер» неторопливо покачивается на приколе под стенами Торлбю. Опоенная стража сопит в забытии за недопитыми бокалами эля. Ключ плавно проворачивается в замке. Они с Сумаэль невидимками сходят с корабля – цепи обмотаны тряпками. Пробираются вверх по темным, крутым, так хорошо знакомым проулкам Торлбю: башмаки печатают след в снеговой каше, белая наледь нависает на крышах. Он улыбнулся и нарисовал перед собой лицо матери в тот миг, когда они встретятся вновь. И улыбнулся шире, рисуя лицо Одема за миг до того, как Ярви всадит кинжал ему в брюхо...

Ярви ударил ножом, полоснул, ударил снова, руки стали скользкими от теплой крови изменника, а дядя визжал, как недорезанная свинья.

– Истинный государь Гетланда! – пронесся крик, все зашумели, и никто не рукоплескал громче Гром-гиль-Горма, который бил в громадные ладоши с каждым присвистом лезвия, и матери Скейр, которая от радости заверещала вприпрыжку и превратилась в облако хлопающих крыльями голубей.

Присвист лезвия обернулся причмокиванием, и Ярви поднял глаза на брата, белого и холодного на каменной плите. Над его лицом склонилась Исриун и целовала, целовала.

Сквозь пелену своих волос она улыбнулась, заметив Ярви. Той самой улыбкой.

– Я надеюсь, после победы вы поцелуете меня как следует.

Одем приподнялся на локтях.

– Сколько ты собираешься тянуть?

– Убей его, – произнесла мать. – Хоть кто-то из нас должен быть мужчиной.

– Я мужчина! – зарычал Ярви, коя и коя кинжалом, от напряжения начало сводить руки. – Если только не... полмужчины?

Хурик удивленно приподнял бровь.

– Не слишком ли много?

Нож в руке сделался скользким, и голуби мешали ужасно – все птицы как одна глазели на него, глазели, и посередине их – бронзовоперый орел с посланием от праматери Вексен.

– Ты уже решил вступить в Общину служителей? – проклекотал посланник.

– Я – король! – огрызнулся он и, сгорая от стыда, поскорее спрятал свою бесполезную, скоморошью руку за спину.

– Король восседает между богами и людьми, – сказал Кеймдаль. Из перерезанного горла сочилась кровь.

– Король восседает в одиночестве, – сказал сидящий на Черном престоле отец, подаваясь вперед. Его раны, прежде омытые и сухие, роняли комки и ошметки плоти, склизкая кровь пачкала пол Зала Богов.

Вопли Одема превратились в смешки.

– Из вас получился бы превосходный шут.

– Пошел к черту! – прорычал Ярви, пытаясь бить сильнее, но нож настолько отяжелел, что он с трудом его поднимал.

– Что вы делаете? – спросила мать Гундринг. Голос ее звучал испуганно.

– Заткнись, сука, – бросил Одем, а потом ухватил Ярви за шею и крепко сжал...

Ярви пришел в себя от того, что его встряхнули с невероятной силой – и увидел руки Тригга на своем горле.

Кругом жестокие усмешки, в свете факелов блестели зубы. Он сдавленно хрипел, изворачивался, но, точно муха, влетевшая в мед, был совершенно бессилен освободиться.

– Надо было тебе соглашаться, малой.

– Что вы делаете? – снова спросила Сумаэль. До этой минуты она никогда не говорила испуганным тоном. Но никакой испуг в ее голосе и рядом не стоял с ужасом Ярви.

– Я тебе велел заткнуться! – рявкнул ей в лицо один из стражников. – А не то отправишься с ним!

Девушка съежилась и залезла обратно под одеяла. Она лучше других знала, что и когда надо делать. Пожалуй, в итоге от друга было бы больше толку, чем от сообщника, но сейчас уже поздно обзаводиться друзьями.

– Я же тебе сказал, что и ушлые, и глупые ребяташки тонут, в общем-то, одинаково. – Тригг всунул ключ в замок и отомкнул его цепь. Свобода, но он рисовал в уме совсем другие картинки. – Давай-ка мы тебя бросим в воду и поглядим, правда ли это.

И Тригг потащил Ярви по палубе как цыпленка, ощипанного и готового к варке. Мимо гребцов, спящих на банках – все же кое-кто из них, со своих облыселей шкур, наблюдал за расправой. Но никто и не встрепнулся, чтобы его спасти. С какой стати? И что они могли сделать?

Ярви колотил каблуками палубу – без малейшего прока. Ярви пихался, пытаясь отцепиться от Тригга, но обе руки, как больная, так и здоровая, оказались одинаково бесполезны. Наверно, сейчас следовало грозить, улеживать, выторговывать спасение, но в его задохшихся легких хватало воздуха только на приглушенный, слюнявый хрип, будто он пускал ветры.

Так вот ему и показали наглядно, что мирные умения служителя годятся далеко не всегда.

– Мы с ребятами делаем ставки, – сказал Тригг, – сколько ты продержишься на воде.

Ярви щипал Тригга за руку, ногтями царапал плечо, но надсмотрщику не было до этого дела. На краю слезящегося глаза промелькнуло, как Сумаэль встает, стряхивая с себя одеяла. Когда Тригг отомкнул цепь Ярви, он выпустил и ее.

Но от нее не приходилось ждать помощи. Не стоило ждать помощи ни от кого.

– Пусть это послужит всем вам уроком! – Тригг ткнул себя в грудь большим пальцем свободной руки. – Это – мой корабль! Перейдете мне дорогу – и вам крышка.

– Отпустите его! – заворчал чей-то голос. – Он никому не сделал плохого. – Это Джойд – рассмотрел Ярви, когда его тащили мимо. Но на здоровяка никто не обратил внимания. Рядом, потирая сломанный нос, на него тарасился Анкран – с прежнего места Ярви. С не столь и плохого, как теперь видится, места.

– Надо было тебе соглашаться на сделку, – Тригг тащил Ярви над убранными веслами, точно мешок с тряпьем. – Хорошему певцу, малой, я много чего прощу. Но...

Неожиданно вскрикнув, надсмотрщик взмахнул руками и опрокинулся на палубу. Его хватка ослабла, и Ярви тут же ткнул своим скрюченным пальцем Триггу в глаз, извернулся, лягнул его в грудь и, кувырнувшись, вырвался на свободу.

Тригг зацепился о тяжелую цепь Ничто, которая оказалась внезапно натянута под ногами. Скоблильщик палубы сторбился в тени, под его обвислыми лохмами в темноте сверкнули глаза.

– Беги, – шепотом выдавил он.

Похоже, одним другом Ярви все-таки обзавелся.

После того, как он протолкнул в себя первый вдох, ужасно кружилась голова. Он вскочил, всхлипывая, пуская сопли, и бросился сквозь ряды скамей, через полусонных гребцов, карабкаясь, поскользываясь, под веслами и над ними.

Ему что-то кричали, но Ярви не слышал слов – стук крови в ушах гремел, как раскаты свирепой бури.

Содрогаясь, пошатываясь, он увидел носовой люк. Одной рукой схватился за крышку и потянул. Люк распахнулся, и Ярви головой вниз полетел во тьму.

Ждет смерть

Ярви с грохотом свалился, ударился плечом, треснулся головой, перекувырнулся через мешки и растянулся лицом на досках.

Под щекой мокро. Натекло в трюме.

Он не без труда откатился и нырнул во тьму.

Здесь, внизу, темно. Хоть глаза выколи – однако служитель обязан ориентироваться во всем, и он чувствовал путь кончиками пальцев.

В ушах ревет, жжет в груди и все части тела скованы страхом. Он должен совладать с собой. Мать говорила: *на все найдется свой способ*.

Слышно, как стражники орут в люк, очень близко, слишком близко. Изгибаясь, он юркнул между клетей и бочонков, продернул за собой цепь. Проблески факелов с палубы, отражаясь от заклепок и обручей, указывали дорогу в глубь корабельных кладовых.

Он скользнул в низкий проем, шлепая по ледяной луже между деревянных полок и коробов – столько натекло за сегодня. Он сжался в комок у стылого борта, с одышливым присвистом втягивая воздух. Света прибавилось – охрана несла с собой в трюм огонь.

– Где он?

Должен быть выход. Скоро они, ясно дело, спустятся с другой стороны, с кормового люка. Он бросил взгляд на ту лестницу.

Должен же быть какой-то способ спастись. Нет времени строить планы, все его планы развеялись как дым. Тригг его ждет. Тригг на него обозлен.

Он крутил головой по сторонам на каждый шорох, на каждый огонек света, отчаянно изыскивая любую возможность бежать, любое укрытие – и ничего не находил. Нужна помощь. Опустив руки, он прижался к дереву, ощутил холодную сырость, услышал, как капает соленая влага. И голос матери Гундринг у очага явился к нему, принося с собой тепло и заботу.

Когда кругом одни враги – делай оружием того из них, кто наихудший враг остальным.

Ярви поднырнул под полку, шаря на ощупь в черноте – и его пальцы сомкнулись на железном ломе, которым он заколачивал гвозди.

Злейший враг морехода – это море, – не уставала повторять Шадикширрам.

– Ты где, малой?

Сейчас в темноте проступал только контур деревянной заплатки, которой Сумаэль заделала брешь, и он вогнал лом между корпусом и свежими досками и всем телом на него навалился. Он скрежетал зубами и пропихивал железяку в щель, рыча от ярости, от боли и безысходности, кидаясь на нее, словно та была Триггом, Одемом и Гром-гиль-Гормом – вместе и сразу. Он рвал ее, тянул, напрягая все мышцы, упираясь запястьем бесполезной руки. Стонало, выгибаясь, дерево, котелки и коробки со грохотом падали вниз, когда Ярви задевал плечом выступы полок.

Ему было слышно – стражники уже здесь, рядом, свет их ламп заливают трюм, горбатые силуэты пригибаются в проеме, клинки сверкают сталью.

– Сюда иди, калека!

Он закричал и рванул, вкладывая все силы в этот последний, безнадежный рывок. Раздался треск, и обшивка внезапно подалась. Потеряв опору, Ярви взмахнул руками, прыгнул назад, и, взрываясь шипением, подобно гневному дьяволу, выпущенному на погибель миру из глубин ада, Матерь Море сокрушила доски и хлынула в трюм.

Ярви ухватился за полку, и та сорвалась вместе с ним; мгновенно промокнув в ледяной воде, он перекатился и, поскальзываясь, устремился к кормовому люку. В ушах стоял гвалт криков погони, треска древесины и бурлящего грохота обезумевшего моря.

Уже плескаясь по колено в воде, он добрался до лестницы. Кто-то из охраны, хватаясь в темноте за переборки, поспедал следом. Ярви запустил в стражника ломом, и тот, оступившись, попал под бьющую из борта струю. Вода швырнула его через всю кладовую, как куклу. В обшивке прорезались новые течи, море хлестало под дюжиной углов, окрики стражников совсем затерялись за оглушительным ревом воды.

Волоча ноги, Ярви подтянулся на пару лестничных перекладин, навалился, откинул люк, пролез наружу и, пошатываясь, застыл как вкопанный. Он не верил своим глазам – какое-то колдовство перенесло его на палубу чужого корабля, в самый разгар битвы.

Мосток между банок кишел людьми, сражающимися в сполохах горящего масла, должно быть, на юте разбилась лампа. Отражения языков пламени плясали на черной воде, в черных зрачках обуянных страхом рабов, на обнаженных клинках стражников. Одного из которых сграбастал Джойд и на глазах у Ярви швырнул в море.

Южанин стоял у борта, соскочив со своей скамьи. Рабы были свободны.

Точнее, некоторые из них. Большинство невольников, по-прежнему на цепи, жалось в сторону уключин, страшась бушевавшего насилия. Несколько невезучих истекало кровью на дощатом проходе. Были такие, кто прямо сейчас прыгал за борт, предпочтя испытать удачу с Матерью Морем, а не с Тригговыми людьми, которые кромсали их без пощады. Ярви увидел, как Ральф боднул в лицо стражника, услышал хруст выбитой переносицы и лязг меча, проскользившего по палубе.

Он должен помочь товарищам по веслу. Пальцы здоровой руки судорожно дернулись и сжались. Должен помочь, только как? Последние месяцы лишь укрепили Ярви в давно созревшем мнении, что он никакой не герой. А те безоружны, и их превосходят числом. Он вздрогнул, когда стражник зарубил беззащитного невольника – топор рассек плоть, оставляя зияющую рану. Палуба, уже чувствовалось, начала подниматься. Крен увеличивался по мере того, как море врывалось в трюм и тянуло нос «Южного Ветра» книзу.

Хороший служитель трезво смотрит на мир и спасает что в его силах. Хороший служитель принимает меньшее зло. Ярви вскарабкался на ближайшую банку: к борту и черной воде за бортом. Пора приготовиться нырнуть.

Он уже почти оттолкнулся от корабля, когда его дернули назад за ошейник. Мир перевернулся перед глазами, и он впечатался в палубу, глотая воздух, как выловленная рыба.

Тригг встал над ним, с цепью Ярви в кулаке.

– Никуда ты не денешься, малый.

Он наклонился и другой ладонью ухватил Ярви за горло, под самым ошейником, так что металл больно впился в челюсть, но в этот раз надсмотрщик сдавливал крепче прежнего. Он вздернул Ярви над палубой – тот, лягаясь, едва скреб башмаками доски – и покрутил его туда-сюда, заставляя рассмотреть охватившее корабль побоище. Вокруг раненые и мертвые, среди них двое стражников палками избивают раба.

– Видишь, в какой блудняк ты меня втравил? – проскрежетал Тригг. Один глаз у него покраснел и слезился от пальца Ярви. Наперебой галдели охранники.

– Где Джойд с подонком Ральфом?

– Выбрались на пристань. Ничего, им там на морозе не выжить.

– О, боги, мои пальцы!

– Как они освободились-то?

– Сумаэль.

– У этой сучки был ключ.

– Где она только этот тесак раздобыла?

– Она мои пальцы оттапала. И где теперь их искать?

– Тебе не все едино? Обратно-то их уже не приставишь!

– Он проломил обшивку! – выдохнул промокший стражник, выползая из носового люка. – Внутри все затоплено!

В подтверждение его слов «Южный Ветер» снова трянуло, палуба накренилась так, что Триггу пришлось схватиться за скамью, чтобы устоять.

– Спасите нас боги! – заверещал один из прикованных гребцов, царапая ногтями ошейник.

– Мы тонем? – спросил другой, выкатывая глаза.

– Что же мы скажем Шадикширрам?

– Дери его боги! – заревел Тригг и с размаху саданул макушкой Ярви по круглому торцу весла – в голове бывшего короля вспыхнуло сияние, а рот обожгло кислой желчью. Затем надсмотрщик свирепо бросил его на палубу и без лишних слов принялся душить.

Ярви отбивался, позабыв все на свете, но под тушей главаря стражников не было сил на вдох, и перед глазами померкло все, кроме брызжущего слюной Триггова рта. И тот расплывался, раздвигался, словно устье туннеля, по которому Ярви неудержимо тащило вперед.

Он обманывал Смерть за последние несколько недель с полдюжины раз, но каким бы сильным или умным ты ни был, насколько бы ни был добрым твой меч и какая бы добрая погода тебе ни сопутствовала – никому не удастся ее обманывать вечно. Герои, Верховные короли, праматери Общины – все переступают порог ее двери, и она не делает исключений для одноруких мальчишек с длинными языками и мрачным нравом. Черный престол так и останется у Одема, отец – не отомщен, клятва – не исполнена навеки...

А затем, сквозь гул, сквозь стук крови в висках, Ярви услышал голос.

Это был ломаный, шипящий скрежет, шершавый, как брусок пемзы для чистки палубы. Ярви не удивился бы сильнее, будь он голосом самой Смерти.

– Вы что, не слышали Шадикширрам?

Напрягшись, Ярви разлепил мокрые от слез глаза и с трудом скосил взгляд в ту сторону.

Посередине палубы стоял Ничто. Его сальные, облезлые волосы были откинuty назад, и Ярви в первый раз увидел его лицо. Изломанное, скособоченное, кривое, иссеченное, щербатое и перекрученное, и на нем влажным блеском сверкали широко распахнутые глаза.

Скоблильщик намотал на руку много-много оборотов своей неподъемной цепи – с ладони свисал кусок деревянного чурбака, и оттуда до сих пор торчали гвозди. В другой руке он держал меч, тот, что выбил у стражника Ральф.

Ничто улыбался. Ломаной улыбкой, полной поломанных зубов – отражением надломленного разума.

– Она велела не подпускать меня к острому железу.

– Положи меч, *быстро!* – последнее слово Тригг пролаял, но в его голосе скрипнуло нечто такое, чего Ярви там прежде не слышал.

Страх.

Будто бы там, на палубе, перед ним встала сама Смерть.

– Э-э, нет, нет, Тригг. – Улыбка Ничто раздвинулась, и стала еще безумнее. Из глаз брызнули слезы и провели светлые дорожки по его изрытым щекам. – Скорее это он тебя положит.

К нему бросился стражник.

Отскребая палубу, Ничто казался старым и до боли медлительным. Хрупкой развалиной. Мешком с костями на нитках. С мечом в руке он стелился, как морская волна, танцевал, как язык пламени. Словно у клинка вдруг объявился собственный разум, скорый и беспощадный, как молния, и Ничто тянуло за ним вослед.

Меч метнулся вперед, его кончик полыхнул промеж лопаток напавшего стражника и пропал. Тот захрипел, закачался, прижимая ладонь к груди. Второй охранник взмахнул топором, Ничто отскользнул в сторону с пути удара, разрубленный угол скамьи выплюнул щепки. Снова

взмыл вверх топор – и, с металлическим звоном, рука, что поднимала его, крутясь, исчезла во тьме. Стражник пал на колени, вспучив глаза, а потом распластался от удара босой ноги Ничто.

Третий напал сзади, высоко держа меч. Не глядя, Ничто выпростал свой клинок, проткнул острием противнику горло, тут же рукой, обернутой цепью, выбил дубину у следующего и всадил наверхие своего меча в рот ее обладателю. Затем под брызнувшими осколками зубов беззвучно припал к палубе и, словно косою, подсек охраннику ноги, бросая его с подкруткой лицом вниз на доски.

Все это уложилось в промежуток времени, за который Ярви успел бы сделать лишь вдох. Если бы только мог его сделать.

Первый охранник еще стоял, щупая пробитую грудь, пытаясь заговорить – но изо рта выходила лишь красная пена. Ничто мягко, предплечьем, оттолкнул умирающего с пути, его босые подошвы шагали совершенно бесшумно. Он опустил взгляд на пропитанный кровью настил и расстроенно причмокнул.

– Безобразно грязная палуба. – Он поднял голову – все лицо было обсыпано черными точками и красными каплями. – Прикажешь отскрести, Тригг?

Надсмотрщик попятился вместе с Ярви, бесполезно пытавшимся оторвать от себя его руку.

– Подойдешь ближе – и я его убью!

– Так убей. – Ничто пожал плечами. – Любого из нас ждет Смерть.

Стражник с изувеченными ногами скулил, пытаясь подволакивать тело по вздыбленной палубе. Ничто, подходя, заколол его в спину.

– Сегодня она готовится к твоему приходу. Она достает свой ключ. Она отворяет Последнюю дверь.

– Давай все обсудим! – Тригг отступал, выставив перед собой ладонь. Палуба покосилась сильнее, в носовом люке у края плескалась черная вода. – Давай поговорим!

– От разговоров все беды. – Ничто поднял оружие. – Сталь – вот за кем последнее слово.

И он раскрутил меч так, что лезвие отразило пламя и заплясало красным, белым и желтым – всеми цветами пожара.

– Сталь не льстит и плюет на уговоры. Сталь не лжет.

– Дай мне последний шанс! – взмолился Тригг. Вода уже переливалась за борт, затапливая скамьи.

– Зачем?

– У меня есть мечта! У меня есть будущее! У меня...

Сухо щелкнув, меч расколол череп Тригга до самого носа. Еще мгновение его губы складывали слово, но, чтобы тому прозвучать вслух, не осталось дыхания. Надсмотрщик повалился навзничь, слабо дернув ногами, и Ярви отлепил от себя его обмякшую руку, открыл рот и зашелся кашлем, пытаясь оттянуть ошейник, чтобы вдохнуть.

– Может, и зря я так, – сказал Ничто, выдирая меч из головы Тригга, – но мне и впрямь стало легче.

Отовсюду неслись вопли. Если из стражи кто и выжил, то явно предпочел море мечу Ничто. Некоторые рабы пытались перебраться назад, на скамьи посуше; другие, изнемогая, тянулись на цепях как могли, пока вода поднималась все выше и выше; у третьих виднелись одни лица – рты жадно всасывали воздух, глаза в ужасе рвались из орбит. И Ярви знал – есть еще одни, те, над кем сомкнулась черная гладь, кто, задержав дыхание на несколько лишних мгновений, безнадежно бьется со своими замками.

Он упал на четвереньки, в тошноте и головокружении, и начал рыться в окровавленном Тригговом платье, чтобы отыскать ключ, стараясь не глядеть в рассеченное лицо мертвеца, но глаз исподволь покосился на искаженные мукой черты, на сизое месиво внутри страшной

раны. Подкатила рвота, Ярви сглотнул комок, и снова закопался в одежде. Слух застил вой рабов в гибельной западне.

– Брось. – Над ним встал Ничто, куда выше ростом, чем представлялось Ярви, в руке свисал окропленный кровью меч.

Ярви ошарашенно посмотрел на него, потом на палубу, где тонули рабы.

– Но они умрут, – проскрипел его слабый голос.

– Всех нас ждет Смерть.

Ничто поймал Ярви за невольничий ошейник, единым махом поднял его в воздух, за перила над бортом – и Матерь Море вновь приняла его в свои ледяные объятия.

Часть 3

Долгий путь

Под давлением обстоятельств

Кто-то хлестал Ярви по лицу. Он видел руку, слышал шум, но едва ли хоть что-нибудь чувствовал.

– Бежим, – подгонял сиплый голос Джойда.

Самое лучшее, что получалось у Ярви, – ковылять, волоча дрожащие ноги. Одежда промокла до нитки; цепь раскачивалась и тянула его к земле при каждом шаге; прибрежный галечник забивался в раскисшие башмаки. Он то и дело оступался, но, сколько ни падал, рядом оказывались сильные руки: чтобы поднять его на ноги, чтобы тащить дальше, во тьму.

– Скорее, – рычал Ральф.

У заснеженного гребня прибрежного склона Ярви ненадолго обернулся, и негромкое «Боги!» само собой вырвалось у него сквозь стук зубов.

Голодная Матерь Море жадно заглатывала «Южный Ветер». Бак целиком оплели щупальца пожара, такелаж очертили огненные контуры, пылала верхушка мачты, на которую любила залезать Сумаэль. Скамьи, где горбатился Ярви, уже затопило, весла торчали вразнобой, словно ноги перевернувшейся мокрицы. От кормы над водой остался лишь угол, через него перекачивалась вода – мерцающее отражение пламени. Кладовые, трюм и капитанская каюта погрузились в подводное безмолвие целиком.

На берегу и на пристани, не шевелясь, стояли черные фигурки. Стражники? Рабы, как-то сумевшие разбить цепи? В вое ветра Ярви слышались слабые крики. Слабые крики сквозь треск пожара. Отсюда нельзя понять, кому повезло пройти это испытание огнем и водой, кто жив, а кто умер, а Ярви до того промерз, что не радовался собственному спасению из этого очередного кошмара. Куда ему было горевать о тех, кто спастись не сумел. Несомненно, совсем скоро он начнет изводить себя и раскаиваться.

Если только переживет эту ночь.

– Двигай, – сказала Сумаэль.

Как только его вытолкали за гребень, Ярви съехал по длинному скату, под конец на спине. Холод обжигал, каждый короткий вдох ледяным кинжалом царапал ободранное горло. По широкой скуле Ральфа пробежал оранжевый отсвет, в сиянии Отче Месяца морщилося узкое, худое лицо Сумаэль.

– Брось меня, – попытался проговорить он, но зубы промерзли до корней, и окоченелый рот не справился со словами и выдавил лишь облачко жидкого пара.

– Мы уходим вместе, – сказала Сумаэль. – Разве не об этом был уговор?

– Мне показалось, уговор был разорван, когда Тригг начал меня душить.

– О нет, так легко ты б от меня не отвертелся. – Она взялась за его скрюченное запястье. – Вставай.

Его предала родная семья, отвернулся его народ, и вот он обретает верность среди горстки рабов, ничем ему не обязанных. Он так растрогался, что захотелось плакать. Но, зрело предчувствие, слезы ему еще понадобятся впереди.

С помощью Сумаэль у него получилось подняться. С помощью Ральфа и Джойда – побрести дальше, все равно куда, лишь бы оставить тонущий «Южный Ветер» там, за спиной. Ледяная влага хлупала в башмаках, мокрую и трущую одежду пронизывал ветер, словно Ярви шел голым.

– Тебе обязательно было нужно выбрать для побега самое холодное место, какое только создали боги? – буркнул Ральф. – В самое холодное время года?

– Первоначальный план был немного иным. – Судя по голосу, Сумаэль тоже далеко не в восторге от его полного провала. – Но сейчас он на дне, вместе с «Южным Ветром».

– Порою планы должны меняться под давлением обстоятельств, – вставил Джойд.

– Меняться? – буркнул Ральф. – Этот вот просто лопнул и разлетелся в пыль.

– Вон там, – Ярви указал отмороженным обрубком пальца. Впереди на пригорке невысокое дерево цеплялось в подбрюшье ночному небу, каждая когтистая ветвь сверху белела от снега, а снизу мерцала тусклой желтизной. Ярви, не веря толком глазам, рванул туда со всей своей теперешней прытью: то есть наполовину шел, наполовину полз. Сейчас даже сон о костре был лучше, чем ничего.

– Стой! – шикнула Сумаэль. – Неизвестно, кто...

– Плевать, – бросил Ральф, барахтаясь в снегу следом.

Костер горел в распадке под кривым деревом – хоть немного защищенный от ветра. Обломки деревянного ящика лежали аккуратной горкой, посередине колыхалось совсем небольшое пламя. Рядом, согнувшись на четвереньках, бережно раздувал огонь Анкран.

Если бы список, кого спасать, составлял Ярви, то имя Анкрана было бы далеко не в самом начале. Но освобождение Ральфа с Джойдом означало и освобождение их совесельника, а Ярви здесь и сейчас сдался бы на милость дяди Одема, пообещай тот немного тепла. И вот он плюхнулся на колени и протянул дрожащие ладони к огню.

Джойд упер руки в бока.

– Выбрался, значит.

– Говно не тонет, – добавил Ральф.

Анкран лишь потер свернутый нос.

– Если вам невмоготу теперь мой запах, разведите свой костер, я не против.

Из рукава Сумаэль беззвучно выскользнул тесак, закачавшись, сверкнуло лезвие.

– Мне нравится этот.

Бывший хранитель припасов пожал плечами.

– Да не будет отвергнут нуждающийся. И стар, и мал – милости прошу в мое поместье.

Сумаэль уже залезла на мерзлый валун и точным ударом отсекла с дерева ветку. Тут же воткнула ее в землю сучками к огню и щелкнула пальцами Ярви.

– Снимай одежду.

– Любовь еще не умерла! – воскликнул Ральф, воздев очи небу.

Сумаэль не него даже не посмотрела.

– Ночью мокрая одежда тебя убьет – не нужен и враг.

Теперь, когда холод ослабил хватку, у Ярви заболели все синяки, заныли все мышцы. Гудела голова и ломило шею – последствия Тригговых рук. Даже захоти он, сил возражать уже не было. Он стянул с себя тряпье, кое-где края уже затвердели ледяной коркой, и, насколько позволил жар, приник к огню, почти совсем голый, не считая цепи да ошейника.

Ральф накинул на его дрожащие плечи старую овечью шкуру.

– Бери взаймы, – сказал он. – Не насовсем.

– Крайне признателен... в любом случае, – выдавил Ярви сквозь пляшущие зубы, наблюдая, как Сумаэль развешивает над костром его одежду, уже курящуюся легким паром.

– А что, если свет заметят? – спросил Джойд, озабоченно глядя в сторону моря.

– Коли тебе приятней замерзнуть, сиди в темноте. Тут ее всюду полно. – Анкран, пытаясь получить больше тепла, разгреб костер палкой. – Лично мне кажется, что бой на корабле, и пожар, и вдобавок гибель этого корабля в волнах поумерят их жажду искать нас.

– А тем более – мы уйдем еще до рассвета, – добавил Ральф.

– Уйдем... куда? – спросила Сумаэль, подсаживаясь к Ярви.

Самым очевидным ответом было – на восток. На восток, вдоль побережья, тем же путем, каким их вез сюда «Южный Ветер». Но Ярви-то нужно было на запад. На запад, в Ванстерланд. На запад, в Гетланд. На запад, к Одему, к отмщению – и чем скорее, тем лучше. Он оглядел пестрое братство по несчастью: все сторбились у живительного пламени, и в его свете измученные, осунувшиеся лица казались незнакомыми. Что же сказать, как убедить их пойти неверной дорогой?

– Естественно, на восток, – высказался Ральф. – Мы ту факторию вроде не так давно проплывали?

Сумаэль наскоро прикинула на пальцах.

– Пешком, возможно, доберемся туда за три дня.

– Путь предстоит тяжелый. – Ральф поскреб колючую щеку. – Идти чертовски трудно и...

– Я пойду на запад, – сказал Анкран. Затем твердо стиснул зубы и уставился в пламя.

В тишине все посмотрели на него.

– На запад – куда? – спросил Джойд.

– В Торлбю.

Ярви лишь раскрыл рот, даваясь диву от столь неожиданной подмоги. Ральф разразился хохотом.

– Спасибо тебе, мастер Анкран, я хоть на славу поржал, прежде чем помру! Наш бывший кладовщик пешком отправляется в Гетланд.

– В Ванстерланд. Там я попробую сесть на корабль.

Ральф засмеялся снова.

– А, всего-то пешочком до Вульсгарда? И сколько ему предстоит шагать, а, судовод?

– Своими ногами – самое малое месяц, – выпалила Сумаэль, словно подсчитала заранее.

– Месяц всей этой красоты! – Ральф обвел лапищей заснеженную пустошь, которую они пересекли, и Ярви пришлось согласиться, что мысль о таком переходе не согревает душу нисколечки. – С какими пожитками?

– У меня есть щит. – Джойд сдернул его со спины и постучал кулаком. Большой, округлый, из шероховатой древесины, с железной шишкой посередине. – Подумал, он удержит меня на воде.

– А великодушный стражник вручил мне свой лук. – Ральф подергал за тетиву, словно за струну арфы. – Вот только без стрел он играет совсем не ту музыку. У кого-то из вас найдется палатка? Другая одежда? Одеяла? Сани? – Тишина, только ветер стенал над их залитым светом распадком. – Стало быть, большой вам удачи, мастер Анкран! Грести вместе с вами было неслыханным счастьем, но, боюсь, нам придется расстаться. Мы идем на восток.

– Какой дурак выбрал тебя в командиры?

В единый миг все развернулись на прохрипевший из темноты голос – к ним шел Ничто. Весь вымазан сажей, равно как и всегдашней грязью; его лохмотья, волосы и борода почернели. На нем были Тригговы сапоги и кафтан, на плече запеклась кровь. На другом плече он нес громадный сверток опаленной парусины, а рукой прижимал, баюкая, словно укрывал от мороза дитя, меч, которым на глазах у Ярви убил шестерых человек.

Он плюхнулся у костра, по-свойски закинул ногу за ногу, точно они давно договорились о встрече, и довольно охнул, протягивая ладони к огню.

– На запад, в Гетланд – звучит приемлемо. Туда мы и отправимся.

– Тригг? – спросила его Сумаэль.

– Больше о нашем надсмотрщике не упоминайте. Я уплатил ему долг. Но счет между мной и Шадикширрам еще не закрыт. – Ничто лизнул палец и стер пятнышко с лезвия. – Нам надо оторваться от нее как можно дальше.

– Нам? – сердито бросила Сумаэль, и Ярви со спины заметил, что тесак оказался у нее под рукой. – Ты позвал себя к нам в попутчики?

В бешеных зрачках Ничто промелькнуло пламя.

– Разве что меня позовет кто-то другой?

Ярви протянул между ними руки, протаривая дорогу для Отче Мира.

– Мы рады принять любую подмогу. Как тебя вообще-то зовут?

Ничто уставился в ночное небо, словно ответ там начертали звезды.

– У меня было три разных имени... а то и четыре... но все они навлекли на меня беду.

Мне бы страсть не хотелось накликать беду и на вас. Если станете со мной говорить, сгодится Ничто, но я не мастак разговаривать. Шадикширрам вернется и догадается, что мы пошли на восток.

– Потому что идти на запад – надо чокнутым быть! – Ральф наседал на Сумаэль. – Скажи им!

Она сжала губы и сощурилась на огонь.

– Путь на восток – короче. Путь на восток – проще.

– Вот! – гаркнул Ральф, хлопывая себя по ляжкам.

– И я иду на запад, – добавила Сумаэль.

– Э?

– На восток двинется много народа. Всякий, кто спасся с корабля. А на той фактории кишмя кишат работоторговцы.

– А в Ванстерланде – нет, что ли? – возразил Ральф. – Мы, когда свозили туда инглингов, делали хорошие деньги.

– На востоке опасно, – сказала Сумаэль.

– А на западе нет ничего – только глушь и метели!

– Зато есть леса. Леса означают тепло. Леса означают еду. Да, на востоке фактория, а дальше что? Одни топи да пустоши на сотни миль. Запад – это Ванстерланд. Запад – это людские поселения. Запад – это, не знаю... может, корабли, которые идут дальше на запад. Идут к дому.

– К дому. – Джойд засмотрелся на огонь, точно разглядел там свою деревню и колодец с самой вкусной на свете водой.

– Двинемся в глубь суши, – сказала Сумаэль, – подальше от любых кораблей. А потом – на запад.

Ральф всплеснул руками.

– Как ты отыщешь дорогу в снегах? Будешь вечно блуждать по кругу, так и сгинешь.

Сумаэль вынула из-под плаща кожаный сверток, развернула его и показала маленькую подзорную трубу и другие инструменты.

– Дорогу я найду, старикашка, не бойся. Я не загадываю наперед и много не жду от обоих маршрутов. Особенно в вашей компании. Но, может статься, на западе нам повезет больше.

– Может статься?

Сумаэль пожала плечами.

– Иногда только на «может быть» и остается надеяться.

– Трое за запад. – Ярви впервые видел, как улыбается Анкран, после того, как Шадикширрам высадила ему два передних зуба. – А ты, здоровяк?

– Хм. – Джойд задумчиво упер подбородок в кулак и оглядел круг спутников. – Хы. – Он внимательно изучил глазами каждого, и закончил инструментами Сумаэль. – Хе.

Он подернул тяжелыми плечищами и перевел дух.

– Если бы мы шли на бой, я никого на всем свете не выбрал бы заместо тебя, Ральф. Но когда надо из одного места попасть в другое... я верю Сумаэль. Я пойду на запад. Если ты меня возьмешь.

– Будешь держать надо мной щит, когда повалит снег, – промолвила Сумаэль.

– Да вы все с ума съехали! – Ральф прихлопнул тяжелой ладонью по плечу Ярви. – Видать, остались ты да я, Йорв.

– Мне очень льстит твое приглашение... – Ярви выскользнул из-под руки Ральфа и одновременно из его овчины и нырнул в свою рубаху, пусть не до конца, но все-таки обсохшую. – Но все-таки первое наше дело – держаться вместе. Держаться вместе или погибнуть по одному.

Само собой, а еще дело в клятве, в престоле и мести, которые ждут его в Гетланде, и чем дольше ждут, тем меньше шансов воплотить на них притязания.

– Мы пойдем на запад все вместе. – Ярви ухмыльнулся Ральфу и здоровой рукой потрепал его за плечо. – Я молил о помощи помоложе, но так и быть, приму то, что есть.

– Боги! – Ральф сжал виски ладонями. – Мы все об этом еще пожалеем.

– Тогда будущие сожаления встанут в один отряд с прошлыми. – Ничто всмотрелся во тьму, словно приметил вдали призрачное воинство разочарований и неудач. – У меня от них и так нет отбою.

Свобода

Сумаэль задавала бешеный темп, и остальные шли ее курсом, как и раньше гребли – без лишних вопросов. Их путь пролегал через безлюдный край черных скалистых сопок и белых снегов, где редкие чахлые деревца кривились под скорбными завываниями ветра, несущегося к морю.

– Сколько шагов отсюда до Ванстерланда? – окликнул вожатую Ральф.

Сумаэль сверилась с инструментами, шевеля губами в беззвучных подсчетах, присмотрелась к расплывчатому мазку Матери Солнца на стального цвета небе и, не ответив, двинулась дальше.

В цитадели Торлбю мало кто счел бы сокровищем затхлый кусок парусины, тем не менее сверток Ничто стал самым ценным их достоянием. Скрупулезно отмерив свои доли, словно пираты делили добычу, они поразрывали ткань на лоскуты и обмотались ими под одеждой, обернули стылые руки и головы, понабивали в сапоги. Оставшуюся половину материи нес Джойд – под ней беглецы, сбившись в кучу, провели ночь. Разумеется, внутри было не намного теплей, чем снаружи, в крошечной тьме, но все понимали: даже такая капля тепла заслуживает искренней благодарности.

Ибо эта капля и есть разница между жизнью и смертью.

Прокладывали путь по очереди: Джойд печатал шаг, не обронив и единого недовольного слова, Ральф костерил снег, словно давнего недруга, Анкран боролся с ветром, обхватив себя руками, Ничто – высоко подняв голову и крепко сжимая меч. Будто и себя воображал отлитым из стали, не подвластным ни жаре, ни холоду – даже когда плечи его трофейного кафтана, невзирая на молитвы Ярви, облепили снежинки.

– Зашибись, приплыли, – пробурчал в небо Ральф.

– Снегопад нам на руку, – возразил Анкран. – Заметет следы, прикроет от чужих глаз. Если повезет, бывшая хозяйка подумает, что мы так тут и замерзли.

– А не повезет – так и замерзнем, – пробубнил под нос Ярви.

– Да всем плевать, – заявил Ральф. – Головою двинутых нет – никто сюда за нами не сунется.

– Ха! – гаркнул Ничто. – Такой двинутой, как Шадикширрам, ничего другого и в голову не взбретет. – И перебросив тяжеленную цепь, как шарф, через плечо, он намертво обрубил разговор, словно давеча жизни стражников «Южного Ветра».

Ярви озабоченно оглянулся на пройденный путь: следы змеились, теряясь в серой метели. Он задался вопросом о том, как скоро Шадикширрам обнаружит гибель своего судна? Потом вопросом о том, что она станет делать, когда обнаружит? Потом сглотнул комок в горле и, раскидывая снег, потрусил за всеми, стараясь не отставать.

К полудню, когда Матерь Солнце стояла едва по плечо Джойду и вслед беглецам по белому полю спешили их длинные тени, они набрели на лощину и устроили небольшой отдых.

– Еда, – озвучила мысли каждого Сумаэль.

Никому не хотелось добровольно делиться. Все понимали – в этих краях пища дороже золота. И тут, к общему изумлению, Анкран залез под меховую накидку и извлек оттуда мешочек соленой рыбы.

И пожал плечами:

– Я эту рыбу терпеть не могу.

– Сперва морил нас голодом, теперь нас кормит, – отметил Ральф. – Все по справедливости. – Сам он припас несколько хлебцев, чья свежесть, если и была, то давно миновала. Сумаэль добавила от себя две черствые ковриги.

Ярви только развел пустыми руками и попытался улыбнуться:

– Нижайше взываю к вашей... э... щедрости?

Анкран тихонько потер свернутый нос.

– Меня твое унижение как-то не греет. А вы двое?

Джойд подернул плечами:

– Не было времени подготовиться.

– А я ножик принес, – сказал Ничто и подал меч.

И все усталились на скудную снедь на шестерых, недотягивающую вкупе до нормального обеда для одного.

– Пожалуй, стану-ка мамашей я, – произнесла Сумаэль.

Ярви сел, виляя хвостом, как отцовские псы, в ожидании корки, пока она отмеряла шесть устрашающе равных и жутко тоненьких ломтиков хлеба. Ральф проглотил свою долю в два укуса, а потом смотрел, как Анкран по сто раз пережевывает каждую крошку, зажмурившись от восторга.

– Это и вся наша еда?

Сумаэль скатала вожделенный сверток и, без разговоров, отправила его к себе под куртку.

– Я скучаю по Триггу, – горестно вымолвил Ральф.

Из Сумаэль бы вышла служительница что надо. Ее светлая голова не забыла прихватить с корабля две пустые бутылки Шадикширрам, и теперь они набили их снегом и попеременно несли под одеждой. Вскоре Ярви сообразил пить содержимое по глоточку, так как развязать штаны, чтобы помочиться на лютom холоде, оказалось воистину подвигом, который сопровождали хриплые поздравления, все более чистосердечные по мере того, как рано или поздно каждый подставлял жгучему ветру свое хозяйство.

Растянувшийся на целый мучительный месяц день подошел к концу, и с наступлением вечера небеса озарили звезды: сверкающие спирали и яркие шлейфы скоплений, плававшие как очи богов. Сумаэль на ходу показывала незнакомые созвездия, и для каждого у нее было имя: Храбрый Портной, Извилистая Тропа, Входящий-Со-Стуком, Пожиратель Снов. Девушка рассказывала и улыбалась, дыхание струилось во тьме, и прежде не слыханная радость в ее голосе заставила улыбнуться и Ярви.

– А сколько теперь осталось до Ванстерланда? – спросил он.

– Много. – Она оглянулась, изучая горизонт, и радость моментально сошла на нет. Девушка ускорила шаг.

Он, преодолевая себя, плелся следом.

– Я даже спасибо тебе не сказал.

– Скажешь потом, если мы не превратимся в пару замерзших трупов.

– Поскольку этого потом может и не быть... спасибо. Ты ведь могла позволить Триггу убить меня.

– Если бы задумалась хоть на миг, то так бы и сделала.

Ему ли на это сетовать? Ярви спросил себя, как поступил бы он, если бы это ее душил Тригг – и ответ ему совсем не понравился.

– Выходит, хорошо, что ты не стала долго думать.

Настала долгая тишина, только под сапогами похрустывал снег. Наконец, девушка насупленно посмотрела на него и тут же отвернулась обратно.

– По-моему, тоже.

На второй день они принялись шутить, чтобы поднять себе настроение.

– Ты опять начал зажимать наши припасы, Анкран! Куда жареного поросенка дел? – И все хохотали.

– Давайте наперегонки до Вульсарда! Кто последний пройдет в ворота, того продадим, чтобы нам хватило на эль! – И все хихикали.

– Надеюсь, Шадикширрам, когда нас догонит, притащит с собой вина. – И никто не улыбнулся.

После того как на рассвете – если можно было так назвать эту бесцветную мглу – третьего дня они выползли из своей жалкой как-бы-палатки, то все лишь недовольно бурчали.

– Не хочу, чтобы впереди меня шел этот старый растяпа, – скрежетал Ничто, после того как в третий раз наступил Ральфу на пятку.

– А мне не нравится, когда меч в руках полоумного маячит за моей спиной, – огрызнулся через плечо Ральф.

– А в спине тебе больше понравится?

– Сколько же вам лет, а до сих пор себя ведете как дети? – Ярви прибавил ходу и вклинился между ними. – Если мы перестанем помогать друг другу, всех нас убьет зима.

Впереди, чуть слышно, прошелестела Сумаэль:

– Скорее всего, она и так нас убьет.

Спорить Ярви не стал.

На четвертый день зимний туман накрыл белые земли подобно савану. Они шли молча. Лишь кто-нибудь неразборчиво буркнет, когда споткнется, да другой буркнет, когда поможет тому подняться, чтобы дальше идти в никуда. Шесть безмолвных фигурок плелись посреди великой пустыни, в бескрайней, ледяной пустоте. Каждый под тяжким гнетом невольничьего ошейника и еще более тяжелой цепи продирался сквозь стужу собственных бед. У всех была своя боль, свой голод и страх.

Первое время Ярви не переставал думать о тех, кто утонул вместе с судном. Сколько их там погибло? Он вспоминал, как крошились доски, как море хлынуло в трюм. И все для того, чтоб уцелеть самому? Видимо, ради этого рабы упирались изо всех сил, тянулись на цепях за последним глотком воздуха, прежде чем Матерь Море утащила их к себе, вниз, на дно.

Но ведь мать все время учила: *волнуйся не о том, что сделано, а о том, что делать дальше.*

Уже ничего не изменишь – и его терзания о былом, равно как и тревога о будущем, начали гаснуть, оставляя лишь подленькие воспоминания о еде. О четырех дюжинах печеных свиней к визиту Верховного короля – куда столько всего-то ради низенького седовласого человечка да его служительницы с каменным взглядом? О пире в честь прохождения братом испытания воина – тогда Ярви только поковырял в тарелке, зная, что сам никогда не пройдет ничего подобного. О песчаном берегу перед отплытием в его роковой набег – люди крутили мясо на вертелах над сотней костров, понимая, что, быть может, обедают в последний раз: жар осязаем, как ладонь на твоём лице, повсюду в свете пламени голодные ухмылки, шкворчит жир и обугливается корочка...

– Свобода! – проревел Ральф, раскидывая руки в стороны, чтобы обхватить весь бесконечный простор белого безлюдья. – Свобода где любо, там и закоченеть! Свобода где в радость, там и сдохнуть от голода! Свобода идти куда хошь, покуда не свалишься!

Он быстро умолк на колючем, разреженном воздухе.

– Закончил? – спросил Ничто.

Ральф безвольно уронил руки.

– Да. – И они поплелись дальше.

Нет, не мысли о матери гнали Ярви вперед, когда он загребал снег шаг за трясущимся шагом, переход за мучительным переходом, падение за промораживающим падением, упрямо, след в след за другими. Не мысли о нареченной невесте, и не о погибшем отце, и даже не о родном табурете у очага матери Гундринг. Его держала всего одна мысль: об Одеме – том, кто с улыбкой клал Ярви на плечо свою руку. Об Одеме – том, кто пообещал стать его соплежником.

Об Одеме – том, кто тихо, словно весенний дождик, задал вопрос: неужели государем Гетланда станет калека?

– Э, нет... – отплеывался Ярви от снега растресканными губами. – Нет уж... дудки... нет уж... дудки.

С каждой пыткой нового шага Гетланд становился чуточку ближе.

Пятый день оказался ясен и искрился острыми гранями льда, оком слепил прозрачной голубизной, и Ярви казалось, что впереди видно все, почти до самого моря, черно-белой ленты на дальнем краю черной и белой земли.

– Неплохо мы отмахали, – сказал он. – Надо признать.

Сумаэль, прикрывая глаза от солнца, пока хмуро вглядывалась на запад, ничего признавать не стала.

– Нам везло с доброй погодой.

– Что-то я не ощущаю везенья, – пробормотал Ральф, обхватывая себя руками. – Ты чувствуешь, Джойд, как тебе повезло?

– Я чувствую, как мне холодно, – сказал Джойд, растирая красные кончики ушей.

Сумаэль покачала головой, глядя на небо, которое, если не считать маленького темного подтека далеко к северу, выглядело необычайно чистым.

– Не то ближе к ночи, не то завтра, но вы поймете, что значит недобрая погода. Надвигается буря.

Ральф всмотрелся ввысь.

– Ты уверена?

– Как надо храпеть, я тебя не учу. А ты не учи меня, как отряд вести.

Ральф зыркнул на Ярви и пожал плечами. Но к вечеру оказалось, что она, как обычно, права. Подтек на небе разросся, расплзся и приобрел зловещий оттенок черноты.

– Боги злятся, – тихо проговорил Ничто, с опаской поднимая глаза.

– А когда они не злились? – ответил Ярви.

Снег повалил гигантскими хлопьями, метель за клубилась сплошной завесой. Порывисто взвизгивал ветер. Колошматя, как дубьем, сразу со всех направлений, он отпихивал беглецов то влево, то вправо. Ярви упал и когда вскарабкался на ноги, не увидел и следа остальных. В панике он бросился вперед сломя голову и с размаху влетел прямо в спину Джойда.

– Нам надо выбраться из метели! – заверещал он, едва ли слыша себя за воем ветра.

– Кто бы спорил! – проревел в ответ Джойд.

– Нужно найти глубокий снег!

– Снег ему нужен! – проорал Анкран.

Они добарахтались по сугробам до впадины узкого оврага. Это был наилучший уклон, на который мог рассчитывать Ярви в такой бесноватой пурге, когда от спутников остались только бледные призраки. Как кролик, он принялся рыть, выбрасывая снег между ног, во все нелегкие пробивая нору вглубь, пока не прокопал на длину тела, а потом начал буравить вишь. Руки горели от холода внутри парусиновых обмоток, от усилий сводило мышцы, но он не давал себе спуску. Он надрывался, будто от рытья зависела его жизнь.

Так оно и было.

Сумаэль червяком проползла вслед за ним. Рыча сквозь зубы, она орудовала тесаком, как лопатой. Поначалу вдвоем они выкопали нишу, потом полость, а потом – крошечную камору. Сзади притиснулся Анкран, в дыру на месте его передних зубов набивался снег, и он выталкивал его языком. Следующим в холодный сумрак погрузился Ральф, затем в ширящейся пещере раздвинул могучие плечи Джойд, и, наконец, Ничто просунул голову внутрь.

– Впритык, – отметил он.

– Расчищайте вход, – пролепетал Ярви, – не то за ночь нас похоронит. – И он съежился у стены утрамбованного снега, размотал мокрые тряпки и стал дуть на опухшие руки. У него и так мало пальцев, нельзя терять ни один из оставшихся.

– Где ты этому научился? – полюбопытствовала Сумаэль, присаживаясь рядом.

– Отец меня научил.

– Похоже, он наши жизни спас.

– Непременно поблаговари его, когда снова увидишь. – Анкран пошевелил плечами, втискиваясь поудобнее. Все набились вплотную друг к другу – но с ними это не впервой. Здесь, на просторах северных пустошей, не было места ни неприязни, ни гордыне, ни розни.

Ярви прикрыл глаза и представил отца, бледного и холодного на каменной плите.

– Отец умер.

– Жалко, – пробасил Джойд.

– Спасибо, что хоть тебе жаль.

Ярви расслабленно откинул руку и не сразу понял, что та упала поверх руки Сумаэль. У него не возникло неприятных ощущений от ее твердых пальцев, лишь тепло, там, где ее кожа соприкасалась с его. Он не двинул ладонью. Не убрала свою и она.

Медленно он сомкнул пальцы на ее кисти.

Надолго воцарилась тишь. Снаружи снежного укрытия приглушенно печалился ветер, и внутри себя Ярви слышал каждый размеренный вдох.

– Вот. – Он почувствовал на лице дуновение этого слова, почувствовал, как Сумаэль берет его за запястье. Но отряхнув с глаз дремоту, не разобрал в темноте выражения ее лица.

Она перевернула его кисть и что-то вложила в ладонь. Черствый, заветренный, недораставший и вместе с тем мокрый – но это был хлеб, и, боги, как он был рад этому хлебу!

И они сидели, прижимаясь друг к другу, кое-как перебиваясь своей долей, и вроде бы удовлетворенно, по крайней мере – с облегчением, жевали, а потом, один за другим, глотали и затихали, и Ярви гадал в тишине, наберется ли он храбрости снова взять Сумаэль за руку.

А потом услышал ее голос:

– Это последняя еда.

И снова воцарилась тишина, но в этот раз куда менее уютная.

Ральф сонно пробормотал в темноте:

– Сколько еще до Ванстерланда?

Никто ему не ответил.

Лучшие бойцы

– Гетландцы лучше всех, – одышливо скрипел Ничто. – Они дерутся все как один. Каждого закрывает щит соплечника.

– Гетланцы? Ха-ха! – Ральф храпел паром из ноздрей, пока вслед за Сумаэль взбирался на пригорок. – Как долбаное стадо овец – их гонят на убой, а они все блеют! А ежели соплечник упадет – все, конец? В тровенландцах – вот в ком горит огонь!

Целый день они так вот и спорили. Что лучше – меч или лук? Южнее или нет Хеменхольм острова Гренмер? Крашенная ли древесина или пропитанная маслом боле по нраву Матери Морю и к какому, стало быть, судну та окажется благосклоннее? Ярви не представлял, откуда у них берется дыхание. Ему самому его едва ли хватало.

– В тровенландцах? – проскрипел Ничто. – Ха-ха! А когда огонь весь выгорит – конец? – Сперва они пытались излагать свои точки зрения рассудительно, потом отстаивали их, все меньше считаясь с чужим мнением, и в итоге доходили до соревнования – кто кого передолдонит насмешками. По мнению Ярви, ни один не уступил ни пяди с тех самых пор, как затонул «Южный Ветер».

Третьего дня кончилась пища, и голодная пустота внутри Ярви пожрала уже все его надежды. Когда этим утром он размотал парусину с ладоней, то не узнал их: кисти рук одновременно и высохли, и опухли. Кончики пальцев выглядели как восковые, их сводило от прикосновения, внутри кололо точно иголками.

Впали щеки даже у Джойда. Анкран прихрамывал и безуспешно пытался скрыть свою хромоту. Ральф начал дышать с присвистом, от которого Ярви не переставало коробить. Раскинутые брови Ничто покрыл иней. Располоסованные губы Сумаэль становились все тоньше, бледней и все крепче сжаты, стоило путникам проташиться очередную милю.

И гул препирательств этих двух обреченных соперников навевал на Ярви мысль лишь об одном состязании: кто из них умрет первым?

– Гетландцы знакомы с дисциплиной не понаслышке, – гудел Ничто. – Гетландцы – это...

– Да какому дурню конченому не пофиг кто? – рявкнул Ярви, обойдя обоих стариков. Не на шутку рассвирепев, он ткнул им в хари своим обрубок. – Люди – как люди, везде и всюду. Лучше, хуже – кому как повезет! А теперь поберегите дыхание, надо идти! – И он засунул руки обратно в подмышки и, преодолевая себя, двинулся в гору.

– И поваренок он, и мыслитель, – просипел сзади Ральф.

– Понять только не могу, от которого ремесла тут меньше проку, – бормотнул Ничто. – Надо было дать Триггу его прикончить. Естественно, гетландцы...

Достигнув края холма, он замер. Все замерли. Перед ними раскинулся лес. Лес тянулся во всех направлениях, исчезая вдалеке за серой пеленой снегопада.

– Деревья? – прошептала Сумаэль, не отваживаясь поверить глазам.

– Деревья означают еду, – сказал Ярви.

– Деревья означают тепло, – сказал Анкран.

И, врасплох для самих себя, все как один с улюлюканьем кинулись вниз по склону, резвясь, точно дети, которым отменили на сегодня повседневные труды. Ярви упал, кувыркнулся, взбивая снежные струи, и вновь приземлился на ноги.

Беглецы неслись, бойко барахтаясь в снегу – сперва между невысоких, сглаженных сопок, а потом среди стволов могучих пихт, таких толстых, что иные Ярви не смог бы обхватить руками. Пихты высились колоннами некоего святого храма, где люди казались незваными возмутителями спокойствия.

Люди эти уже не мчались – потихоньку переваливались с оглядкой, а потом и вовсе побрели, загребая снег. Редкие, ободранные ветви не роняли плодов. На меч Ничто не напа-

рывалась косуля. Найденный валежник оказывался сырым гнильем. Обманчивую под снегом поверхность земли покрывал слой годами прелых иголок, повсюду торчали узловатые корни.

Смех угас, среди деревьев воцарилась мертвая тишина – гнетущее безмолвие не прорезал даже птичий щебет.

– Боги, – шепнул Анкран. – Здесь ничуть не лучше, чем там.

Ярви дошаркал до ствола пихты и дрожащей рукой отломил выросший гриб.

– Нашел чего-нибудь? – спросил Джойд, чуть не попискивая от надежды.

– Не-а. – Ярви отбросил трутовик. – Эти – несъедобные.

Оседая вместе со снегом, с небес повалило отчаяние – и ложилось Ярви на плечи куда тяжелее прежнего.

– Огонь – вот что нам нужно, – сказал он, пытаясь спасти последний проблеск силы духа. Огонь согреет их и поднимет настрой, сплотит и даст продержаться на ходу чуточку дольше. Задумываясь, куда они в итоге придут, Ярви себе позволить не мог. Один раз – один взмах, как постоянно внушал ему Джойд.

– Для костра нам не обойтись без сухого дерева, – произнес Анкран. – Может, поваренок подскажет, где его раздобыть?

– В Торлбю я б тебе показал, где оно продается, – огрызнулся Ярви. На самом деле – не показал бы. Для этого всегда имелись рабы.

– Чем выше, тем должно быть суше. – Сумаэль перешла на рысь, и Ярви потащился за ней. Соскользнув под горку, он выбрался к краю белоснежной, чистой от деревьев прогалины, с откосом на той стороне. – Может быть, там, наверху...

Она припустила дальше, выбежала из-за деревьев на этот шрам на лесной чаще, и Ярви двинулся по ее легкому следу. Боги, как он устал! Ног под собой не чувствовал. Что-то странное творилось со здешней почвой – плоской и твердой под тонким покрывалом снега с черными заплатами то тут то там. Когда Сумаэль сделала следующий шаг, что-то негромко и непривычно хрустнуло.

Она застыла, обеспокоенно уставившись под ноги.

– Стой! – позади на пригорок выбежал Ничто, одной рукой хватаясь за дерево, другой – за меч. – Это река!

Ярви посмотрел вниз, и от ужаса вздыбились все волосы на его теле.

Лед загудел, защелкал, заходил под башмаками. Сумаэль повернулась, и река протяжно застонала, а ее глаза, моргая, обратились к нему. Их отделяет всего-навсего хороший шаг, может, два. Ярви сглотнул, не отваживаясь вдохнуть полной грудью, и протянул к ней руку.

И прошептал:

– Ступай потихоньку.

Она сделала шаг, и, не успев даже вскрикнуть, исчезла подо льдом.

Сперва он замер на месте.

Потом его сотрясла судорога, словно тело само решило рвануться за ней.

Взвыв, он остановил свой порыв, и припав на четвереньки, подполз туда, где она провалилась. В черной полынье плавали осколки льда, и никакого признака девушки. Он обернулся через плечо: в буране снежных хлопьев Джойд скакал по камням вдоль берега.

– Стой! – взвизгнул Ярви. – Тебя не удержит!

Что-то сдвинулось, промелькнуло под ледяной коркой, так ему показалось, и он подтянулся на руках, пропахивая лицом снег, расчищая порошу – но, кроме черноты, ничего не увидел, только пара пузырей скользнула подо льдом.

С берега на реку выскочил ошалелый Анкран, проехался, раскинув руки, и остановился, когда под ним загудела скованная морозом поверхность. Ниже по течению взбивал ногами снег Ничто, устремляясь к голой мозолине льда, сквозь которую торчали острые камни.

Надо всем нависла цепенящая тишина.

– Где она? – прокричал Ярви. Ральф лишь таращился с откоса, беспомощно шевеля губами.

На сколько возможно задержать дыхание? Никак не на такое время, это точно.

На его глазах Ничто отошел на пару шагов от берега и высоко поднял меч, острием вниз.

– Ты спятил? – взвизгнул Ярви, не понимая, в чем дело.

Разумеется, так оно и было.

Меч устремился вниз, вверх взметнулись брызги, Ничто упал на лед, его свободная рука метнулась в воду.

– Есть! – И он выдернул из реки Сумаэль – та повисла, как тряпка в струйках замерзающей воды, – и волоком подтащил к берегу, где ждали Джойд с Ральфом.

– Дышит? – проорал Ярви, ползя на четвереньках из боязни уйти под лед самому.

– Как понять? – Джойд, на коленях, склонился над ней.

– Щеку ей ко рту прислони!

– Вроде бы нет!

– Ноги ей задерите! – Ярви выкарабкался на берег и, перебирая свинцовыми коленями, помчался вдоль замерзшей реки.

– Что?

– Вверх ногами ее переверните!

Джойд оцепенело поднял ее за лодыжки, голова девушки болталась в снегу. Подскочил Ярви, просунул ей в рот два пальца и начал водить ими вверх-вниз и по кругу, стараясь пропихнуть их как можно глубже в глотку.

– Ну давай! – он рычал, роняя слюну, упирался и тянулся как мог. – Ну!

Один раз он видел, как мать Гундринг делала то же самое – мальчишке, упавшему в запруды у мельницы.

Тот мальчишка не выжил.

Сумаэль не шевелилась. Холодная и бескровная, уже будто труп, и Ярви неистово шипел сквозь стиснутые зубы все без разбора молитвы, сам уже не зная кому.

Он почувствовал ладонь Ничто на своем плече.

– Любого из нас ждет Смерть.

Ярви стряхнул его руку и давил, наваливаясь сильнее.

– Давай же, ну!

И вдруг, сразу и без перехода – так просыпаются дети – Сумаэль дернулась и кхекнула, изливая воду, потом сипло втянула в себя полвдоха и выкашляла воду опять.

– Боги! – Ошарашенный Ральф сделал шаг назад.

Ярви был изумлен не меньше его и уж точно никогда раньше не был настолько рад пригоршне холодной рвоты в ладони.

– Отпускать меня собираетесь? – прохрипела Сумаэль, ее глаза закатывались вбок. Джойд выпустил ноги девушки, и та скорчилась в снегу, оттягивая ошейник, кашляла и отплевывалась – и ее начала колотить жестокая дрожь.

Ральф глазел, рот раскрыв, будто стал свидетелем чуда.

– Ты – просто чародей!

– Служитель, – проорчал Анкран.

Ярви не желал, чтобы все ковырялись в его ранах.

– Ее нужно согреть.

Они мучились, пытаясь высечь огонь небольшим кресалом Анкрана, рвали с деревьев мох на трут, но все вокруг было влажным, и несколько искр так и не занялись. Каждый по очереди пробовал брать за кремень, а Сумаэль смотрела горящими, как при лихорадке, глазами и дрожала все сильнее, пока не стало слышно, как хлопает ее одежда.

Джойд, который некогда каждое утро растапливал печи в пекарне, ничего поделывать не смог, ничего не смог и Ральф, который разводил костры на всех побережьях моря Осколков в ливень и шквал, и даже Ярви предпринял заранее обреченную попытку, стискивая кресало бесполезным обрубком, пока не изранил все пальцы под шепот молитвы Анкрана Тому, Кто Возжигает Пламя. Но боги на сегодня покончили с чудесами.

– Может, выкопаем укрытие? – Джойд покачнулся на корточках. – Как в тот раз, в метель?

– Снега не хватит, – ответил Ярви.

– Тогда сложим из веток?

– Снега чересчур много.

– Идем дальше, – Сумаэль неожиданно оказалась на ногах, ее шатало, за спиной шлепнулся в снег кафтан Ральфа – слишком большой для нее.

– Очень тут жарко, – произнесла она, разматывая парусину на ладонях, ткань заколыхалась на ветру. Она рванула на себе ворот сорочки и потянула цепь на шее:

– Платок слишком тугой. – Она ступила вперед: один заплетающийся шаг, другой – и рухнула плашмя, лицом прямо о наледь.

– Идем дальше, – прошамкала она в снег.

Джойд бережно перевернул ее, поставил прямо и обхватил одной рукой.

– Отец тебя ждать долго не будет, – зашептала она, от синих губ поднялась тоненькая струйка пара.

– У нее голова застужена. – Ярви приложил руку к ее дряблой, неживой коже и почувствовал, как руку трясет. Он откачал Сумаэль, но без огня, без пищи зима все равно заберет ее за Последнюю дверь, и этой мысли, он понял, ему не выдержать. Что они без нее будут делать?

Что без нее будет делать он?

– Делай же хоть что-нибудь! – по-змеиному зашипел Ральф, хватая Ярви за руку.

Что же? Ярви прикусил лопнувшую губу и устоял в лес, словно среди голых стволов мог показаться ответ.

На все найдется свой способ.

Он недоверчиво прищурился, затем оттолкнул Ральфа и поспешил к ближайшему дереву, стягивая обмотки со здоровой руки. Он сорвал с коры какой-то рыже-бурый клочок, и истлевшие угли надежды вновь засверкали искрами.

– Шерсть, – пролепетал Анкран, поднимая еще клочок. – Здесь проходили овцы.

Ральф вырвал комок у него из пальцев.

– Куда их гнали?

– На юг, – заявил Ярви.

– Откуда ты знаешь?

– Мох растет с подветренной, западной стороны деревьев.

– Овцы означают тепло, – сказал Ральф.

– Овцы означают еду, – сказал Джойд.

Ярви ничего не сказал. Овцы означают людей, а люди могут быть настроены по-разному. Но чтобы оценить выбор, нужно, чтобы было из чего выбирать.

– Я останусь с ней, – объявил Анкран. – Если получится, приведите подмогу.

– Нет, – отозвался Джойд. – Мы идем вместе. Теперь мы все – одновесельники.

– Ее кто понесет?

Джойд пожал плечами:

– Раз надо таскать мешки – не хнычь, а начинай перетаскивать. – И он просунул руки под Сумаэль и, поднимая ее, скорчил гримасу. Лишь самую малость запнулся, а потом при-
ткнул подергивающееся лицо девушки к своему плечу, и без лишних слов, с высоко поднятой головой, тронулся в путь на юг. Сейчас она – невелика тяжесть, но голодному, промерзшему и усталому – такому как Ярви – это казалось невероятным подвигом.

– Я пожил на свете. – Ральф оторопело пялился на спину Джойда. – Но такой замечательной картины отродясь не видал.

– Я тоже. – Ярви встал на ноги и споро посеменял следом. Как теперь у него хватит совести жаловаться, колебаться и медлить, когда прямо перед ним такой пример силы и стойкости? Как на это хватит совести у любого из них?

Доброта

Они сбились в кучу в промозглом подлеске и глядели на хутор.

Одна постройка была каменной и до того древней, что просела глубоко в землю. Над занесенной сугробами крышей вился тонкий гребешок дыма. У Ярви наполнился слюной рот и поползли мурашки, когда воспоминания о тепле и ужине проступили из тумана. Другая постройка, хлев, откуда нечасто и приглушенно блеяли овцы, была, кажется, перевернутым корабельным остовом, хотя как его затащили так далеко в глубь суши, нельзя было и представить. Остальные, сараи из нетесаных бревен, почти целиком скрылись под навалами сугробов, а промежутки меж ними перекрывала изгородь с заостренными кольями.

У самого входа, возле лунки во льду сидел закутанный в мех маленький мальчик, подперев парой палок свою удочку. Время от времени он шумно сморкался.

– Мне не по себе, – шепнул Джойд. – Сколько их там? Мы ничего не знаем о них.

– Зато знаем одно: они люди, а людям верить нельзя, – добавил Ничто.

– Мы знаем, что у них есть одежда, еда и пристанище. – Ярви посмотрел на Сумаэль, сгорбившуюся под всем тряпьем, каким они могли поделиться – довольно немногим. У нее стучали зубы – так сильно ее трясло, губы иссиня-серые, как сланец, веки то поникнут, сомкнутся, то распахнутся и снова поникнут. – У них есть то, без чего нам не выжить.

– Значит, все просто. – Ничто разматал ткань с рукояти меча. – Последнее слово за сталью.

Ярви выкатил на него глаза.

– Ты убьешь этого мальчишку?

Ральф неуютно поерзал плечами. Ничто своими только пожал.

– Если встает вопрос – его смерть или наша, тогда да, я убью и его, и любого, кто там попадется. И пополню ими ряды своих сожалений. – Он приподнялся, но Ярви ухватил мечника за драную рубаху и притянул обратно. И обнаружил, что смотрит в его суровые, бесстрастные, серые глаза. В упор те ничуть не казались менее сумасшедшими. Совсем наоборот.

– То же относится и к тебе, поваренок, – прошептал Ничто.

Ярви сглотнул, но не отвел взгляд и руку не разжал. На «Южном Ветре» Сумаэль рисковала ради него жизнью. Время расплачиваться. Вдобавок он уже устал быть трусом.

– Сперва попробуем поговорить. – Он встал, пытаясь придать себе облик, менее схожий с жалким оборвышем в беспросветном отчаянии – и у него ничего не вышло.

– Как только они тебя кончат, – поинтересовался Ничто, – слово будет за сталью?

Ярви выдавил пар вместе со вздохом.

– Пожалуй. – И поплелся вниз, навстречу строениям.

Кругом все тихо. Ни одной живой души, кроме этого мальчика. Ярви остановился, не дойдя до него дюжины шагов.

– Эй.

Парнишка подскочил, сбивая удочку. Спотыкаясь, отпрыгнул и чуть не упал, а потом побежал к дому. Ярви оставалось лишь ждать и трястись от холода. От холода, и страха перед тем, что будет дальше. Народ, живущий в таком жестоком краю, избытком доброты наверняка не страдает.

Те высыпали из каменного дома, словно пчелы из разрушенного улья. Он насчитал семей: все закутаны в теплые шубы, и каждый с копьем. У троих, взамен металлических, наколечники из камня, но и эти целят решительно и непреклонно. Без единого звука его проворно обступили полукругом, наставив копья.

Ничего не поделать. Ярви лишь поднял руки, скинув обмотки из замызганной парусины, молча взмолился Отче Миру и сдавленно каркнул:

– Помогите мне.

Фигура посередине воткнула древко копья в снег и медленно подошла к Ярви. Откинула капюшон, явив копну соломенно-серых волос и лицо в глубоких морщинах от бесконечных невзгод и ненастий. С минуту она рассматривала гостя.

А потом ступила вперед и, прежде чем Ярви в страхе успел отдернуться, раскинула руки и крепко его обняла.

– Я – Шидуала, – сказала она на языке моря. – Ты один?

– Нет, – прошептал он, борясь со слезой облегчения. – Со мной мои одновесельники...

В доме у них было тесно, низко и не продохнуть от пота и запаха дыма. И это был настоящий дворец. Из почерневшего деревянного котелка, отшлифованного за годы использования, накладывали жирную тушеную баранину с корешками. Ярви хватал кусочки пальцами – еды чудесней он не пробовал никогда. Вдоль кривых стен шли лавки, по одну сторону от шкворчащего очага сидели Ярви и его друзья, а по другую – хозяева: Шидуала, четверо мужчин – он посчитал их ее сыновьями, и мальчишка с проруби, который пялился во все глаза на Сумаэль и Джойда, словно те – эльфы и вышли прямо из древних сказаний.

В его прошлом, в Торлбю, эти люди жили бы за пределами нищеты. Сейчас же изба ломилась от роскоши. На стенах висели деревянные и костяные орудия, хитроумные и замысловатые приспособления для охоты, рыбной ловли, рытья укрытий и добычи пропитания во льдах. Шкуры волков, медведей, тюленей и козлов лежали повсюду. Один из хозяев, мужик с густой бурой бородой, поковырял в котелке и вручил Джойду миску добавки, на что здоровяк ответил благодарным кивком и тут же принялся уплетать, прикрыв глаза от восторга.

Анкран наклонился к нему:

– По-моему, мы съели весь их ужин.

Джойд застыл, не вынув изо рта пальцы, а бородатый мужик рассмеялся и, свесившись через очаг, хлопнул его по плечу.

– Простите, – сказал Ярви, отодвигая миску.

– По-моему, вы голодней, чем мы, – произнесла Шидуала. На языке моря они говорили немного странно. – И идете на диво окольным путем.

– Мы направляемся в Вульгард из земель племени баньи, – ответил Анкран.

Женщина обдумала его слова.

– Тогда ваш путь на диво прям, хотя и крайне необычен.

Ярви был с нею согласен.

– Знай мы наперед о том, как он труден, выбрали бы другую дорогу.

– Так и случается, когда выбирать уже поздно.

– А теперь нам остается только идти до конца.

– Так и случается, когда выбирать уже поздно.

Ничто придвинулся к Ярви и зашептал своим хриплым, стертым в песок голосом:

– Не верю я им.

– Он хочет поблагодарить вас за гостеприимство, – поспешно озвучил Ярви.

– Мы все благодарим вас, – сказал Анкран. – И богов вашего жилища.

Ярви смахнул золу со вставленного в очаг молитвенного камня:

– И Ту, Что Выдыхает Метель.

– Хорошо речено и хорошо принято. – Шидуала прищурилась. – Там, откуда ты родом, она – одна из малых богов?

Ярви кивнул.

– Но у вас она – среди высоких?

– Как и многое другое, боги кажутся больше с близкого расстояния. Здесь Та, Что Выдыхает Метель, извечный наш спутник.

– Поутру мы воздадим ей первую молитву, – сказал Анкран.

– Разумно, – сказала Шидуала.

– А вторую – вам, – сказал Ярви. – Вы спасли нам жизнь.

– Здесь все живое обязано стоять друг за друга. – Она улыбнулась, и бороздки на ее лице напомнили Ярви мать Гундринг, и на миг он затосковал по дому. – Любому из нас хватает и одного врага – зимы.

– Мы понимаем. – Ярви поглядел на Сумаэль – ее приткнули поближе к огню. Закрыв глаза, девушка покачивалась под одеялом. На ее лицо вернулись почти все прежние краски.

– Можете перезимовать вместе с нами, до наступления тепла.

– Я не могу, – хрипло произнес Анкран, на его лице набухли желваки. – Я должен попасть к семье.

– А я – к своей, – добавил Ярви, пусть его и подгоняла нужда не спасти, а убить своих родичей. – Мы продолжим путь. Правда, у вас есть много вещей, без которых нам будет худо...

Шидуала оценила их печальный расклад и заинтересованно приподняла брови.

– Есть, есть. Можем с радостью их обменять.

При слове «обменять» ее сыновья заулыбались и согласно кивнули.

Ярви бросил взгляд на Анкрана, и тот развел пустыми руками:

– Нам нечего дать взамен.

– Вон там у вас меч.

Ничто насутился мрачнее прежнего, приобнял оружие и чуточку приблизил к себе. Ярви до боли ясно сознавал, что еще несколько минут назад тот с радостью убил бы всех этих людей.

– Он не расстанется с ним, – сказал Ярви.

– Есть еще одна штука – и будь она наша, я бы ей попользовался всласть. – Мужик с бурой бородой с другой стороны огня пристально уставился на Сумаэль.

Джойд оцепенел, Ральф зарычал от негодования, а когда заговорил Анкран, его голос кромсал, как секира:

– Мы не продаем своих. Ни за какую цену.

Шидуала рассмеялась.

– Вы не так поняли. У нас почти нет металла. – Она обогнула очаг, выгибая бедра, коснулась сверкавшего сталью ошейника Сумаэль и вытянула из-под ворота кусок ее изящной цепи. – Вот что мы хотели бы взять.

Ярви почувствовал, как на лице расплывается улыбка. Давненько она там не появлялась, и расставаться с ней не хотелось.

– В таком случае... – Он размотал платок из истрепанной парусины и выудил собственную цепь, потяжелее. – Может быть, заберете и эту?

Глаза бородатого загорелись, когда он взвесил цепь в руке, а потом у него отвалилась челюсть: Ничто настез рванул свой воротник.

– Вот, как-то так, – произнес он, вытягивая наружу громадные звенья.

И вот теперь уже улыбались все. Ярви подсел поближе к огню и потер ладони, как это делала мать.

– Ну а сейчас – давайте меняться.

Ничто прошептал ему на ухо:

– Я ж тебе говорил – последнее слово будет за сталью!

Хрустнув напоследок, отвалилась проржавелая заклепка, и ошейник Ничто распахнулся.

– Этот упрямый попался, – отметил бородатый, глядя на подпорченное зубило.

С некоторой запинкой Ничто привстал с колоды, дотронулся дрожащей ладонью до шеи – ее огибал мозолистый след, там, где железо много лет натирало кожу.

– Двадцать лет я носил этот ошейник, – тихо вымолвил он, и на глазах заблестели слезы.

Ральф похлопал его по плечу.

– Свой я носил только три, а все равно без него стал легким, как ветер. Тебе-то, небось, вообще мнится, что сейчас ты полетишь вдаль.

– Да, – прошептал Ничто. – Полечу.

Ярви рассеянно ковырял застарелые ожоги там, где прежде сидел его собственный ошейник, и наблюдал, как Анкран складывает вещи, за которые они уплатили оковами. Удочку и приманку. Лопату, сделанную из лопатки могучего лося. Бронзовый нож, по виду – эпохи, последовавшей за Сокрушением Божиим. Девять стрел для Ральфова лука. Деревянную миску. Сухой мох для растопки. Свитую из шерсти веревку. Овечий сыр, баранину и сушеную рыбу. меховые одежды, наволочки из грубо тканного полотна и невыделанную шерсть для набивки. Кожаные мешки, чтобы все туда запихнуть. И даже дровни – чтобы было на чем тянуть это добро.

В прежние дни эти вещи считались бы жалким хламом, сплошной нищенской рухлядью. Теперь они представляли горою сокровищ.

Сумаэль под самый подбородок завернули в толстую белую шубу. Она прикрыла глаза, на лице проступала редкая для нее довольная улыбка, сквозь рассеченную губу просвечивал белый зуб.

– Ну как, получше? – спросил ее Джойд.

– Мне тепло, – прошептала она, не размыкая глаз. – Если я сплю, не буди, ладно?

Шидуала бросила раскрытый ошейник Ничто в бочонок, куда уже сложили прочие цепи.

– Если примете совет...

– Непременно, – отозвался Анкран.

– Идите к северо-западу. Через два дня вы попадете в страну, где из-под земли пышет жаром огонь. По краю тех земель бегут теплые ручьи – они изобилуют рыбой.

– Мне рассказывали об этой стране, – проговорил Ярви, вспоминая плывущий над очагом голос матери Гундринг.

– К северо-западу, – подтвердил Анкран.

Шидуала кивнула.

– И пусть вам сопутствуют боги. – Она повернулась, чтобы уйти, но тут Ничто неожиданно упал на колени, взял ее руку и прижался к ней растрескавшимися губами.

– Вашей доброты я никогда не забуду, – сказал он, утирая слезы.

– Никто из нас ее не забудет, – сказал Ярви.

С улыбкой она помогла Ничто подняться и потрепала его по щеке.

– И другой мне награды не надо.

Правда

Ральф с огромной ухмылкой выскользнул из-за деревьев. На одно плечо он повесил лук, с другого свисал убитый олень. Чтобы его умение обращаться с луком ни у кого не вызвало сомнений, он не стал вытаскивать стрелу из сердца животного.

Сумаэль удивленно приподняла бровь.

– Так от тебя, выходит, есть прок, помимо милой мордашки?

Тот подмигнул в ответ:

– Коли ты лучник, со стрелами дела идут совсем по-другому.

– Освежешь сам, поваренок, или мне? – Анкран с ехидцей на перекошенных губах протягивал нож. Будто бы знал, что Ярви не согласится. Да, он не дурак. Когда Ярви вытаскивали на охоту, его рука не позволяла ему держать копье или натягивать лук, а когда добычу забивали, его тошнило. В те несколько раз отец пылал гневом, брат сыпал насмешками и даже их люди едва ли утруждались скрывать презрение.

В общем-то, как и в другие дни его детства.

– В этот раз можешь освежать сам, – заявил Ярви. – Я тебе подскажу, если начнешь поргачить.

После еды Джойд протянул босые ноги к огню и принялся втирать жир между толстых пальцев. Ральф выбросил последнюю косточку и обтер сальные руки о свой овчинный тулуп.

– Да, с солюшкой было б совсем по-другому.

Сумаэль покачала головой.

– У тебя вообще в жизни было что-нибудь такое, на что ты ни разу не жаловался?

– Коль никак не найдешь на что жаловаться, значит, ты плохо ищешь. – Ральф откинулся, подперся локтем и, улыбаясь в темноту, почесывал буйно разросшуюся бороду. – Правда, вот женкой своей я всегда был доволен. Так-то, решил, на весле проклятом и сдохну. Но раз покамест тень еще отбрасываю, надумалось мне снова ее повидать. Хоть сказать ей – здравствуй. Хоть знать, что жива.

– Если есть у нее хоть капля разума, она продолжит жить дальше, – проговорила Сумаэль. – Ей досталась в удел немалая доля. Слишком большая, чтобы растрачивать жизнь, глядя в окошко.

Ральф шмыгнул носом и харкнул в огонь.

– А мужиков получше меня сыскать не так уж и трудно.

– С этим мы все согласны. – Ничто сидел вплотную к огню, повернувшись к остальным прямою спиной, и начищал тряпицей обнаженный клинок у себя на коленях.

Ральф лишь свысока улыбнулся.

– А ты-то как, а, Ничто? Ты годами скоблил палубу, а теперь остаток лет будешь скоблить этот свой меч? Что будешь делать ты, когда мы доберемся до Вульсгарда?

До Ярви дошло, что с тех самых пор, как «Южный Ветер» поглотили волны, кто-то из них в первый раз заговорил о том, что будет после. Только сейчас, впервые, им показалось, что это «после» и в самом деле наступит.

– Мне надо свести кое с кем счеты. И вот тебе и вот: двадцать лет, а они свежи – все никак не засохнут. – Ничто вновь принялся неистово тереть меч. – Того и жди – прольются кровавым дождем.

– Все, что не снег, – погоду улучшит, – заметил Джойд. – А я поищу проезд на юг, к себе в Каталию. Моя деревня зовется Нэйджит, и там, в колодце, самая вкусная вода на свете.

Он сложил руки на животе и улыбнулся так, как обычно улыбался, вспоминая родные места.

– И я снова вволю оттуда напьюсь.

– Пожалуй, и я отправлюсь с тобой, – промолвила Сумаэль. – Мне почти по пути.

– По пути куда? – решился спросить Ярви. Хотя они не один месяц спали, почитай, бок о бок, он не узнал о ней ничегошеньки, а ему, как оказалось, этого бы очень хотелось. Она ответила насупленным взглядом, видно, ей пришлось не по нраву отворять запечатанную надолго дверь, но потом пожала плечами.

– В Первый Град. Я там выросла. Мой отец был в своем роде знаменит. Корабельщик императрицы. А брат его, быть может, до сих пор им и служит. Надеюсь. Если не умер. Пока меня нет, все могло поменяться.

Она смолкла и уставилась в пламя, уставился вместе с нею и Ярви. Его тоже снедала тревога о том, что могло измениться в Торлбю без него.

– Что ж, от твоей компании не откажусь, – высказался Джойд. – Тот, что точно знает куда идти, – большое подспорье в долгом путешествии. А ты, Анкран?

– На площади Ангульфа, в Торлбю, есть работорговый дом, – прохрипел над огнем Анкран, и его костлявое лицо заливали тени. – Тот самый, где меня купила Шадикширрам. У одного человека по имени Йоверфелл.

При звуках этого имени он передернулся. Небось так же, как Ярви, когда вспоминал имя Одема.

– У него моя жена. У него мой сын. Я должен их вернуть.

– И как ты собираешься за это взяться? – спросил его Ральф.

– Отыщу какой-нибудь способ. – Анкран сжал кулак и вмял его себе в колено, потом снова, сильнее и сильнее, пока не отрезвел от боли. – *Обязательно.*

Ярви растерянно хлопал глазами по другую сторону от костра. Поначалу он возненавидел Анкрана с первого взгляда. Перехитрил его, довел до падения и побоев и занял его место. Потом согласился взять его в попутчики, прошагал вместе с ним много миль, принимал то, чем Анкран бескорыстно делился. Стал на него полагаться. А теперь же случилось прежде непредставимое. Он начал им восхищаться.

Все, что бы ни делал Ярви, он делал для себя. Его свобода, его месть, его престол. Анкран же поступался всем – добром и честью – ради своей семьи.

– Может быть, я смогу помочь.

Анкран пристально посмотрел на него:

– Ты?

– У меня есть друзья в Торлбю. Могущественные друзья.

– Тот повар, у которого ты служил? – прыснул со смеху Ральф.

– Нет.

Ярви и сам не понял, отчего выбрал именно эту минуту. То ли каким-то чудом в нем уцелел обломок гордости и нехоти кольнул изнутри. То ли чем сильнее он привязывался к этой шайке отбросов, тем тяжелее на него давила ежедневная ложь. То ли счел, что Анкран все равно дознается до правды. А может, он просто сглупил.

– Лайтлин, – произнес он. – Супруга покойного короля Атрика.

Джойд одышливо охнул и опустился на шкуры. Ральф даже не потрудился хихикнуть.

– И кем ты приходишься Золотой Королеве Гетланда?

Ярви сдержал голос, хотя сердце внезапно заколотилось с грохотом:

– Ее младшим сыном.

От этого все на какое-то время затихли.

И Ярви смолк первым, ибо до него дошло, что можно было оставаться поваренком и отправиться куда угодно. Последовать за Ральфом, чтобы сказать его жене здравствуй, или пойти за Ничто, какое бы безумие ни созревало в его чокнутой башке. Уплыть с Джойдом и испытать из колодца в дебрях Каталии. Или поехать еще дальше, любоваться вместе с Сумаэль на чудеса Первого Града. Он и она, вместе...

Но теперь идти было некуда – его путь упирался в Черный престол. Впрочем, еще можно отправиться в Последнюю дверь.

– Мое настоящее имя не Йорв. Меня зовут Ярви. И я – законный король Гетланда.

Наступила долгая тишина. Даже Ничто бросил натирать меч и, не вставая с камня, повернулся с лихорадочным блеском в глазах.

Анкран негромко прочистил горло.

– Поэтому ты так херово готовишь еду.

– Ты что же это? Не шутишь? – спросила Сумаэль.

Ярви ответил ей долгим и ровным взглядом.

– Слышишь мой громкий смех?

– Тогда сообразовалите ответить, с какого лядя короля Гетланда привязали к веслу гнилой торговой галеры?

Ярви потуже натянул на плечи овчину и всмотрелся в огонь. Языки пламени оборачивались ликами прошлого и былыми поступками.

– Из-за своей руки, или из-за того, что у меня ее нет, я хотел отречься от наследования и вступить в Общину служителей. Но моего отца, Атрика, убили. Его предал Гром-гиль-Горм со своей служительницей, матерью Скейр. Так мне сказали. И я повел двадцать семь кораблей в набег. Дядя мой, Одем, вынашивал свои планы. – Его голос вдруг задрожал. – Среди которых было: прикончить меня и самому сесть на трон.

– Принц Ярви, – прооручал Анкран. – Атриков младшенький. У того рука была искалечена.

Ярви протянул руку к свету, и Анкран убедился воочию, пристукивая себя по свернутому носу.

– Да, когда мы шли через Торлбю, бродила молва о его кончине.

– Они чуток поспешили о ней объявлять. Я упал с башни, и Матерь Море вынесла меня прямо в руки Гром-гиль-Горма. Я притворился поваренком, а он нацепил на меня ошейник и продал в Вульсгард, в рабство.

– И там-то мы с Триггом тебя и купили, – вполголоса протянул Анкран, со всех сторон обкатывая его рассказ – так купец мог бы осматривать кольцо у ювелира перед покупкой, пытаясь взвесить, сколько в этом сплаве настоящего золота. – Потому что ты, по твоим словам, умел грести.

Ярви пожал плечами и втянул увечную руку обратно в теплый рукав.

– Как видишь, я способен еще и не на такое вранье.

Джойд пшикнул сквозь губы.

– Кто бы спорил, у каждого есть свои тайны, но эта – из ряда вон.

– И явно опаснее обычных, – сказала, прищурившись, Сумаэль. – Зачем прервал молчание?

Ярви на миг задумался.

– Вы заслуживаете правду. А я заслужил эту правду рассказать. А она – заслуживает быть услышанной.

И опять тишина. Джойд втер в ступни еще жира. Анкран и Сумаэль обменялись долгими взглядами. А потом Ральф просунул язык меж губами и похабно забекал.

– И че, кто-нибудь поверил в эту чушь?

– Поверил я. – Ничто, с громадными черными глазами, встал и воздел над головой меч. – И теперь я приношу клятву. – Он всадил меч в костер, по спирали взмыли искры, и все оторопело отпрянуло. – Клянусь перед солнцем и луной. Да будет клятва на мне ярмом и во мне стрекалом. Да не знать мне покоя, покуда законный государь Гетланда снова не сядет на Черный престол.

Все замолкли на куда дольший срок, и ни один не был так потрясен, как Ярви.

– У кого-нибудь из вас было такое, когда вам казалось, что вы живете во сне? – пробурчал Ральф.

Джойд лишь снова вздохнул.

– Частенько.

– В кошмарном, – добавила Сумаэль.

Поутру нового дня они перевалили подъем, и вид, который их встретил, точно был порожден сновидением. Может быть, и кошмарным. Впереди вместо белых холмов стояли черные, и сквозь клубы дыма и пара вдалеке зыбко маячили горы.

– Жаркие земли! – провозгласил Анкран.

– Место, где боги льда и пламени объявили друг другу войну, – прошептал Ничто.

– С виду терпимо, – сказал Ярви, – для поля-то боя.

Между белым и черным протянулась полоса зеленой листвы. Ветерок колыхал поросль, в небе вились стаи птиц, под размазанным солнцем поблескивала вода.

– В царстве зимы прорубили весеннюю просеку, – сказала Сумаэль.

– Не верю я этому, – сказал Ничто.

– Чему же ты веришь? – спросил его Ярви.

Ничто приподнял меч и не столько улыбнулся, сколько приоткрыл щербатые зубы.

– Одному ему.

Пока они, оступаясь, брели туда, никто не упомянул вчерашнее откровенничанье. Словно сами не знали, стоит ли ему верить и что делать дальше, если все-таки стоит, и поэтому решили притвориться, что ничего не было, и относиться к нему как прежде. В общем, Ярви все это устраивало. Он всегда чувствовал себя скорее поваренком, нежели королем.

Снег под его стоптанными сапогами сперва поредел, потом начал подтаивать и просачиваться сквозь подошвы, потом сделался скользким пополам с грязью, а потом совсем исчез. Земля сперва затянулась заплатками мха, потом поросла высокой травой, потом запестрела полевыми цветами, которым даже Ярви не знал названий. Наконец они вышли на бережок широкого пруда, оттуда, из молочно-мутных вод, вытекал ручей. Кривое дерево раскинуло над их головами свою крону цвета оранжевой ржавчины.

– Последние несколько лет, а особенно в последние дни я гадал, что же я натворил, чтобы заработать такое наказание, – произнес Джойд. – А теперь мне не ясно, чем же я заслужил такую награду.

– Жизнь воздаст не по заслугам, – сказал Ральф, – а по тому, сколько ты сумел ухватить. Где там наша удочка?

И старый разбойник принялся таскать из взбаламученной воды рыбу – и так быстро, что только успевал насаживать наживку. Снова пошел снег, но на прогретую землю снежинки не оседали, а сухих веток кругом было навалом, поэтому путники развели костер, и Анкран устроил им пиршество, поджарив рыбу на плоском камне.

После еды Ярви развалился, положив руки на набитый живот, опустил ноги отмокать в теплую воду и задумался, когда и где в последний раз был так счастлив? Конечно, не на боевой площадке, после очередных позорных тумачков. Точно не прячась от отцовских затрещин и не раскисая под сердитым материнским взглядом. И даже не подле очага матери Гундлинг. Он поднял голову, разглядывая своих разномастных одновесельников. Станет ли хуже, если он так и не вернется домой? Ведь неисполненная клятва далеко не то же самое, что нарушенная...

– Пожалуй, неплохо бы нам остаться здесь, – лениво пробормотал он.

Сумаэль насмешливо подернула губами.

– Кто же тогда поведет народ Гетланда в счастливое завтра?

– У меня такое ощущение, что они доберутся туда и сами. Лучше я стану королем этого озера, а ты – моей служительницей.

– Матерью Сумаэль?
– Ты всегда знаешь верный путь. Будешь вести меня к меньшему злу и наибольшему благу.

Она фыркнула.

– Этих мест нет ни на одной карте. Надо отлить.

Ярви наблюдал, как она скрывается в высокой траве.

– У меня ощущение, что она тебе нравится, – протянул Анкран.

Ярви тряхнул головой.

– Ну... она нам всем нравится.

– Само собой, – подтвердил Джойд, широко ухмыляясь. – Без нее нам жизни нет. В буквальном смысле.

– Но тебе, – хрюкнул Ральф и закрыл глаза, подкладывая руки под голову, – она *нравится*.

Ярви кисло пошевелил губами, но возразить не смог.

– У меня искалечена рука, – обронил он. – Все остальное пока что при деле.

Анкран изобразил нечто, похожее на смех.

– И есть ощущение, что ты нравишься ей.

– Я? Да со мной она самая нелюдима!

– Вот именно. – Улыбнулся и Ральф, вольготно поелозив по траве плечами. – Ах, я ведь помню, каково это: быть молодым.

– Ярви! – Ничто, высок и тверд, стоял на валуне неподалеку от раскидистого дерева. Совершенно не интересуясь, кто кому нравится, он изучал дорогу, по которой они пришли. – Мои глаза стары, а твои – молоды. Это дым?

Ярви, почитай обрадованный, что его отвлекли, взобрался к Ничто, вглядываясь на юг. Но долго продлиться его радости было не суждено. Как обычно.

– Трудно сказать, – ответил он. – Наверно.

Почти наверняка. Он разглядел прозрачные кляксы на фоне блеклого неба.

К ним присоединилась и Сумаэль. Прикрыв глаза ладонью, она не подавала и намека на то, что ей кто-либо нравится. Ее скулы отвердели:

– Он поднимается со стороны двора Шидуалы.

– Может, они разожгли костер, – предположил Ральф, но улыбка его померкла.

– Или костер разожгла Шадикширрам, – сказал Ничто.

Толковый служитель всегда уповает на лучшее, но готовится к худшему.

– Нам надо подняться в гору, – сказал Ярви. – Посмотреть, идет ли кто за нами.

Ничто вытянул губы и легонько сдул пылинку со своего сверкающего клинка.

– Сами знаете, идет.

И она шла за ними.

Всмотревшись сквозь странное круглое оконце трубы Сумаэль с каменистого склона над прудом, Ярви различил на снегу точки. Черные точки ползли вперед, и надежда вмиг вытекла из него, как вино из проколотого меха. Когда дело касалось надежды, его обшивка давала течь уже с давних пор.

– Я насчитала две дюжины, – сказала Сумаэль. – Видимо, бани с моряками «Южного Ветра». У них собаки и сани, и они, скорее всего, вооружены до зубов.

– И настроены нас уничтожить, – пробормотал Ярви.

– Ну, либо так, либо они очень, очень хотят пожелать нам доброго пути на прощание, – отозвался Ральф.

Ярви опустил трубу. Трудно представить, что какой-то час назад они веселились. Лица друзей опять вытянулись в привычной, до невыносимости надоевшей тревоге.

Само собой, исключая Ничто, чей взгляд, как всегда, горел безумием.

– Как далеко они от нас?

- Вроде бы милях в шестнадцати, – ответила Сумаэль.
- Ярви свыкся принимать ее догадки за истину.
- Сколько времени у них займет покрыть эти мили?
- Она провела подсчет, беззвучно шевеля губами.
- Если подналягут на санях, то завтра, с ранней зарей уже могут быть здесь.
- Тогда лучше бы нас здесь не было, – произнес Анкран.
- Ага. – Ярви оторвал глаза от своего безмятежного королевства и посмотрел вверх – на голую щебнистую осыпь и расколотые валуны. – В жаркой стране от их саней никакого толку. Ничто нахмурился на белесое небо и грязными ногтями поскреб шею.
- Рано или поздно последнее слово будет за сталью. Это – закон.
- Тогда пускай поздно, – ответил Ярви, взваливая на себя поклажу. – А сейчас – бежим отсюда.

Бегство

Они бежали.

Или неслись трусцой. Или тряслись, спотыкались и продирались вдоль каменистых, адовых склонов, где среди оплавленных валунов не проросло ни травинки и в небе не пролетало ни птицы. Здесь искореженный в муках Отче Твердь дышал жаром, таким же безжизненным, как прежний холод.

– Ветер странствий раз за разом выносит меня к очаровательным берегам, – присвистнул Анкран, когда после очередного перевала перед ними воздвиглась новая курящаяся гряда.

– Они по-прежнему нас преследуют? – спросил Джойд.

– На таком скалистом взгорье попробуй кого-нибудь заметить. – Сумаэль осмотрела в подзорную трубу пройденное ими пепельное, затянутое испарениями безлюдье. – Особенно тех, кто не желает показываться.

– Может, они повернули обратно. – Ярви обратился к Той, Что Тянет Жребий, умоляя хоть сейчас ниспослать им чуточку удачи. – Может, у Шадикширрам не вышло уговорить баньи пойти сюда вслед за нами.

Сумаэль утерла пот с чумазого лица:

– Кто откажется побывать в таком чудесном краю?

– Не знаешь ты Шадикширрам, – сказал Ничто. – Наш капитан умеет убеждать. Она – великий предводитель.

– Что-то я не заметил, – сказал Ральф.

– Ты не был при Фулку, где она вела к победе армаду императрицы.

– А ты, значит, был?

– Я бился на другой стороне, – ответил Ничто. – Я был поединщиком короля Алюкса.

Джойд, не веря, наморщил лоб:

– Ты был королевским поединщиком? – Глядя на Ничто, было трудно себе это представить, но Ярви повидал на боевой площадке много великих воинов и подобного владения мечом не встречал ни разу.

– Наш флагман запылал. – При этом воспоминании старый боец добела стиснул кулак на рукояти. – На канатах у дюжины галер, скользкий от крови, кишасший солдатней императрицы – вот каким был наш корабль, когда мы с Шадикширрам сошлись в первой схватке. Я утомился в бою и ослаб от ран. Я не привык к шаткой палубе. Она прикинулась неумелой женщиной, я был горд – и поверил, и она пустила мне кровь. Так я стал ее рабом. Когда мы сразились вновь, я был заморен голодом, а она вышла с клинком в руке и крепкими парнями за плечами против моего кухонного ножика. Она пустила мне кровь во второй раз, но, возгордившись, не стала отнимать мою жизнь.

Его губы скривила знакомая безумная усмешка, и изо рта брызнула пена, когда он лающе чеканил слова:

– Теперь мы встретимся с ней в третий раз, и меня больше не тяготит былая гордость. Я сам выберу место схватки и пушу ей кровь. Вот так, Шадикширрам!

Он вскинул меч, и по голым скалам раскатился его ломаный хрип, заполняя долину:

– День настал – сегодня! Время пришло – сейчас! Надвигается расплата!

– А расплата не может надвинуться после того, как я доберусь живым до Торлбю? – поинтересовался Ярви.

Сумаэль с мрачной решимостью затянула пояс.

– Пора уже поспешить.

– А до этого мы чем занимались?

– Плелись.

– И каков твой замысел? – спросил Ральф.

– Зарезать тебя и в знак примирения отдать ей твой труп!

– По-моему, не примирения ради она проделала весь этот путь. Как считаешь?

Сумаэль задвигала скулами.

– Боюсь, ты прав. Мой замысел – добраться до Ванстерланда вперед них. – И она начала спускаться, с каждым шагом из-под сапог сыпались камешки.

Испытание духотой проходило, почитай, хуже, чем испытание льдом. Хоть снегопад и не прекращался, им становилось все жарче и жарче, и слой за слоем они стаскивали с себя вожделенные прежде одежды – пока не очутились полуголыми, мокрыми от пота и черными от пыли, как горняки только что из забоя. На смену голоду пришла жажда. Анкран отмерял из двух бутылей мутную, с гадким привкусом воду куда более ревниво, чем припасы на палубе «Южного Ветра».

Прежде их тоже одолевал страх. Ярви не мог припомнить и дня, когда бы он не боялся. Но тогда это был тягучий страх перед морозом, голодом и усталостью. Сейчас их прищипывал жестокий наездник. Страх перед острой сталью, острыми клыками банийских псов и самым острым из всех – мстительным гневом бывшей хозяйки.

Они тащились, сбивая ноги, пока не стало так темно, что Ярви перестал различать поднесенную к лицу ладонь. Отче Месяц и все его звезды потонули во мгле, и беглецы молча забились в расщелину среди камней. Ярви провалился в зыбкое подобие сна, чтобы, как показалось, через пару минут его встряхнули и подняли. С первым лучом рассвета, в синяках и ссадинах, он опять устремился вперед, окутанный обрывками ночных кошмаров.

Двигаться дальше – вот о чем думали все. Мир умалился до голой каменистой полосы между их сапогами и преследователями, и это пространство неуклонно сжималось. Какое-то время замыкающий Ральф волок за собой на веревках пару овечьих шкур – старый браконьерский трюк, призванный сбить со следа собак. Собаки оказались умней. Скоро каждый из беглецов покрылся синяками, порезами, каждый обдирал кожу после сотни падений, ну а Ярви, с его одной здоровой рукой, приходилось труднее других. Однако всякий раз, когда он спотыкался и падал, рядом вырастал Анкран, протягивал сильную руку и помогал ему встать. Помогал двигаться дальше.

– Спасибо, – сказал Ярви, потеряв счет падениям.

– Тебе еще выпадет случай со мной расплатиться, – ответил Анкран. – В Торлбю, если не раньше.

С минуту они шаркали в неловком молчании, затем Ярви произнес:

– Прости меня.

– За то, что свалился?

– За то, что я сделал на «Южном Ветре». За то, что сказал Шадикширрам... – Его передернуло при воспоминании о том, как бутылка с вином грохнула о голову Анкрана. Как его лицо хрустнуло под сапогом капитана.

Анкран искажился в гримасе, ощупывая языком дыру на месте передних зубов.

– Больше всего на этом корабле я ненавидел не то, что сотворили со мной, а то, что заставляли творить меня. Нет. Не так. То, что я сам натворил. – Он остановился, придержал Ярви и сказал, глядя ему в глаза: – А ведь прежде я считал себя добрым человеком.

Ярви потрепал его за плечо.

– Прежде я считал тебя большой сволочью. Теперь у меня появились некоторые сомнения.

– Поплачете о своих скрытых достоинствах, когда будем спасены! – окрикнула Сумаэль. Ее черный силуэт на камне указывал в серую мглу. – Сейчас пора сворачивать к югу. Если мы вперед них попадем к реке, придется искать брод. Из камней и пара плот не построить.

– А мы попадем к реке до того, как подохнем от жажды? – спросил Ральф. Слизнув с бутылки последние капли, он с надеждой заглянул в горлышко, словно там могло еще что-то остаться.

– Тьфу, жажда, – насмешливо грохнул Ничто. – Как бы копьё баньи не воткнулось в спину, вот чего бойся.

Они съезжали вниз по бесконечным, усыпанным щебнем откосам; вприскок петляли между огромных, как дома, валунов; спускались с черных, оплавленных скал – волнистых, будто застывшие водопады. Они пересекали долины, где прикосновение к земле обжигало до боли, удушливый туман шипел из раззявленных, точно дьяволовы пасти, расщелин, а в разноцветных, маслянистых лужах бурлил кипяток. Цепляясь израненными пальцами, они взбирались на кручи, где камни из-под ног срывались в пропасть. И наконец, Ярви, хватаясь никчемной рукой за трещинки в скале, в подзорную трубу Сумаэль оглядел с высоты весь край и увидел...

Черные точки, по-прежнемудвигающиеся за ними, и сейчас чуточку ближе, чем раньше.

– Они двужильные, что ли? – спросил Джойд, утирая пот с лица. – Неужто не остановятся никогда?

Ничто улыбнулся.

– Остановятся, когда им придет конец.

– Или нам, – добавил Ярви.

По реке

До того как увидеть реку, они услышали ее шум. Шелестящий ропот сквозь чашу леса придал последний прилив сил сбитым ногам Ярви и вновь заронил в его измученное сердце доселе сгнувшую надежду. Ропот перерос в рычание, а затем в рев, когда они, грязные от пыли, пота и пепла, вывалились из-за деревьев. Ральф бросился на прибрежную гальку и принялся по-собачьи лакать воду. Прочие беглецы отстали от него ненадолго.

Утолив жгучую жажду после целого дня карабканья по каменистым уступам, Ярви сел и поглядел на тот берег, поросший деревьями: точно такими, как здесь, и вместе с тем – совершенно иными.

– Ванстерланд, – пролепетал он не своим голосом. – Слава богам!

– Восславишь их, когда переберемся, – обронил Ральф с белым ободком вокруг рта посреди чумазой рожи. – Водичка эта, сдается моряку, нас не жалует.

Так показалось и Ярви. Недолгое облегчение сменилось паникой, когда он оценил ширину Рангхельда, обрывистый дальний берег в двух, примерно, полетах стрелы и разлив талых вод от дыхания жаркой страны за плечами. Узоры белой пены на черном полотне поверхности рисовали стремительные течения и отбойные водовороты, намекали на таящиеся под водой камни, убийственные, как предательский нож.

– Удастся ли нам соорудить плот, годный для переправы? – пробормотал он.

– Мой отец был непревзойденным среди корабелов Первого Града, – проговорила Сумаэль, разглядывая чашу. – Он с одного взгляда мог определить лучшее для кия дерево.

– Ну, на носовую фигуру мы время тратить, вероятно, не будем, – сказал Ярви.

– Давай взамен тебя к форштевню приладим, – сказал Анкран.

– Шесть бревен покороче – сам плот. И длинное – расколоть пополам на поперечину. – Сумаэль подскочила к ближайшей пихте и провела по коре ладонью. – Одно есть. Джойд, придержи, я рубить буду.

– А я в дозор – высматривать хозяйку с ее дружками. – Ральф стряхнул с плеча лук и двинулся назад по их следам. – Насколько мы опередили их, как думаешь?

– Если нам повезло, а не как обычно, то часа на два. – Сумаэль извлекла тесак. – Ярви, доставай веревку, а потом поищи какие-нибудь широкие палки, чтобы грести. Ничто, мы начнем валить деревья, а ты стесывай сучья.

Ничто только крепче обнял свой меч.

– Это не пила. Когда придет Шадикширрам, мне понадобится незатупленный клинок.

– Будем надеяться, к тому времени мы уплывем, – сказал Ярви. В животе заплескалась выпитая вода, когда он наклонился, чтобы перевернуть тюки.

Анкран протянул руку:

– Если не будешь сам, тогда давай сюда меч.

Быстрее, чем это было возможно, безукоризненно гладкое острие оцарапало заросшее щетиной Анкраново горло.

– Только попробуй взять, и я вручу его тебе острым концом вперед, кладовщик, – проурчал Ничто.

– Время не ждет, – сквозь зубы зашипела Сумаэль, короткими, быстрыми ударами высекая щепки с основания избранного ствола. – Бери меч или откусывай их своей задницей, только руби чертовы ветки. Несколько длинных оставь, чтоб нам было за что держаться.

Вскоре правая рука Ярви покрылась грязью и ссадинами от перетаскивания лесовины, а левую, которой он поддевал бревна, усеяли занозы. Меч Ничто облепила живица, а лохматые патлы Джойда обсыпала труха. Сумаэль натерла до крови ладонь об тесак, но по-прежнему рубила, рубила и рубила без остановки.

Они вкалывали, истекая потом, как проклятые. Неизвестно, когда забрешут псы бани, но ясно одно – долго ждать не придется, и пока что беглецы перебрехивались между собой.

Джойд, рыча от натуги, подымал и укладывал стволы, на его бычьей шее вздувались вены, и проворно, как швея строчит кайму, Сумаэль опутывала их бечевой, а Ничто выбирал слабинку. Ярви же стоял и смотрел, и вздрагивал при каждом шорохе, не в первый и не в последний раз в жизни горячо желая обладать обеими полноценными руками.

Учитывая орудия, которые были у них при себе, и время, которого у них не было, плот вышел достойным творением. Учитывая захлестывающую стремнину, которой им предстояло пройти, он получился ужасен. Срубленные нетесанные бревна кое-как прихвачены шерстяным, уже разлохмаченным вервием. Лопата из лосиной кости была призвана служить одним веслом, щит Джойда – другим, а найденная Ярви коряга, по форме немного схожая с ковшиком, третьим.

Скрестив руки поверх меча, Ничто озвучил опасения Ярви.

– Глаза б мои не глядели на путешествие этого плота по этой реке.

Сумаэль со вздыбленным загривком повторно затягивала узлы.

– У него задача одна – по воде плыть.

– С нею он, безусловно, справится, но вот продержимся ли на нем мы?

– Смотря насколько крепко держаться будете.

– А если он разломится и поплывет по воде по частям, тогда что ответишь?

– Тогда я навеки умолкну. Зато, идя на дно, утешусь тем, что ты сдох еще раньше – от рук Шадикишррам, в этом нелюдском краю. – Сумаэль вопросительно приподняла бровь. – Или ты все-таки с нами?

Ничто угрюмо посмотрел на них, потом на деревья, взвешивая меч в руке, а затем чертыхнулся и бросился толкать плот, вклинившись между Джойдом и Ярви. Нехотя плавучее сооружение начало сползать к воде, сапоги беглецов скользили на прибрежной гальке. Когда кто-то выскочил из кустов, Ярви со страху провалился в ил.

Анкран, с бешеными глазами.

– Идут!

– Где Ральф? – спросил его Ярви.

– За мной бежит! Это оно?

– Нет, мы тебя разыграли, – взвилась Сумаэль. – Там вон, за деревом, я припрятала боевой девяностовесельник!

– Просто спрашиваю.

– Хорош спрашивать, помогай спускать эту дрянь!

Анкран навалился на плот, и общими силами тот съехал с берега в реку. Сумаэль подтянулась и влезла на бревна, лягнув Ярви в челюсть, отчего тот прикусил язык. Стоя по пояс в воде, он расслышал позади, в лесу, вроде как, крики. Ничто, уже наверху, схватил Ярви за бесполезную руку и втянул к себе, острый сучок с бревна окорябал грудь. Анкран похватал с берега мешки и по одному закидывал их на плот.

– Боженьки! – Ральф выломился из подлеска, запыханно надувая щеки. Позади него, в чаще, Ярви заметил движущиеся тени и услышал злобные оклики на незнакомом наречии. А потом – лай собак.

– Беги, старый дурень! – взвизгнул он. Ральф промчался по отмели и влетел в реку, и Анкран на пару с Ярви втащили его на борт, в то время как Джойд и Ничто, точно умалишенные, затарабанили по воде.

С одним результатом – их начало потихоньку вращать.

– Выравнивайте! – рявкнула Сумаэль, когда плот стал набирать скорость.

– Не получается! – рычал Джойд, черпая щитом с размаху и окатывая всех водой.

– Поднажми! Не знаешь, где бы взять приличного гребца?

– Там же, где и приличные весла!

– Рот свой закрой и греби! – огрызнулся Ярви. Вода плескалась через весь плот, впитывалась в штаны на коленях. Из леса высыпали собаки – здоровенные псы, с овцу ростом, с оскаленных клыков капала слюна. Псы с лаем понеслись по галечнику, вверх и вниз вдоль береговых изгибов.

Затем показались люди. Мельком глянув через плечо, Ярви не сосчитал их. Обрывки фигур за деревьями, кто-то припал на колено у берега, черный изгиб лука...

– Ложись! – взревел Джойд, перелезая в заднюю часть плота и прикрываясь щитом.

Ярви услышал свист тетивы, увидел, как в небо порхнули черные палочки. Завороженный, он сжался, не сводя с них глаз. Прошло не меньше эпохи, прежде чем они, ласково шелестя, начали падать. Одна булькнула в реку в паре шагов поодаль. Две другие, негромко шелкнув, застряли в щите Джойда. Четвертая задрожала, угодив в бревно у самого колена Ярви. На пядь вбок, и она прошла б ему бедро. Он пялился на стрелу, раззявив рот.

Всего-то пядь отделяет эту сторону Последний двери от той.

Он почувствовал ладонь Ничто у себя на загривке. Тот силой толкал его к краю.

– Греби!

Из-за деревьев выбегали новые люди. Может быть, их набралось уже под двадцать. Может, набралось и больше.

– Спасибо за стрелы! – раздался вопль Ральфа к тем, кто был на берегу.

Какой-то лучник пустил еще одну, но они уже вышли на быстрину, и его стрела сильно недолетела. Кто-то стоял, провожая их взглядом, уперев руки в бока. Высокий силуэт с изогнутым клинком, и в глазу Ярви сверкнул проблеск самоцвета на провисшем поясе.

– Шадикширрам, – донесся шепот Ничто. Он оказался прав. Капитан шла по их следам все это время. И хотя Ярви не расслышал ни звука и с такого расстояния даже не разглядел ее лица, он все равно знал: гнаться за ними она не бросит.

Никогда.

Только дьявол

Быть может, они избежали схватки с Шадикширрам, но вскоре сама река дала им такой бой, что даже Ничто должно было хватить до отвала.

Река поливала их холодной водой, промачивала насквозь, вместе с поклажей, плот вставал на дыбы и изворачивался, точно необъезженная лошадь. Их молотили камни, цепляли свисавшие ветки – одно дерево поймало Анкрана за капюшон и стащило бы в воду, если бы Ярви не придержал того за плечо.

Берега поднимались все выше, круче, сужаясь, пока поток не понес беглецов вдоль покоренных скал, вода била сквозь щели, плот кружило, как листик, хоть Джойд не жалея сил вертел утыканным стрелами щитом, как кормилом. Река пропитала водой веревки, разъедала узлы, и те начали ослабевать, течение растягивало плот, угрожая разорвать сразу все его звенья.

За грохотом стремнины Ярви не слышал, какие команды выкрикивает Сумаэль, и бросил любые попытки повлиять на исход. Он закрыл глаза и цеплялся, как мог, находясь на волосок от гибели – от напряжения и здоровую и больную руку сводило до боли. В одно мгновение он клял богов за то, что они заманили его на этот плот, а в следующее уже молил их о пощаде. Крутящий рывок, падение, дерево под коленями заходило ходуном, и он зажмурился в ожидании неминуемого конца.

Но вода внезапно успокоилась.

Он отважился приоткрыть один глаз. Они все сгрудились на середине охромевшего, вихляющего бревнами плота и, замызганные, дрожали, обхватив ветки-поручни и друг друга. Их все еще неспешно вращало – вода плескала беглецам на колени.

Сумаэль, сквозь прилипшие к лицу волосы, пялилась на Ярви, глотая воздух.

– Говнище.

Ярви лишь кивнул в ответ. Разжатие сомкнутых на ветви пальцев причинило дикую боль.

– Мы живы, – проскрипел Ральф. – Мы точно живы?

– Если б я только знал, – забормотал Анкран, – что такое эта река... я бы попытал счастья... там, с собаками.

Рискнув выглянуть за предел круга их изнуренных лиц, Ярви увидел, что река широко разлилась и замедлила ход. Впереди она все еще расширялась, тихие воды не колыхала, и рябь, зеркало ровной поверхности отражало лесистые склоны.

И по правую руку от них, плоский и манящий, лежал вытянутый пляж, усеянный гнилым плавником.

– Поднажали, – вымолвила Сумаэль.

Один за другим они сползли с распадающегося плота, вместе затащили его так далеко на берег, как смогли. Проковыляли пару шагов и без слов рухнули на гальку, среди прочего намытого рекой сора. Сил отпраздновать спасение не осталось – разве что лежать ничком и дышать, сойдет за празднование.

– Любого из нас ждет Смерть, – проговорил Ничто. – Но первым она прибирает того, кто сидит сложа руки.

Словно по волшебству, он оказался на ногах и угрюмо глядел на реку, ожидая погоню.

– Они поплывут за нами.

Ральф пошевелился и приподнялся на локти.

– За каким чертом им это надо?

– Затем, что это всего лишь река. То, что некоторые люди называют этот берег Ванстерландом, для баньи не значит ничего. А уж для Шадикширрам тем более. Погоня связала их вместе, сплотила их, как нас – наше бегство. Они соорудят свои плоты и ринутся дальше, а стремительная река, так же как нам, не даст им пристать к берегу. До тех пор, пока они не

прибудут сюда. – И Ничто улыбнулся. Когда же улыбался Ничто, Ярви обязательно охватывало беспокойство. – И они высадутся на берег, усталые, промокшие и ошарашенные, как мы сейчас. Тут-то мы на них и набросимся.

– Мы набросимся? – подал голос Ярви.

– Вшестером? – спросил Анкран.

– Против двадцати? – буркнул Джойд.

– С учетом однорукого мальчишки, женщины и кладовщика? – бросил Ральф.

– Вот именно! – Ничто растянул улыбку шире. – Вы думаете в точности так, как я!

Ральф уперся локтями в песок.

– Такого, чтоб думал, как ты, наверняка нет на всем белом свете!

– Испугался?

От смеха у старого разбойника едва не треснули ребра:

– Когда ты с нами? Ты, на хрен, прав – мне страшно!

– А говорил, в тровенландцах горит огонь...

– А ты говорил, гетландцы сильны дисциплиной.

– Да сколько можно, только не это опять! – выругался Ярви, вставая. Сейчас на него нахлынул гнев – не пылающая и безрассудная ярость отца, а расчетливая, терпеливая материнская злоба, холодная, как зима, которая вымораживает изнутри весь страх.

– Если придется сражаться, – сказал он, – нам нужна площадка поудобнее этого берега.

– И на каком же поле мы покроем себя ратной славой, о государь? – спросила Сумаэль, ехидно поджав губы.

Ярви замигал, осматривая лес. Где же им встать?

– Вон там? – Анкран указал на каменистый обрыв над рекой. Против солнца разобрать было трудно, но, прищурившись, Ярви заметил что-то похожее на развалины, венчавшие вершину утеса.

– Что это было за место? – спросил Джойд, ступая под арку – при звуке его голоса с разбитых стен сорвались птицы и, хлопоча крыльями, взмыли в небо.

– Это строили эльфы, – ответил Ярви.

– Боженьки! – пробормотал Ральф, вкривь осеняя себя отгоняющим зло знаком.

– Не беспокойся. – Сумаэль беззаботно раскидала ногой кучу прелых листьев. – Сейчас-то эльфам откуда тут взяться?

– Их нет уже тысячи и тысячи лет. – Ярви провел ладонью по стене. Сделанной не из кирпича и раствора, но гладкой, твердой, без единого стыка. Скорее отлитой, чем возведенной. С ее искрошившегося верха торчали металлические прутья, беспорядочно, как шевелюра недоумка. – Со дней Сокрушения Божия.

Перед ними лежал большой чертог, с горделивыми колоннами по обеим сторонам, со сводчатыми проходами в боковые комнаты – справа и слева. Но колонны давным-давно покоились, стены паутиной заволок мертвенный выюнок. Фрагмент дальней стены целиком исчез – его взяла себе река, жадно ревушая далеко внизу. Крыша обрушилась за века, и сверху над пришедшими белело небо да высилась полураздробленная, увитая плющом башня.

– Мне здесь нравится, – сказал Ничто, меряя шагами щебнистую почву, с верхним слоем из опавших листьев, гнили и птичьего помета.

– Ты ж всю рвался остаться на пляже, – заметил Ральф.

– Было дело, но здесь местечко покрепче.

– Было бы, если б стояли ворота.

– Ворота лишь оттягивают неизбежное. – Ничто сложил большой и указательный пальцы в колечко и посмотрел сквозь него ярким глазом на пустой проем входа. – Погоня зайвится к

нам себе на погибель. Их ждет воронка, где их число не сыграет никакой роли. Это значит – мы еще можем выиграть!

– Выходит, твой предыдущий план предрекал нам верную смерть? – спросил Ярви.

Ничто ухмыльнулся.

– Единственное, что в жизни верно, – так это смерть.

– Молодец, умеешь укрепить боевой дух, – буркнула под нос Сумаэль.

– Нас превосходят четверо к одному, половина из нас – не бойцы! – Анкран обреченно закатил глаза. – Я не могу позволить себе здесь подохнуть. Моя семья...

– Веруй, кладовщик! – Ничто одной рукой сграбастал за шею Анкрана, а другой – Ярви, и с поразительной силой притянул их друг к другу. – Если не в себя, так в других. Теперь мы – твоя семья!

Если уж на то пошло, то прозвучало это еще фальшивей, чем те же слова Шадикширрам на борту «Южного Ветра». Анкран смотрел на Ярви, и Ярви оставалось только вылупиться в ответ.

– А еще отсюда не выйти наружу – и это здорово! Человек упорнее бьется, когда знает, что бежать некуда. – Ничто стиснул их на прощание, затем запрыгнул на основание сломленной колонны, обнаженным клинком показывая на вход. – Здесь встану я и здесь приму на себя главный удар. По крайней мере, псов по реке они не отправят. Ральф, ты с луком залезешь на башню.

Ральф долго приглядывался к ветхой, крошащейся башне, затем к лицам друзей, и наконец его поросшие сединою щеки испустили тяжкий вздох.

– Да, скажу я вам, печально вспоминать смерть поэта, но я-то воин, и мне на роду написано уйти до срока.

Ничто захохотал, разнося непривычное, рваное эхо.

– А я скажу, что мы с тобой оба зажились дольше, чем нам положено! Вместе мы бросили вызов снегу и голоду, жаре и жажде. Вместе мы и выйдем на бой. Здесь! Сейчас!

Невозможно поверить, что этот мужчина, прямой, высокий, со сталью в руке, откиннутые волосы вьются по ветру и ярко горят глаза, был тем жалким оборванцем, через которого Ярви переступал, поднимаясь на «Южный Ветер». Теперь он и в самом деле казался королевским чемпионом, чьи приказы хотелось исполнять беспрекословно. От его сумасшедшей уверенности даже у Ярви чуточку прибавилось смелости.

– Джойд, бери щит, – распорядился Ничто, – Сумаэль, ты – свой тесак. Прикрывайте нас слева. Там наша слабая сторона. Не давайте меня окружить. Держите их там, где мы с моим мечом посмотрим им прямо в глаза. Анкран, ты и Ярви стерегите правую сторону. Эта лопата сойдет за дубье – если ей приголубить, то можно убить любого. Дай Ярви нож, раз уж у него только одна рука. Пускай рука и одна, зато в его жилах течет королевская кровь!..

– Лишь бы вся она оттуда не вытекла, – пробубнил под нос Ярви.

– Значит, мы с тобой. – Анкран протянул нож. Грубая самоделка, без излишества, вроде крестовины, деревянную рукоять обтянули кожаной лентой, металл на спинке позеленел – но режущий край достаточно остер.

– Мы с тобой, – произнес Ярви, принимая и крепко сжимая оружие. Когда он, провоняв нечистотами невольничей ямы Вульгарда, впервые увидел хранителя припасов, то ни за что бы не поверил, что придет день, и он встанет с ним в бою как соплечник. И оказалось, что, вопреки страху, Ярви этой честью гордится.

– По-моему, подведя славный кровавый итог, наше путешествие заслужит добрую песню. – Ничто, растопырив пальцы, вытянул свободную руку к проему, сквозь который, несомненно, вскоре выскочат Шадикширрам и ее баньи, горя жадой убивать. – Отряд спутников-храбрецов, верная свита, помогает законному королю Гетланда взойти на отнятый трон!

Последняя схватка среди руин старин эльфийских! Сами знаете, в хорошей песне не все герои доживают до конца.

– Сучий дьявол, – прошептала Сумаэль. Поигрывая тесаком, она то сжимала, то расслабляла желваки на скулах.

– Из пекла преисподней, – прошептал Ярви, – тебя сможет вывести только дьявол.

Последняя схватка

Голос Ральфа расколол тишину.

– Идут! – И кишки Ярви словно провалились в задницу.

– Сколько? – бодро спросил Ничто.

Чуть погодя:

– Где-то с двадцать.

– О боги! – запричитал Анкран, закусывая губу.

До сего момента теплилась надежда, что они повернут назад или потонут в реке, но, как обычно происходило с надеждами Ярви, эта засохла и плода не принесла.

– Чем больше их численность, тем больше нам достанется славы! – вскричал Ничто. Чем хуже им приходилось, тем сильнее он цвел. Сейчас было можно высказать многое в пользу бесславного выживания, только увя – выбор-то уже сделан. Если он вообще когда-нибудь у них был, этот выбор.

Конец бегству, конец уловкам.

Ярви уже успел проговорить про себя не меньше дюжины молитв, всякому богу, высокому ли, малому, который мог бы помочь им хотя б чуточек. И все равно он закрыл глаза и произнес еще одну. Пускай к нему прикоснулся Отче Мир, но эту, последнюю, он обратил одной лишь Матери Войне. Молитву сберечь его друзей, его одновесельников, его семью. Ибо каждый из них, на свой лад, стоил спасения.

А еще он просил ниспослать врагам багряный день. Ибо ни для кого не тайна: Матерь Война предпочитает молитвы с кровью.

– Сражайся или умри, – прошелестел Анкран и протянул Ярви руку, и тот дал свою, пусть и ту, бесполезную. Они взглянули друг на друга, он и тот, кого поначалу он ненавидел, строил козни, смотрел, как бьют, а потом бок о бок с ним продирался через безлюдные пустоши и стал искренне понимать.

– Если мне достанется не слава, а... другое, – произнес Анкран, – сумеешь как-нибудь помочь моим?

Ярви кивнул.

– Клянусь, помогу. – И то правда, какая разница: не исполнить две клятвы или одну? Проклятым больше одного раза не станешь.

– А если мне выпадет другое... – Просить Анкрана убить дядю казалось завышенным требованием. Он пожал плечами. – Пропей по мне реку слез!

Анкран сумел улыбнуться. Выдавил нетвердую ухмылку, с просветом, где не было передних зубов, – но тем не менее ему удалось. И на тот миг это было наивысшей, достойной восхищения доблестью.

– Матерь Море выйдет из берегов.

Потянулась тишина, и колотушка в груди у Ярви нарезала ее на мучительные мгновения.

– Что, если умрем мы оба? – прошептал он.

Прежде чем он дождался ответа, раздался скрежет Ничто:

– Эбдель Арик Шадикширрам! Добро пожаловать в мою светлицу!

– Как и ты, она отжила свое. – Ее голос.

Ярви прижался к щели в стене, до боли в глазах всматриваясь в проход.

– Все мы мельчаем в сравнении с прошлым, – отозвался Ничто. – Некогда ты была адмиралом. Потом стала капитаном. А сейчас...

– Сейчас я – ничто, так же, как ты. – Ярви увидел ее под тенью привратного свода – глаза блеснули, когда она заглянула в проем. Пытаясь понять, что тут, внутри, и кто. – Пустой

кувшин. Сломанный корабль – из моих пробоин вытекла вся надежда. – Он знал, что его ей не заметить, но все равно отпрянул за потрескавшийся эльфийский камень.

– Сочувствую, – крикнул Ничто. – Потерять все – очень больно. Мне ли не знать?

– И сколько, по-твоему, стоит сочувствие ничего ничему?

Ничто усмехнулся.

– Ничего.

– Кто еще с тобой? Лживая сука, которая любила залазить выше моих мачт? Угодливый слизняк, с клубнем брюквы вместо руки?

– Мое мнение о них выше твоего – но нет. Они ушли вперед. Я здесь один.

Шадикширрам зашлась хохотом и прильнула, подаваясь в проход – Ярви заметил высверк обнаженной стали.

– Нет, ты не один. Но скоро будешь.

Он взгляделся в очертания башни, увидел изгиб Ральфова лука, натянутую тетиву. Но Шадикширрам была слишком хитра, чтобы подставляться под выстрел.

– Я чересчур милосердна! В этом моя вечная, губительная ошибка. Надо было прикончить тебя еще много лет назад.

– Попробуй сегодня. Прежде мы дважды встречались в бою, но на сей раз я...

– Собакам моим доскажешь. – И Шадикширрам пронзительно свистнула.

Сквозь арку хлынули люди. Или похожие на людей существа. Баньи. Дикие, лохматые тени, белизной зияли лица, сверкали бусы из янтаря и кости, скалились зубы, гремело оружие из заточенных камней, моржовых бивней, китовой челюсти. Они верещали тарабарщину, выли и улюлюкали, словно звери, словно черти – как будто сводчатый проем превратился во врата преисподней, и та изблевала из себя содержимое на погибель всему живому.

Несшийся первым захрипел и осел, со стрелой Ральфа в груди, но остальные затопили развалины, и Ярви отшатнулся от смотровой щели, будто получив пощечину. Позыв удрать был всемогущим, неудержимым, но на его плече лежала ладонь Анкрана, и он стоял, трепеща как листок, и сдавленно поскуливал с каждым выдохом.

И все же стоял.

Раздались вопли. Удары, выплески стального лязга, ярости, боли. Не понять, кто и отчего – и это было едва ли не самым невыносимым. Страшно орали баньи, но куда страшнее был голос Ничто. Бурлящий стон, шелестящий хрип, царапающий рык. Клекот последнего, сиплого вздоха.

А вдруг – это он так смеется?

– Идем на помощь? – шепотом спросил Ярви, при этом сомневаясь, что сможет переставлять ноги.

– Он велел ждать. – Перекошенное лицо Анкрана побелело как мел. – Будем ждать?

Ярви повернулся к нему и краем глаза увидел прыгнувшую со стены тень.

Он был скорее мальчишкой, нежели воином, навряд ли старше годами, чем Ярви. Служил на «Южном Ветре» матросом. Ярви помнил, как он хохотал, качаясь на снастях, но так и не узнал его имя. Сейчас, похоже, знакомиться уже поздно.

– Вон там, – выдавил он, и Анкран повернулся как раз тогда, когда со стены соскочил еще один. Тоже моряк – здоровый, бородатый, и в руке его булава, тяжелое оголовье утыкано железными шипами. Чудовищный вес этого орудия притягивал взгляд, Ярви задумался: что, после яростного взмаха, останется от его черепа? Моряк улыбнулся, будто угадал его мысли, затем прыгнул на Анкрана, и оба упали и покатались, сплетаясь и рыча.

Ярви помнил про неуплаченный долг, знал, что должен ринуться на помощь другу, выручать соплечника, но вместо этого развернулся навстречу парню, словно тут, как на плясках после жатвы, разбивались на пары, и некое чутье велело обоим пригласить партнера по росту.

Они закружились, и впрямь как в танце. Выставив перед собой ножи, они то и дело пыряли воздух, словно пробовали, какой стороной сподручнее резать. Оба кружили, кружили, не обращая внимания на рев и сопение Анкрана и бородатого моряка – поединок тех, не на живот, а на смерть, растаял в неодолимой жажде прожить еще хотя бы пару мгновений. За слоем грязи и задиристой ухмылкой он, тот парень, выглядел весьма напуганным. Почти таким, каким Ярви себя ощущал. И они кружили, все кружили, метались взглядом от сверкающего лезвия к...

Парнишка рванулся вперед, нанося колющий удар, и Ярви отдернулся, зацепился за корень и едва сохранил равновесие. Мальчишка бросился снова, но Ярви, рубанув в никуда, ускользнул в сторону, и парень запнулся о стену.

Неужто и впрямь один из них обязан убить другого? Оборвать навсегда все, чем тот был? Все, чем тот мог бы стать?

Видимо, так. Вот только трудно понять, что в этом такого славного.

Парень опять сделал выпад, его нож вспыхнул перед глазами Ярви, отражая луч солнца. Повинуясь какому-то дремучему навыку, оставшемуся с боевой площадки, Ярви, охнув, поймал его своим, лезвия проскребли друг о друга. Парень врезался в него плечом, и Ярви отшвырнуло к стене.

Они рычали и отплеывались друг другу в лицо, так близко, что Ярви разглядел темные поры на носу противника, красные жилки в белках вспученных глаз. Так близко, что Ярви мог бы высунуть язык и лизнуть его.

Они хрипели, надрывали до дрожи все мускулы, и Ярви понял, что он слабее. Попытался вдавить палец мальчишке в нос, но тот поймал его согнутое запястье и выкрутил. Снова заскрежетали лезвия, и обратную сторону ладони обожгло порезом. По животу проехался кончик ножа, и Ярва сквозь одежду ощутил его холод.

– Нет, – прошептал он, – пожалуйста.

Потом что-то оцарапало Ярви щеку, и давление пропало. Парнишка отшатнулся, поднимая к горлу дрожащую руку, – из горла торчала стрела, влажный наконечник смотрел наружу, по шее за ворот сбегала полоска крови. Лицо парня порозовело, щеки затрепыхались, когда он упал на колени.

Сквозь щель в расколотой эльфовой стене Ярви увидел Ральфа, на корточках наверху башни – тот накладывал на тетиву новую стрелу. Лицо парня подернулось лиловым, и он то ли проклинал Ярви, клохча и захлебываясь, то ли умолял помочь, а может, молил богов о милости – но из его рта выходила лишь кровь.

– Мне жаль, – прошептал Ярви.

– А будет еще сильнее.

В пяти шагах, у разрушенного свода, стояла Шадикширрам.

– Я-то думала, ты – умненький мальчик, – сказала она. – Но на деле вышло сплошное разочарование.

На ее кружевах засохла грязь, волосы разметало по лицу спутанными клубками, заколки исчезли, глаза, как в бреду, горели во впалых глазницах. Но длинное, изогнутое лезвие меча сверкало убийственной чистотой.

– Всего лишь последнее в длинном списке. – Она пинком опрокинула на спину умирающего подростка и перешагнула через его ноги, колотящиеся в предсмертных судорогах. Подошла вольготно, вразвалку – без суеты и спешки. Точно как раньше прогуливалась по палубе «Южного Ветра». – Но, похоже, я сама навлекла на себя наказание.

Ярви бочком попятился, пригибаясь, тяжело дыша, глаза обшаривали разбитые стены в поисках выхода. Но выхода не было.

Ему придется с ней биться.

– В этом жестоком мире у меня оказалось чересчур мягкое сердце. – Она зыркнула по сторонам, на расщелину, сквозь которую прилетела стрела Ральфа и, плавно пригнувшись, проскользнула под ней. – Это моя извечная, главная слабость.

Ярви прошаркал по булыжникам назад, рукоятка ножа пропиталась потом. Сзади доносились крики, отголоски боя. У других полон рот своих забот на подходе к кровавому порогу Последней двери. Он быстро глянул через плечо и увидел, что разломанные эльфийские стены сходятся к краю обрыва. Молодые деревца раскинули ветви в пустом приволье, над бегущей далеко внизу рекой.

– Не передать, как мне приятно иметь возможность сказать тебе «пока» на прощание. – Шадикширрам улыбнулась. – Пока!

Безусловно, она вооружена лучше, чем он. Выше, сильнее, у нее больше опыта, больше умения. Не говоря о решительном преимуществе в числе рук. И, вопреки своим заверениям, она вряд ли сверх меры томила мягкосердечием.

На все найдется свой способ, говорила мать, но как найти способ победить Шадикширрам? Ему, тому, кто провел сотню позорных поединков на площадке и не выиграл ни одного боя?

Она с интересом подняла брови, будто произвела тот же подсчет и пришла к тому же ответу.

– Пожалуй, ты у меня просто-напросто прыгнешь вниз.

Она сделала еще шаг, медленно оттесняя его назад. Солнце блеснуло на острие меча, когда она пересекла луч света, упавший сквозь развалины. Ему некуда отступить: позади раскрывался необъятный простор, затылок холодил терпкий, влажный ветер. Далеко под ним, кусая прибрежные скалы, неистовствовала река.

– Прыгай, калека.

Он снова попятился и услышал, как в пустоту посыпались камешки. Грань земной тверди обрывалась у самых его каблуков.

– Прыгай, – заорала Шадикширрам, с ее губ брызнула слюна.

И Ярви краем глаза заметил движение. Бледное лицо Анкрана выплыло из-за покосившейся стены. Прижимая язык к дыре в оскаленных зубах, он подкрался с занесенной дубиной. Всего на миг Ярви не сумел удержать на месте свой взгляд.

Шадикширрам наморщила лоб.

Мгновенно, как кошка, она крутанулась, извернувшись, уйдя от лосиной лопаты – та просвистела у самого плеча. И без особых усилий, почти беззвучно, сунула меч точно в грудь Анкрана.

Он судорожно втянул воздух, тараща глаза.

Шадикширрам выругалась, вытягивая меч обратно.

Жалость – это слабость, повторял отец. *Сжалился – проиграл*.

Быстрее молнии Ярви налетел на нее. Он вогнал ей в подмышку свою руку-коготь, придавил меч, шишковатой кистью шарахнул по горлу, а правую руку стиснул в кулак и врезал, впечатал, вбил в нее этот кулак, как можно сильнее.

Оба храпели, перхали и исходили слюной, голосили, скулили, раскачивались, ее волосы лезли ему в рот. Зарывав, она изогнулась, а он повис на ней и бил, бил, не разжимая кулак. Она рванулась и высвободилась; локоть, с тошнотным хрустом, попал ему прямо в нос и отбросил голову назад – и тут же земля огрела его по спине.

Кто-то где-то кричит. Не здесь. Звенит сталь.

Вдалеке идет бой. Наверно, происходит что-то важное.

Надо вставать. Нельзя подводить матушку.

Надо быть мужчиной. Дядя заждался.

Он попытался стряхнуть головокружение, перекатился, и небо полыхнуло зарницами.

Его рука хлестнула пустоту. Внизу чернеет река, на камнях кромка белой пены. Будто море внизу утеса Амвенда. Море, которое затянуло его с головой.

Воздух с хрипом ворвался в легкие, когда он пришел в себя. На четвереньках он отодвинулся подальше от осыпающегося края обрыва. В голове колотило, ноги не слушались, во рту солоно от крови.

Анкран скорчился на земле – с широко раскинутыми руками. Ярви всхлипнул, подполз и потянулся к нему. Но дрожащие кончики пальцев остановились, не касаясь пропитанной кровью рубахи. Перед Анкраном отворилась Последняя дверь. Ему уже ничем не помочь.

Шадикширрам лежала на щебне подле его тела, и пыталась сесть, и не могла, и от этого выглядела донельзя удивленно. Пальцы ее левой руки запутались в фигурной гарде меча. Правой рукой она зажимала бок. Потом отлепила руку. На ладонь натекла полная горсть крови. Ярви растерянно опустил глаза на свою правую руку. В ней по-прежнему был нож. Скользкое лезвие, пальцы, запястье и всю руку по локоть залило красным.

– Нет, – взревела она. И попробовала поднять меч – но он для нее был уже слишком тяжел.

– Не сейчас. Не так. – Ее окровавленные губы скривились, когда она взглянула на Ярви. – Не ты.

– Здесь, – ответил Ярви. – Я. Как ты говорила? В бою нужны обе руки. Но заколоть в спину хватит и одной.

И в этот миг он понял, что вечно терпел поражение на боевой площадке не потому, что ему не хватало силы, мастерства или даже руки. Ему не хватало воли. И где-то на «Южном Ветре», где-то в непроторенных льдах, где-то здесь, на древних развалинах, он наконец ее обрел.

– Ведь я командовала военным флотом императрицы, – прокаркала Шадикширрам, ее правый бок весь потемнел от крови. – Я была возлюбленной... герцога Микедаса. У моих ног лежал весь мир.

– Все давно кончилось.

– Твоя правда. Умненький... мальчик. Я слишком добра... – Ее голова запрокинулась, и глаза уставились в небо. – Доброта... меня и...

Полуразрушенный эльфийский чертог усыпали тела.

Баньи походили на чертей издали. Вблизи они смотрелись жалкими. Тощие и низкорослые, будто дети, связки лохмотьев. Их священные обереги из китовой кости оказались плохим щитом против неумолимой стали Ничто.

Один из них еще дышал и рукой потянулся к Ярви, не выпуская из другой руки стрелу, засевшую в ребрах. Его глаза наполняла вовсе не ненависть – одно лишь недоумение, страх и боль. В точности как у Анкрана, когда Шадикширрам его убивала.

Значит, и они – обычные люди, как все. Те, кого Смерть, беря под руку, провожает в Последнюю дверь.

Этот все пытался вымолвить слово, когда к нему подошел Ничто. Одно и то же слово, снова и снова – и тряс головой.

Ничто поднес к губам палец.

– Шшшш. – И пронзил банью в сердце.

– Победа! – истошно взревел Ральф, спрыгивая с последнего пролета на землю. – В жизни не встречал такой мастерской работы мечом!

– А я такой меткости лучника! – сказал Ничто, заключая Ральфа в сокрушительные объятия. Теперь, объединенные бойней, они стали лучшими друзьями.

Сумаэль встала под сводами арки, держась за плечо. Кровь расчертила полосами ее руку до самых пальцев.

– Где Анкран? – спросила она.

Ярви покачал головой. Он боялся заговорить – иначе его бы вырвало. Или из глаз полились бы слезы. Или и то и то сразу. От боли и гаснущей ярости. От облегчения, что остался жив. От скорби, что его друг не остался. Скорби, что с каждой секундой наваливалась все сильнее.

Джойд повалился на отбитую глыбу эльфийской кладки и выпустил из рук изрубленный щит. Сумаэль положила ладонь на его дрожащее плечо.

– От всего сердца признаю – гетландцы лучше всех! – брызгал пеной Ральф.

– А я как раз начал в этом сомневаться! – Ничто хмуро огляделся. – Я ждал встречи с Шадикширрам.

Ярви посмотрел на изогнутый клинок, оказавшийся в руке будто случайно.

– Я убил ее.

Наверно, ему полагалось пасть на колени и возблагодарить богов за столь невероятную победу. Но кровавая жатва порубленных мечами и утыканных стрелами в этом месте мертвого прошлого казалась не совсем тем, за что следовало благодарить.

Поэтому он сел рядом со всеми и начал отковыривать из-под носа присохшую кровь.

В конце концов, он – король Гетланда, так или нет?

Довольно уже стоять на коленях.

Огненное погребение

Мертвые пылали.

Обнимавшее их пламя рождало странные тени, плывшие по стенам стародавних эльфийских развалин. К алому небу поднимались размытые клубы дыма – подходящие почести, оказанные Матери Войне за победу. Так заявил Ничто, а мало кто был с нею на столь же короткой ноге, как он. Ярви казалось, что, если внимательно присмотреться, в огне до сих пор можно разглядеть кости – девятерых погибших баньи, трех погибших вольных моряков, Анкрана и Шадикширрам.

– Я буду тосковать по нему, – сказал Ярви, с трудом сдерживая слезы.

– Мы все уже по нему тоскуем, – сказал Джойд, утирая свои краем запястья.

Ничто, не скрывая своих, заливших исполосованное шрамами лицо, кивнул на кострище.

– Я буду тосковать по ней.

Ральф фыркнул.

– Я уж точно – фигушки!

– Тогда ты еще дурней, чем померещилось мне поначалу. Достойный враг – самый желанный подарок богов. Враг подобен доброму точилу для твоего клинка, – Ничто мрачно осматривал меч – без единого пятнышка, хотя у самого под ногтями присохла запекшаяся кровь – а потом еще раз вжикнул по нему оселком. – С хорошим врагом ты остер и всегда готов к бою.

– Лучше я тупым останусь, – буркнул Джойд.

– Выбирай врагов тщательнее, чем друзей, – проговорил Ничто, обращаясь к огню. – Враги пробудут с тобой много дольше.

– Не расстраивайся, – Ральф похлопал Ничто по плечу. – Если жизнь чему и учит, так это тому, что новый враг всегда недалеко.

– Друзей, если что, во врагов превратить не трудно, – сказала Сумаэль, поплотнее запахиваясь в полушубок Шадикширрам. – Вот с врагами задружиться – намучаешься.

Ярви не понаслышке знал, что она права.

– По-вашему, Анкран хотел бы именно этого?

– Умереть? – переспросил Джойд. – Вот уж вряд ли.

– Погребения в огне, – пояснил Ярви.

Джойд скосил глаза на Ничто и пожал плечами.

– Если человеку, не чурающемуся насилия, что-то втемяшится в голову, разубедить его не так-то просто. Тем паче, когда у него из носа еще запах крови не выветрился.

– Да и смысл-то какой выступать? – Сумаэль вновь почесалась через несвежие бинты, которыми Ярви обмотал ее раненую руку. – Те, что там лежат, – мертвы. Отмахнуться от их жалоб проще простого.

– Ты хорошо дрался, Ярви, – окликнул его Ничто. – Как истинный король.

– Разве король позволит другу умереть вместо него? – Ярви виновато поднял глаза на меч Шадикширрам, вспоминая удар за ударом, вспоминая багряный нож в багряной руке, и вздрогнул под чужим плащом. – Разве король ударит женщину в спину?

Изнуренное лицо Ничто и сейчас не просохло от слез.

– Хороший король принесет на алтарь победы любую жертву. Когда надо бить – он ударит кого угодно и как сумеет. Великий воин – тот, кто еще дышит, когда на пир слетаются вороны. Великий король – тот, кто увидит, как горят трупы его врагов. Пускай Отче Мир проливает слезы от выбранных средств. Матерь Война улыбается достигнутой цели.

– Так сказал бы мой дядя.

– Значит, он мудрый человек и достойный враг. Может статься, ты и ему всадишь в спину нож, и мы вместе увидим, как горит его труп.

Ярви осторожно потер распухшую переносицу. Предвешание новых погребальных костров его не обрадовало – и без разницы, кто на них будет гореть. В мыслях раз за разом проносились одна и та же минута – как он быстрым взглядом выдает Анкрана, как разворачивается Шадикширрам, как летит вперед ее клинок. Снова и снова Ярви копался в произошедшем, выстраивал иные развязки – при которых, поступи он иначе, его друг, быть может, остался бы жив. Однако сейчас эти потуги, очевидно, впустую.

Возврата в прошлое нет.

Сумаэль обернулась и настороженно уставилась в ночь.

– Вы не слышите...

– Ни с места! – прогремел голос из темноты, жесткий, как треск хлыста. Сердце у Ярви замерло. Он выгнулся посмотреть назад и увидел там высокого воина, выходящего из-под привратного свода. В свете погребального костра надраенные шлем и доспехи, щит и увесистый меч переливались яркими красками.

– Бросайте оружие! – донесся второй окрик, и другой мужчина выскользнул из теней, наводя натянутый лук. С его висков свисали длинные косицы. Это ванстерец. Следом появились другие, а потом еще, и едва беглецы успели пару раз вдохнуть, их окружила сразу дюжина воинов.

Перед этим Ярви считал, что ниже пасть духом ему уже некуда. Теперь ему открылась вся глубина его просчета.

Глаза Ральфа сдвинулись в сторону его лука – далеко, не достать, – и старый налетчик равнодушно откинулся назад.

– В твоем списке лучших бойцов на каком месте стоят ванстерцы?

Ничто присмотрелся к ним и отвесил кивок:

– При таком количестве – на одном из первых.

Сколько бы сил ни отмерили Ярви боги, в этот день он израсходовал их без остатка. Носком сапога он отодвинул от себя меч Шадикширрам. Джойд поднял пустые руки. Сумаэль подхватила тесак двумя пальцами и отшвырнула в темноту.

– А ты, старикашка? – спросил первый ванстерландец.

– А я обдумываю обстановку. – Ничто еще раз пронзительно скрежетнул оселком по лезвию. С тем же успехом мог бы сразу по нервам Ярви.

– Если последнее слово за сталью, то у них ее целая гора, – шикнул он.

– Клади. – Второй ванстерландец оттянул тетиву до упора. – Или здесь сторит и твой труп. Ничто глубоко всадил меч в землю и вздохнул.

– Он привел убедительный довод.

Трое ванстерцев под присмотром своего капитана выдвинулись вперед, собрать оружие и обыскать, вдруг что осталось..

– Что привело вас, пятерых, в Ванстерланд?

– Мы – путешественники... – промямлил Ярви, глядя, как воины перетряхивают скудное содержимое его мешка. – Наш путь лежит в Вульсгард.

Лучник недоуменно насупился на погребальное кострище.

– Путешественники жгут трупы?

– Куда катится этот мир, ежели простому честному человеку нельзя сжечь труп-другой без обидных подозрений? – возопил Ничто.

– Нас подстерегли разбойники, – ввернул Ярви, стараясь соображать как можно быстрее.

– Вы бы хоть у себя в стране навели порядок, – добавил Ральф.

– Ага, спасибо вам, что помогаете его наводить.

Капитан отряда присмотрелся к горлу Ярви, затем одернул воротник Джойда – и невольничьи отметины показались наружу.

– Рабы!

– Вольноотпущенные, – сказала Сумаэль. – Я их бывшая хозяйка. Купец-мореход. – С этими словами она полезла в полушубок и бережно извлекла оттуда скомканный кусок пергамента. – Меня зовут Эбдель Арик Шадикширрам.

Латник нахмурился на документ Верховного короля, вовремя прибранный с тела настоящей владелицы.

– Какой же из тебя купец, в таких обносках?

– А я и не говорю, что умелый.

– И молодая больно, – добавил капитан.

– А я и не говорю, что бывалый.

– Корабль твой где?

– В море.

– Почему ты не на борту?

– Подумала, будет неглупо сойти, пока он не успел погрузиться на самое дно.

– Тоже мне, скромные купцы, – бросил один.

– С грузом отборной брехни, – прибавил другой.

Капитан пожал плечами.

– Король разберется, кто врет. Связать их.

– Король? – спросил Ярви, подставляя руки.

Латник натянуто улыбнулся.

– Гром-гиль-Горм выехал на север, охотиться.

Похоже, Ральф оказался прав. Никто из них и не думал, что новый враг объявится так быстро.

Любая соломинка

Ярви было не привыкать к суровым мужам. Одним из них был отец. Другим – брат. Еще дюжины каждый день ждали своей очереди на боевой площадке в Торлбю. Сотни их, собравшись в дюнах, смотрели, как кладут в курган короля Атрика. И наутро отправились с юным королем Ярви в его роковой набег на Амвенд. Улыбка появлялась на их лицах только в бою, а ладони стесались под рукояти излюбленного оружия.

Но такого скопления воинов, как привел с собой на охоту Гром-гиль-Горм, он не видал никогда.

– Столько ванстерцев сразу я еще не встречал, – шепнул Ральф. – А я год пробыл в Вульгарде.

– Армия, – буркнул Ничто.

– Страхолюдная, – заметил Джойд.

Воины щетинились оружием и сеяли страх грозным видом. Вместо окриков у них – кинжалы, вместо слов – мечи. Свои шрамы они горделиво, как принцесса драгоценности, выставляли напоказ – под леденящий женский визг, который оказался песней о любви к Матери Войне, в которой пелось о зазубренной стали, пролитой крови и слишком рано оборвавшихся жизнях.

На середину этой медвежьей ямы, между костров, где со свежезабитых туш капал алый сок, пригнали Ярви и его друзей – жалких пленников, хромавших в путах под тычками копий.

– Если ты что-то замыслил, – уголком рта прошипела Сумаэль, – сейчас было бы самое время.

– Один замысел имеется, – ответил Ничто.

– А в нем присутствует меч? – поинтересовался Джойд.

Короткое молчание.

– Как и во всех моих замыслах.

– А у тебя есть меч?

Снова молчание.

– Нет.

– Как же твой замысел сработает без меча? – пробормотала Сумаэль.

И снова. Наконец Ничто пожал плечами:

– Все едино всех нас ждет Смерть.

Там, где эта орда убийц толпилась теснее всего, Ярви подметил громадное сиденье, а на нем громадную фигуру с громадным кубком в громадной руке. Однако вместо привычного страха он почувствовал странное возбуждение, некий намек на удобный случай. Не план и даже не задумка – но, как поговаривала мать Гундринг, *утопающий хватается за любую соломинку*.

– С врагами можно сотворить кое-что и получше, чем просто убить, – прошептал он.

Ничто усмехнулся:

– Например?

– Привлечь их на свою сторону.

И Ярви, глубоко вдохнув, закричал во все горло:

– Гром-гиль-Горм! – От дыма свой голос показался ему резким и сиплым и звучал настолько не по-королевски, что хуже и быть не может. Тем не менее звучал громко, и его слышали по всему лагерю – а это все, что ему было надо. Сотни залитых светом костров физиономий повернулись на крик.

– Король Ванстерланда! Алчущий крови сын Матери Войны! Крушитель Мечей, Творитель Сирот – мы снова встретились! Я...

Удар в живот, который все оценили по достоинству, вышиб из него дыхание, превращая речь в жалобный стон.

– Попридержи язык, мальчуган, не то вырву! – гаркнул капитан, бросая Ярви на колени – тот заходился кашлем.

Но его слова не пропали даром.

Сначала воцарилась глухая, тяжелая тишина. Потом ее сотрясла еще более тяжелая поступь. И, наконец, раскатился напевный глас – сам Гром-гиль-Горм произнес:

– Вы привели гостей!

– Которые больше смахивают на попрошайек. – С тех самых пор, как на него надели ошейник, Ярви не слышал, но сейчас все равно узнал звеневший не раз во снах ледяной голос матери Скейр.

– Мы обнаружили их в эльфийских руинах, над рекой, государь, – сообщил капитан.

– С виду не похожи на эльфов, – промолвила служительница Горма.

– Они жгли трупы.

– Почтенное занятие – предавать огню нужные тела, – кивнул Горм. – Ты говоришь так, словно я тебя знаю. Хочешь поиграть со мной в угадайку?

С трудом обретая дыхание, Ярви поднял голову и, как прежде, у него перед глазами сначала появились черные сапоги, потом пояс, обернутая трижды цепь и где-то там, в вышине, косматая голова короля Ванстерланда – заклятого врага его отца, его страны и его народа.

– В нашу прошлую встречу вы предложили мне кинжал. – И Ярви посмотрел Горму прямо в глаза. Стоя на коленях, оборванный и окровавленный, связанный и побитый, он не отводил взгляд ни на миг. – И велели найти вас, если я передумаю. Вручите ли вы мне его снова?

Государь Ванстерланда нахмурился, постукивая пальцами по звеньям вокруг бычьей шеи – ломаным наверх мечей мертвецов. Другой рукой он аккуратно поправил свои кинжалы, запихивая их поглубже за пояс.

– Пожалуй, так будет неблагоприятно.

– А мне казалось, Мать Войнадохнула на вас в колыбели? Ведь было предсказано, что убить вас не по силам ни одному мужу?

– Боги помогают тем, кто помогает себе сам. – Мать Скейр пальцами впиалась в подбородок Ярви и повернула его лицом к свету. – Это тот поваренок, который попался в Амвенде.

– Точно, – задумчиво протянул Горм. – Но он изменился. Теперь его глаза глядят решительно и сурово.

Мать Скейр прищурила собственные глаза.

– И потерял ошейник, который я подарила.

– Шею слишком натирал. Я не был рожден стать рабом.

– И все-таки ты опять предо мной на коленях, – отметил Горм. – Кем же еще ты был рожден стать?

Вокруг посыпались подхалимские смешки, но над Ярви издевались всю жизнь, и насмешки давно лишились своего жала.

– Королем Гетланда, – ответил он, и в этот раз его голос был холоден и тверд, как сам Черный престол.

– Боги! – услышал он выдох Сумаэль. – Мы покойники.

Горм расплылся в широченной улыбке.

– Одем! А ты здорово помолодел.

– Я племянник Одема. Сын короля Атрика.

Капитан отвесил Ярви тумак по затылку, и тот завалился вперед, прямо на свой сломанный нос. Крайне обидно, ведь со связанными руками он никак не мог избежать падения.

– Сын Атрика погиб вместе с ним!

– У него был и другой сын, болван! – Извиваясь, Ярви снова встал на колени, губы посолонели от крови. Этот вкус ему уже малость приелся.

Цепкие пальцы вздернули Ярви за волосы.

– Ну что, взять его в шуты или повесить как лазутчика?

– Решать не тебе. – Матери Скейр стоило поднять лишь палец, лишь звякнули на ее руке эльфийские запястья, но капитан выпустил его моментально, будто получил крепкую пощечину. – Атрик родил и второго сына. Принца Ярви. Того обучали ремеслу служителя.

– Но на испытание так и не взяли, – продолжил Ярви. – Вместо этого моим стал Черный престол.

– Чтобы Золотая Королева могла остаться у власти.

– Лайтлин. Моя мать.

Мать Скейр изучала его долго-долго. Ярви выпятил подбородок и глядел в ответ с достоинством, настолько напоминавшим королевское, насколько позволяли связанные руки, смрадные лохмотья и идущая из носа кровь. Видимо, все же этого оказалось достаточно, чтобы посеять хоть малое зернышко сомнения.

– Развяжите ему руки.

Ярви почувствовал, как спали перерезанные веревки, и рассчитанным на зрителей жестом медленно поднес к свету левую руку. Шепотки у костров, что всколыхнулись при виде его скрюченного обрубка, в этот раз доставили немалое удовольствие.

– Наверно, вот что вы хотели увидеть, – сказал он.

Мать Скейр взяла его руку в свои, перевернула и помассировала, разглаживая сильными пальцами.

– Раз ты учился у матери Гундринг, скажи, у кого училась она?

Ярви выдал не мешкая:

– Ее наставницей была мать Вексен, в то время служительница Финна, короля Тровенланда, а ныне праматерь Общины и первая из слуг самого Верховного короля.

– Сколько она держит голубей?

– Три дюжины и еще одного, с черным пятнышком над глазом. Когда Смерть отворит перед ней последнюю дверь, он понесет эту весть в Скегенхаус.

– Из какого дерева дверь в покои короля Гетланда?

Ярви улыбнулся.

– Там нет никакой двери, ибо король Гетланда неотделим от своей земли и народа и ничего не должен от них скрывать.

На худощавом лице матери Скейр проступило неверие, к своему удовлетворению отметил Ярви.

Гром-гиль-Горм приподнял косматую бровь.

– Он дал исчерпывающие ответы?

– Да, – промолвила служительница.

– Тогда... сей щенок-калека и в самом деле Ярви, сын Лайтлин и Атрика, законный король Гетланда?

– По моему впечатлению – да.

– Так это правда? – прохрипел Ральф.

– Так это правда! – ахнула Сумаэль.

Горм залился хохотом.

– Выходит, это мой лучший выезд на охоту за много-много лет! Посылай птицу, мать Скейр, и разузнай, чем нам заплатит король Одем, коль мы ему вернем заблудшего племянника. – Король Ванстерланда повернулся, намереваясь уйти прочь. Ярви остановил его, презрительно фыркнув.

– Ха, великий и ужасный Гром-гиль-Горм! В Гетланде вас зовут безумцем, пьяным от крови. В Тровенланде называют королем-дикарем одичалого края. В эльфийских залах Скегенхауса Верховный король... впрочем, там вас едва ли поминают хоть словом.

Ярви услышал встревоженное ворчание Ральфа и подавленный рык капитана, но Горм только задумчиво поковырял в бороде.

– Если так ты решил ко мне подольститься, то получилось как нельзя скверно. К чему ты клонишь?

– Вы подтвердите их правоту? Довольствуетесь огрызком того золотого плода, что вам ниспослали боги?

Король Ванстерланда вскинул бровь на свою служительницу.

– Ради вящего успеха, мои уши разуты.

Продавай то, что им хочется, а не то, что у тебя есть, вечно твердила мать.

– Каждой весной вы собираете рать и идете в набег на приграничье Гетланда.

– Не секрет.

– А этой весной?

Горм поджал губы.

– Прогуляться стоит. Матерь Война требует воздаяния за бесчинства твоего дяди в Амвенде.

Ярви решил не напоминать лишний раз о том, что именно он возглавлял страну в начале этих бесчинств, пусть и не по их завершении.

– Все, о чем я прошу, – в этом году продвинуться немножечко дальше. До самых стен Торлбю.

Мать Скейр с омерзением фыркнула:

– И только?

Но любопытство Горма разбередить удалось.

– Что получу я, оказав тебе такую услугу?

Гордецы, наподобие покойного отца, убитого брата и потонувшего дяди Атиля, безусловно, в свой последний вздох плюнули бы Гром-гиль-Горму в лицо, а не искали б у него помощи. Но у Ярви не осталось гордости. Ее из него выгнал отец, взамен поселив стыд. Подлым обманом вытравил дядя. Вышиб хлыст на «Южном Ветре». Выморозили ледяные пустоши.

Он преклонял колени всю свою жизнь. Склонить их еще разочек было не трудно.

– Помогите мне вернуть престол, Гром-гиль-Горм, и в крови Одема я опущусь пред тобой на колени королем Гетланда – твоим подданным и верным вассалом.

Ничто придвинулся к нему вплотную и разъяренно прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Не такой ценой!

Ярви не обращал на него внимания.

– Атрик, Атиль и Одем. Все трое братьев, твоих величайших врагов, уйдут за Последнюю дверь, и ты станешь вторым на всем море Осколков, уступая в могуществе лишь Верховному королю. А со временем... как знать... может, и первым.

Чем большей властью человек обладает, говорила ему мать Гундринг, тем больше он возжелает еще.

Глас Гром-гиль-Горма прозвучал слегка сипло.

– Это было бы замечательно.

– Безусловно, замечательно, – согласилась мать Скейр, обжигая Ярви еще сильнее прищуренным взглядом. – Было бы только осуществимо.

– Только дайте мне с моими спутниками попасть в Торлбю, и попытка не заставит себя ждать.

– Необычных ты себе выбрал попутчиков. – Мать Скейр оглядела их без восторга.

– Того требуют необычные обстоятельства.

– Что за нескладное создание? – спросил Горм. В то время, как другие беглецы предусмотрительно потупили взор, Ничто выпрямил спину, его непокорные глаза ярко пылали.

– Я – гордый уроженец Гетланда.

– А, он из этих. – Горм улыбнулся. – Мы-то здесь, наверху, привычны к гетландцам побитым и жалким.

– Он – Ничто. Выбросьте его из головы, государь. – Медоточиво мурлыкая, Ярви опять приковал внимание Горма. Таким тоном мать не раз обращалась к матерым рубакам – дюжим в свирепой сече, но глухим к доводам разума. – Если я потерплю неудачу, при вас все равно останется добыча после похода на юг.

Ничто с отвращением зарычал – неудивительно. По земле гетской шествует разорение, города в огне, люди согнаны с обжитых мест или обращены в рабов. А это земля Ярви и его люди – но он уже слишком увяз в трясине, и нет ему возврата. Лишь вперед, сквозь топь, а там – или на дно, если борьба будет напрасной, или с ног до головы в грязи, но дыша – на другой берег. Ему не вернуть Черный престол без войска, а сейчас Матерь Война вложила в его сухую руку ванстерские мечи.

Или, по крайней мере, придавила ванстерскими сапогами его огрубелую шею.

– Вы приобретаете все, – вкрадчиво убеждал он, – ничего не теряя.

– Кроме милости Верховного короля, – возразила мать Скейр. – По его приказу нельзя воевать, пока храм не будет достроен.

– Во времена былые, орлы праматери Вексен носили прошения, – напевную речь Гром-гиль-Горма омрачила гневная нотка. – Потом приносить начали требования. А нынче она шлет приказы. На чем же закончится это, мать Скейр?

Мягко отвечала служительница:

– Нынче за Верховного короля стоит Нижеземье и большинство инглингов. Они восславляют Единого Бога и по велению Ее пойдут и в бой, и на гибель.

– А Ванстерландом нынче тоже правит Верховный король? – насмешливо бросил Ярви. – Иль все же Гром-гиль-Горм?

Мать Скейр сморщила губы.

– Не заигрывайся с огнем, малыш. Каждый держит ответ перед кем-то.

Но Горм уже был далеко отсюда – метал огонь и обрушивал меч на гетландские усадьбы.

– Могучи стены города Торлбю, – прошелестел он, – и много могучих мужей заступит на их оборону. Слишком много. Будь по силам мне взять этот град, скальды уже распевали бы хвалу моей победе.

– Не бывать такому! – прошептал Ничто, но никто его не слушал. Сделка свершилась.

– В том-то и самая радостная весть, – проворковал Ярви. – Вам надо будет лишь подождать у стен. Торлбю вам преподнесу я.

Часть 4

Законный король

Вороны

От ветра Ярви натянул повыше меховой воротник дареного плаща и шмыгнул носом, вдохнув соленый, пряный привкус моря. Вместе с вонью налегавших на весла рабов. Когда он был одним из них, то привык не замечать эту вонь и преспокойно спал, уткнувшись Ральфу в подмышку. От него самого тогда несло крепче некуда. Но от того, что было тогда, сейчас лучше пахнуть не стало.

В общем-то, стало хуже.

– Бедолаги, – Джойд с неодобрением посмотрел через перила высокого юта на надрывававшихся внизу рабов. Для такого крепкого здоровилы он обладал чересчур слабым сердцем.

Ральф поскреб в седовато-каштановых волосах, нависших на уши, несмотря на, как обычно, лысое темя.

– Неплохо было бы их освободить.

– И как мы тогда доберемся до Торлбю? – задал Ярви вопрос. – Кто-то должен грести. Сядешь на весло сам?

Одновесельники пристально уставились на него.

– А ты изменился, – произнес Джойд.

– Не по своей воле. – С этими словами он отвернулся от них и от банок, на которых в свое время пахал до полусмерти. Сумаэль стояла у борта, соленый ветер трепал ее волосы, теперь длинные, цвета воронова крыла, и она улыбалась.

– Кажется, ты довольна, – обрадовался Ярви, видя, что рада она. Видеть такое ему доводилось не часто.

– Хорошо снова выйти в море. – Раскинув руки, она побултыхала кистями. – Без оков.

Его улыбка увяла – ведь его оковы просто так не разбить. Он их выковал сам, своей клятвой. Сам приковал себя к Черному престолу. И теперь эта цепь тянет его обратно в Торлбю. А девушка, рано или поздно, окажется на четвертьдеке другого судна. Того, что унесет ее на юг, к Первому Граду. Унесет от него навсегда.

Ее улыбка тоже пожухла, будто сошлись их мысли, и они отвели глаза друг от друга и в неловком молчании смотрели, как мимо уныло тянется Отче Твердь.

Две остервенело враждующие страны – Ванстерланд и Гетланд – выглядели, в общем-то, одинаково. И там и тут бесплодные взморья, леса и торфяники. Людей попадалось немного, да и те, заметив корабль, испуганно спешили в глубь суши. Сощурившись и повернувшись на юг, он увидел небольшой зубец на мысу, над ним белесое небо пачкал дымок из труб.

– Что тут за город? – спросил он у Сумаэль.

– Амвенд, – сообщила она. – Неподалеку граница.

Амвенд, куда он водил набег. То есть без щита плюхнулся с корабля и угодил в западню. Значит, вот она, башня, где погиб Кеймдаль. Где его предал Хурик. Откуда Одем сбросил его вниз, в горькие морские воды, навстречу куда горшему уделу раба.

Ярви только сейчас заметил, что уже до боли вмял сморщенную ладонь в перила. Он отвел глаза от земли – на белопенную воду за кормой. Рябь от ударов весел таяла без следа. Неужели то же самое будет и с ним? Канувшим в никуда и забытым?

Сестра Ауд, подмастерье, которую мать Скейр отправила вместе с ними, рассматривала его не таясь. Хитрым, вороватым взглядом. А потом быстро опустила глаза и что-то вывела угольным стержнем – на ветру трепетала и колыхалась тонкая полоска бумаги.

Ярви подошел к ней не спеша.

– Приглядываешь за мной?

– Сами знаете, что да, – не отрываясь от письма, ответила та. – Для того я и здесь.

– Ты мне не веришь?

– Я всего лишь передаю матери Скейр то, что вижу воочию. Верить вам или нет, решает она.

Служительница была маленькой и круглолицей, одной из тех, чей возраст тяжело угадать. Вместе с тем, Ярви полагал, что она не старше его.

– Когда вы прошли свое испытание?

– Два года назад, – ответила та, отгораживая плечом клочок бумаги.

Он бросил попытки подсмотреть ее записи. Так и так служители пишут своими, особыми знаками – вряд ли он их прочитает.

– Каково оно?

– Если подготовиться, то не трудно.

– Меня готовили на совесть, – сказал Ярви, мысленно возвращаясь в ту ночь, когда из ненастья явился Одем. Он помнил, как отражалось в склянках пламя, помнил ласковые морщинки матери Гундринг, четкие и ясные вопросы и ответы. На него навалилась тоска по той, простой жизни, когда не нужно было ни убивать никаких дядь, ни исполнять никаких клятв, ни совершать такой трудный выбор. Тоска по травам и книгам и тихому слову. Ему стоило сил загнать ее вглубь – сейчас ей предаваться нельзя.

– Но возможности пройти испытание у меня не было.

– Невелика потеря. Сперва долго дрожишь снаружи. Потом на тебя невыносимо долго пялятся старухи. – Она окончила послание и закатала его в крохотную гранулу. – И в конце праматерь Вексен достаивает тебя поцелуем.

– И как?

Сестра Ауд пшикнула и глубоко вздохнула.

– Праматерь, неоспоримо, мудрейшая из женщин, но мне бы хотелось принять последний поцелуй от кого помоложе. Видела я и Верховного короля, издали.

– Один раз и я видел. Старый он был, низенький и жадный. На все вечно жаловался и боялся садиться за стол. Но с ним было много могучих воинов.

– Ну, значит, время его не коснулось. Разве только теперь он поклоняется Единому Богу, еще сильнее одержим властью и, по мнению всех, не выдерживает более часа подряд без сна. А число его воинов умножилось.

Она подвернула полог клетки. Сидевшие в клетке птицы не шевельнулись, не встрепенились от света – лишь пялились на Ярви дюжиной пар немигающих глаз. Птицы черного цвета.

Ярви нахмурился.

– Вороны?

– Ага. – Засучив рукав, сестра Ауд отомкнула дверцу, просунула внутрь белую руку и умело схватила птичье тельце. Затем вытащила птицу наружу – тихую и спокойную, будто вырезанную из угля.

– Мать Скейр уже несколько лет голубей не использует.

– Совсем?

– Пока я ходила в подмастерьях – ни разу. – Она прикрепила послание к вороньей лодыжке и мягко продолжила:

– Ходит слух, что голубь от матери Гундринг попытался выцарапать ей глаза. Она считает голубей ненадежными. – Сестра прильнула к птице и прокурлыкала:

– Мы в дне от Торлбю.

– Торлбю, – произнесла ворона трескучим голосом. Сестра Ауд подкинула ее в воздух. Птица забила крыльями и полетела на север.

– Ворона, – прошептал Ярви, глядя, как та скользит почти по краю белогривых волн.

– Заверяешь своего хозяина в послушании?

Ничто встал рядом с Ярви. Он по-прежнему обнимал свой меч как возлюбленную, хотя теперь у того имелись отличные ножны.

– Гром-гиль-Горм мой союзник, а не хозяин, – ответил Ярви.

– Конечно. Ведь ты больше не раб. – Ничто легонько потер шрамы на задубелой шее. – Я еще не забыл, как с нас сняли ошейники на том гостеприимном хуторе. Перед тем, как Шадик-ширрам спалила его. Нет, ты не раб. И все-таки тебя припекло встать перед ванстерцами на колени!

– Когда я заключал договор, на коленях стояли мы все, – зарычал Ярви.

– Вот я и хочу выяснить – мы на коленях до сих пор? Немногих друзей ты себе завоеуешь, если возьмешь Черный престол с помощью худшего недруга Гетланда.

– Завоюю друзей потом, когда окажусь на престоле. Меня больше волнует, как с него врагов согнать. Что я должен был делать? Позволить ванстерцам отправить нас на костер?

– Умереть от рук Горма или продать ему нашу родину? Быть может, стоило поискать тропу посередине двух крайностей.

– Давненько таковая не попадалась, – сжав зубы от злости, выдавил Ярви.

– Найти ее непросто, но именно этой тропой следуют короли. Попомни, за сделку еще придется расплачиваться.

– Ты, Ничто, скор на вопросы, да с ответами припоздал. Не ты ли поклялся мне помогать?

Ничто сузил глаза, порыв ветра захлестнул его волосы на изрубленное в боях лицо.

– Я принес клятву, и я исполню ее или умру.

– Отлично, – отворачиваясь, произнес Ярви. – Ловлю на слове.

Внизу галерные невольники, стиснув зубы, проливали пот, порою хрипло кряхтя от усилий – по рядам рыскал надсмотрщик, с кнутом, свитым кольцами за спиной. Вылитый Тригг на палубе «Южного Ветра». Ярви прекрасно помнил, как мышцы ломила боль и как удары бича, казалось, ломали спину напополам.

Но чем ближе манил Черный престол, тем тяжелее на плечи давила клятва и тем быстрее у него кончалось терпение.

Кто-то должен грести.

– Прибавь хода, – зарычал он надсмотрщику.

Дом твоего врага

Сумаэль соскочила на пристань и двинулась проталкиваться к столу, за которым, со стражей по бокам, располагалась портовая смотрительница. Ярви вслед за ней, чуть-чуть менее ловко и гораздо менее властно спустился по сходням и ступил на твердую землю. По земле своей по праву державы он шел надвинув капюшон и пряча глаза. За ним молча шли остальные.

– Меня зовут Шадикширрам, – объявила Сумаэль, небрежно раскрывая бумагу и швыряя ее на стол, – вот мое разрешение на торговлю от Верховного короля, заверенное рунной печатью праматери Вексен.

Перед этим они подождали, пока у стола не окажется младшая из смотрительниц, надеясь, что та отмахнется от них и просто пропустит. Вместо этого женщина, теребя пальцами ключи на шее – один от ее усадьбы, второй от портовых кладовых – внимательно изучала разрешение. Достаточно долго, чтобы все задержались. На Ярви накатила дурнота от тревоги, когда он подметил, что уголок документа побурел от высохшей крови. Разумеется, крови настоящей владелицы, пролитой Ярви собственноручно. Смотрительница пригляделась к Сумаэль и проговорила именно те слова, которых он до жути боялся:

– Вы не Шадикширрам. – Один из стражников слегка сдвинул руку в кольчужной перчатке на древке копья, тут же Ничто подвинул заткнутый за пояс большой палец поближе к мечу, и тревожная дурнота Ярви переросла в ужас. Неужто здесь все и кончится? В грязной стычке у причалов?

– Она не раз сходила на берег, обычно под мухой...

Сумаэль со страшной силой врезала кулаком по столешнице, и смотрительница оторопело отшатнулась, когда ей рявкнули прямо в лицо:

– Ты говоришь о моей доброй матушке, Эбдель Арик Шадикширрам, и в другой раз – выбирай выражения! Она отправилась в Последнюю дверь. Утопла в ледяных северных водах. – Ее голос сломался, и она утерла тыльной стороной ладони сухие глаза. – Свое дело мама передоверила мне, любимой дочери – Сумаэль Шадикширрам. – Она схватила разрешение со стола и опять заорала, обдавая слюной стражу, смотрительницу, а заодно и Ярви: – А я веду дела с королевой Лайтлин!

– Она больше не...

– Ты поняла, о ком я! Где Лайтлин?

– Обычно она у себя в казначействе.

– У меня к ней разговор! – Сумаэль развернулась на каблуках и гордой походкой направилась прочь от пристани.

– Она не рада посетителям... – растерянno пролепетала вслед смотрительница.

Когда Ярви и остальные проходили мимо, сестра Ауд приятельски похлопала по столу.

– Если вас это утешит, она обрадуется встрече не меньше нашего.

– Представление на ура, – произнес Ярви, поравнявшись с Сумаэль. Они шли по рядам, где свисала свежая рыба, валялись сети и рыбаки выкрикивали цену на утренний улов. – Что бы без тебя с нами было?

– Сама едва не обоссалась, – шикнула она в ответ. – Кто-нибудь за нами идет?

– Даже не смотрит. – Портовая смотрительница уже вовсю срывала расстройство на новых прибывших, и скоро они потеряли ее из вида.

Наконец-то он дома. Однако Ярви чувствовал себя чужестранцем. По сравнению с прошлым все помельчало, нет того оживления, пустые причалы и стойла, брошенные дома. Сердце подсказывало всякий раз, когда объявлялось знакомое лицо. Точно вор, навещающий место своего преступления, он глубже втискивался под капюшон, и какая бы ни стояла холодрыга, спина чесалась от пота.

Если его узнают, об этом скоро услышит государь Одем и не мешкая поспешит закончить то, что начал на крыше Амвендской башни.

– Так вот они – курганы твоих предков?

Ничто сквозь спутанную шевелюру тарашил глаза на север, вдоль длинного изгиба безлюдного побережья с травянистыми холмиками, высившимися по краю. Самый ближний, крутобокий, пестрел зеленью не дольше нескольких месяцев.

– Моего убитого отца Атрика. – Ярви подвигал челюстью. – И утонувшего дяди Атиля, и прочих королей, что правили Гетландом во тьме веков.

Ничто поскреб обросшую, грязную щеку.

– Свою клятву ты принес перед ними.

– Так же, как ты предо мною – свою.

– Не страшись. – Ничто ухмыльнулся, пока они пробирались сквозь толчею у ворот внешних городских стен. Той сумасшедшей, яркоглазой ухмылкой, которая только нагоняла на Ярви страху. – Плоть забывчива, но сталь – никогда.

Похоже, сестра Ауд знала дороги Торлбю лучше Ярви – уроженца и сына этого края. Его повелителя. Служительница вела их узкими улочками, зигзагами взбегавшими в гору, высокие и узкие дома мостились между скалистых выступов – сквозь кожу города проступали серые кости Гетской земли. Сестра вела их через мостки над полноводными протоками, где рабы наполняли кувшины для богачей. В конце концов она привела их на вытянутый, зауженный двор в тени угрюмой цитадели. Крепости, в которой Ярви родился и рос; беспрестанно унижался; учился, чтобы стать служителем; и однажды узнал, что стал королем.

– Вот и дом, – сказала сестра Ауд. Дом стоял у всех на виду. В прошлом Ярви часто здесь проходил.

– Для чего служителю Горма держать дом в Торлбю?

– Мать Скейр говорит, что мудрый служитель знает жилище врага лучше собственного. Ярви хрюкнул:

– Мать Скейр не меньше матери Гундринг любит меткие поговорки.

Ауд повернула ключ.

– Они в ходу у всей Общины.

– Возьми Джойда. – Ярви потянул Сумаэль в сторонку и негромко добавил: – Ступайте в казначейство и найдите мою мать. – Если им улыбнется счастье, то Хурик будет на боевой площадке.

– И что я скажу? – спросила Сумаэль. – Что ее кличет мертвый сын?

– И что он, наконец, научился застегивать плащ. Приведи ее сюда.

– А если она мне не поверит?

Ярви представил себе лицо матери таким, как бывало, когда она опускала на него свой суровый взгляд. Весьма вероятно, что она усомнится.

– Тогда мы придумаем что-нибудь другое.

– А если она не поверит и прикажет меня казнить за нанесенное оскорбление?

Ярви помолчал.

– Тогда я придумаю что-нибудь другое.

– Кому среди вас была ниспослана недобрая погода и дурное оружие в схватке? – раскатился по площади звонкий голос. Перед величественным, недавно возведенным зданием с беломраморными колоннами собралась толпа. Перед толпой в рубище из мешковины стоял жрец. Раскинув руки, он воплями доносил до народа свое послание. – Чьи молитвы многим богам остались безответны?

– Мои молитвы всегда были настолько безответны, что я и молиться перестал, – проворчал Ральф.

– И нету в том удивления! – возвестил жрец. – Ибо нет на свете многих богов, но Бог едина! Никакие чары искусных эльфов не смогли сокрушить Ее! Объяття Единого Бога и врата Ее храма распахнуты настезь перед каждым из вас!

– Храма? – Ярви нахмурился. – Мать строила здесь монетный двор. Она собиралась чеканить монеты, все до одной равного веса. – Теперь же над входом парило солнце о семи лучах – солнце Единого Бога, бога Верховного короля.

– Она дарует вам свой кров, свою милость и свое пристанище! – горланил жрец. – Требуя взамен лишь одно: возлюбите Ее так, как она любит вас!

Ничто сплюнул на камни.

– Что с этой любовью станут делать боги?

– Здесь многое поменялось, – промолвил Ярви. – Окинув глазами площадь, он еще чуточку ниже натянул капюшон.

– Новый король, – Сумаэль облизнула шрам на губе, – новые порядки.

Небывалые ставки

Все услышали, как отворилась дверь, и Ярви оцепенел. Все услышали стук сапог в коридоре, и Ярви через силу сглотнул. Дверь в покои раскрылась, и Ярви сделал шаг навстречу, и замер, не в состояниидохнуть...

Пригибаясь, вошли два раба – ладони на мечах. Два здоровенных инглинга в серебряных ошейниках. Ничто ощерился, сверкнула сталь – он потянул клинок из ножен.

– Нет! – выпалил Ярви. Этих двух он знал. Рабы его матери. А вот, в сопровождении Сумаэль, в комнату влетела та, кому они принадлежали.

И она не изменилась.

Статная и суровая, умощенные золотые волосы уложены сияющими завитками. На ней были драгоценности, но из тех, что поскромней. Великий ключ королевы, ключ от казны Гетланда, исчез с цепочки, ему на место пришел ключ поменьше, инкрустированный черными рубинами, похожими на капли пролитой крови.

Это Ярви тяжело было убедить спутников в своем королевском титуле, достоинство же и величие его матери само собой озарило комнату до самых углов.

– Боженьки, – прохрипел Ральф и, морщась, преклонил колени. А за ним поспешно опустились сестра Ауд, и Джойд с Сумаэль, и два раба. Ничто стал на колени последним, уперев глаза, как и кончик меча, в пол, так что на ногах остались только Ярви и его мать.

Она не отдала должное их порыву. Она безотрывно смотрела на Ярви, а тот на нее, словно никого больше не было рядом. Она двинулась к нему, не улыбаясь и не хмурясь, и остановилась немного поодаль – такая красивая, что глазам было больно смотреть, и он почувствовал, как их обожгло слезами.

– Мой сын, – прошептала она – и обхватила его, и прижала к себе. – Сынок. – И обняла так крепко, что ему стало даже немножко больно, и его лоб увлажнился от ее слез, а ее плечо – от его.

Ярви вернулся домой.

Прошло какое-то время, прежде чем мать отпустила его, продолжая держать за плечи и осторожно утирать его слезы со щек. До него дошло, что теперь он смотрит ей в лицо, не поднимая головы. Значит, он вырос. Вырос во многих смыслах.

– Видимо, твоя подруга сказала правду, – проговорила она.

Ярви медленно кивнул:

– Я живой.

– И научился застегивать плащ, – добавила она, потянув застежку и убеждаясь, что плащ затянут туго.

Она слушала его рассказ молча.

Молча выслушала о набеге и сожжении Амвенда. О предательстве Одема и о том, как Ярви падал в соленые морские воды.

Неужто Гетланду достанется полкороля?

Молча она слушала и о том, как его обратили в раба и как раба продали. Лишь глаза ее то и дело возвращались к отметинам на его шее.

Одни негодные отбросы.

Под ее молчание он сбежал с корабля, сносил долгие муки во льдах, бился за жизнь среди эльфийских развалин – и Ярви не переставая думал о том, какая прекрасная из этого получилась бы песня. Ему бы только дожить до поры, когда слова положат на музыку.

Сами знаете, в хорошей песне не все герои доживают до конца.

И когда повествование дошло до гибели Анкрана, а затем до смерти Шадикширрам, Ярви вспомнил багряный нож в руке, вспомнил, как хрипел он, и хрипела она, и у него перехватило горло. И он закрыл глаза, не в силах говорить дальше.

В бою нужны обе руки. Но заколоть в спину хватит и одной.

А потом на его ладонь легла ладонь матери.

– Я горжусь тобой. И отец бы гордился. Важно только одно – ты вернулся ко мне.

– За это благодари вот этих четверых, – вымолвил Ярви, сглотнув кислые слюны.

Мать окинула его спутников внимательным взглядом.

– Я благодарна всем вам.

– Да ничего такого, – буркнул Ничто, не поднимая глаз и пряча лицо за копной спутанных волос.

– Приму с честью, – сказал Джойд, склоняя голову.

– Без него и мы не добрались бы, – промычал Ральф.

– Он с каждой милей раздражал, как болячка в заднице, – сказала Сумаэль. – В следующий раз я точно оставляю его в море.

– И где ты тогда сыщешь корабль, который повезет тебя домой? – ухмыльнулся Ярви.

– О, я придумаю что-нибудь другое, – съязвила она в ответ.

Мать не присоединилась к их смеху. Она подметила каждую черточку во взглядах, которыми они обменялись, и глаза ее сузились.

– Что мой сын для тебя, девочка?

Сумаэль растерянно моргнула, и ее смуглые щеки покрылись краской.

– Я... – Ярви впервые видел, как ей не хватило слов.

– Она – мой друг, – ответил он. – Она рисковала своей жизнью ради моей. Она – мой одновесельник. – Он промедлил мгновение. – Она – входит в мою семью.

– В самом деле? – Мать по-прежнему не спускала с Сумаэль проницательных глаз, а та вдруг заинтересовалась узором на полу. – Значит, должна входить и в мою.

По правде говоря, Ярви был далеко не уверен, что они такое друг для друга, и меньше всего хотел вываливать свои отношения на суд матери.

– А тут все переменилось. – Он кивнул за окно. Снаружи жрец Единого Бога продолжал бубниво увещевать свою паству.

– Тут все пошло прахом. – Взгляд матери вернулся к нему, исполненный гнева. – Я едва успела относить по тебе траур, как к матери Гундринг прибыл орел. Меня пригласили в Скегенхаус на свадьбу Верховного короля.

– Съездила?

Она фыркнула.

– И тогда и сейчас мне их мероприятие не по сердцу.

– Почему?

– Потому что праматерь Вексен приглашает меня в качестве невесты.

Ярви вытаращил глаза:

– Ого!

– То-то и оно, что ого! Они решили повесить мне на шею ключ этого высохшего скелета, чтоб я крутилась, превращая их солому в золото. Тем временем этот змей, твой дядюшка, со своей подкольной дочкой препятствуют мне на каждом шагу. От всей черной души стараются разрушить все, что построила я.

– Истриун? – пробормотал Ярви, слегка поперхнувшись. «Моя нареченная», едва не добавил он, но, бросив взгляд на Сумаэль, решил промолчать.

– Знаю я ее имечко, – зарычала мать. – И произносить не желаю. Они разорвали договоренности, над которыми мы трудились годами. Добытых неимоверной ценою друзей превратили во врагов в одночасье. Отобрали товары у заграничных купцов и прогнали их с рынков.

Если их цель – пустить Гетланд по миру, то поработали они на славу! Мой монетный двор отдали под храм ложному богу Верховного короля, выдали?

– Похоже на то.

– Единый Бог стоит над всеми богами, как один Верховный король восседает над прочими! – Она безрадостно расхохоталась так внезапно, что Ярви подскочил. – Я воюю с ними, но меня теснят. Я знаю поле боя до тонкостей, но в их руках Черный престол. И у них – ключ от казны. И все равно я сражаюсь изо дня в день, не брезгуя любой тактикой и любым оружием.

– Кроме меча, – буркнул Ничто, не поднимая глаз.

Мать устремила кинжальный взор на него.

– Дойдет и до этого. Но Одема не относится к своей безопасности спустя рукава. И за его плечами – все воины Гетланда. А у меня в усадьбе наберется только четыре десятка. И еще Хурик.

– Нет, – перебил Ярви. – Хурик – человек Одема. Это он пытался меня убить.

Глаза матери поползли.

– Хурик – мой Избранный Щит. Он ни за что меня не предаст.

– Меня он предал, не моргнув глазом. – Ярви вспомнил, как кровь Кеймдаля брызнула ему на лицо. – Поверь. Мне не скоро забыть ту минуту.

Она оскалила зубы и пристукнула дрожащим кулаком по столу.

– Я утоплю его в болоте. Но чтобы одолеть Одема, нам нужно войско.

Ярви облизал губы.

– Есть у меня одно – и оно уже приближается.

– Неужели вместо сына ко мне возвратился волшебник? Откуда оно взялось?

– Из Ванстерланда, – ответил Ничто.

Настала каменная тишина.

– Ясно, – пылающий взор матери обратился к сестре Ауд, которая изобразила примирительную улыбку, а потом прочистила горло и потупилась в пол. Немногие смотрели куда-то еще в присутствии матери. – Ты заключил союз с Гром-гиль-Гормом? С тем, кто убил твоего отца, а тебя продал в рабство?

– Он не убивал отца, я в этом уверен. – На три четверти уверен, если точнее. – Одема убил твоего мужа и сына, своего брата и племянника. А нам приходится хватать любых союзников, каких бы ни принесло ветром.

– И какую цену запросил Горм?

Ярви поводил языком по пересохшему небу. Ему бы стоило догадаться, что Золотая Королева не упустит подробности сделки.

– Я склоню перед ним колени и стану его вассалом.

В углу покоев разъяренно зарычал Ничто.

Зрачки матери сжались в точки.

– Наш король на коленях перед самым ненавистным врагом? Что скажет о такой сделке с дьяволом наш народ?

– Когда тело Одема утопят в трясине, пусть говорят, что хотят. Лучше королем на коленях, чем во весь рост гордым нищим. Встану позже, ничего страшного.

Уголок ее губ тронула улыбка.

– Ты куда более мой сын, чем отца.

– И этим горд.

– Однако же. Тыпустишь этого мясника в Торлбю? Устроишь из нашего города скотобойню?

– Он лишь наживка для городских ратников, – начал объяснять Ярви. – Горм выманит их из цитадели. А мы проберемся под скальными туннелями, запечатаем намертво Воюющие Врата и захватим Одема без охраны. Сможешь отыскать нам бойцов, готовых на это?

– Вероятно. Думаю, да. Но дядя твой не дурак. Что, если он не сунется в вашу ловушку? Что, если он оставит своих людей в цитадели, укроется и переждет?

– И прослышет трусом под насмешки Крушителя Мечей у самого порога? – Ярви придвинулся к матери, глядя ей прямо в глаза. – Ни за что. Я сидел там, где сидит он, и мне его мысли знакомы. Одем пока не обжился на Черном престоле. Никто не славит его великих побед, потому что их нет. А есть память об отце, и ходят предания о дяде Атиле – ему придется с ними соперничать. – И Ярви осклабился, потому как знал, каково это – прозябать в тени брата.

– Одем не откажется от золотой возможности сделать то, что не удавалось братьям. Разгромить Гром-гиль-Горма и объявить себя могучим военачальником.

Улыбка расплылась на лице матери, и Ярви стало интересно: смотрела ли она на него с восхищением прежде хотя бы раз?

– Твоему брату досталось многое помимо здоровых рук, но весь разум боги приберегли для тебя. Ты сделался очень проницательным, Ярви.

Похоже, правильно примененный дар сопереживания – убийственное оружие.

– Годы подготовки ко вступлению в Общину не прошли даром. Однако ж помощь от кого-нибудь, близкого к Одему, подпитывает шансы на успех. Надо сходить к матери Гундринг.

– Нет. Она – служитель Одема.

– Она – мой служитель.

Мать покачала головой.

– В лучшем случае ее верность расколется надвое. Кто знает, что она посчитает наибольшим благом? И без этого столько всего может пойти не так.

– Но на кону так много. Небывалые ставки означают неслыханный риск.

– Означают. – Она встала, отряхнула юбки и задумчиво на него посмотрела. – Когда же любимый мой сын заделался таким игроком?

– Когда дядюшка швырнул меня в море и отобрал мои наследные права.

– Он тебя недооценил, Ярви. Как, впрочем, и я. Правда, я с радостью готова учиться на ошибках. – Ее улыбка угасла, а голос принял мертвенный оттенок. – А его ждет кровавая расплата. Отсылай птицу Гром-гиль-Горму, сестричка. Передай – мы ждем его с нетерпением.

Сестра Ауд низко поклонилась.

– Слушаюсь, о королева, но... стоит отослать – и обратной дороги не будет.

Мать Ярви разразилась лающим смехом.

– Спроси у своей госпожи, сестра. Я не из тех, кто отступает на полпути. – Потянувшись через стол, она положила сильную руку на слабую руку Ярви. – Не из тех и мой сын.

Во тьме

– Опасно же до черта, – прошептал Ральф, и тьма поглотила его слова.
– Жить вообще опасно, – ответил Ничто. – Все дни, начиная с рождения.
– Все равно – можно с криком и голой задницей броситься в Последнюю дверь, а можно осторожно двинуться в другую сторону.

– Смерть проведет нас туда, в какую сторону ни двинься, – промолвил Ничто. – Я встречаю ее в лицо по доброй воле.

– Тогда в следующий раз я по доброй воле свалю от тебя подальше, ладно?

– Хватит балаболить! – зашипел Ярви. – Вы как старые шавки над последней костью.

– Не всем же вести себя по-королевски, – пробормотал Ральф, не слишком тая усмешку. Пожалуй, коль человек каждый день на твоих глазах гадил в ведро, принять то, что он восседает между богами и людьми – непросто.

Взвизгнули шкворни, покрытые многолетней ржавчиной, и в облаке пыли ворота раскрылись. Один из инглингов матери протиснулся в узкий сводчатый проход и хмуро оглядел остальных.

– Тебя заметили?

Невольник покачал головой, повернулся и тяжело затопал по лестнице, поднимаясь до низкого потолка. Ярви задумался, стоит ли ему доверять. Мать считала, что стоит. Вот только и Хурику она доверяла. Ярви перерос детское предубеждение, будто родители знают все.

За прошедшие месяцы он перерос все разновидности предубеждений, какие есть.

Лестница выходила в огромную пещеру. Шероховатый, с выбоинами свод затянуло коркой натеков, на кончиках их зубьев в свете факелов искрились капельки.

– Мы под крепостью? – спросил Ральф, встревоженно вылупившись наверх, на невообразимую тяжесть камня над головой.

– Скала источена ходами, – сказал Ярви. – Древними туннелями эльфов и подвалами людских поселений. Потайными дверями и глазками. Некоторым королям и всем служителям нравится передвигаться скрытно. Но так, как мне, эти пути никому не известны. Я прожил в темноте полдетства. Прятался то от отца, то от брата. Скитался из одного места в другое. Наблюдал незримо и представлял, будто участвую в том, что вижу. Сочинял себе жизнь, в которой бы не был изгоем.

– Какая грустная история, – прошелестел Ничто.

– Жалкая. – Ярви задумался о себе помоложе, о том, как хныкал в темноте, как отчаянно желал, чтобы кто-нибудь на него набрел, понимая, однако, – никому до него дела нет; и с отвращением к прежнему бессилию встряхнул головой. – Но она пока что способна неплохо закончиться.

– Способна. – Ничто огладил стену. Облицована эльфийским камнем без стыков. Прошли тысячи лет, а он гладок, будто выложен только вчера. – Тут люди твоей матери смогут проникнуть в цитадель незаметно.

– Пока ряды ратников Одема выходят над нами на бой с Гром-гиль-Гормом.

Инглинг поднял руку и оборвал их разговор.

Коридор оканчивался округлым стволом колодца. Высоковерху – кружок света, далеко внизу мерцает вода. Вкруг шахты колодца вилась лестница. Супеньки до того узкие, что Ярви прижимался к стене, скребя лопатками гладкий эльфийский камень, а носки сапог скользили по краю. На лбу выступил пот. На половине подъема к ним с высоты устремился какой-то вихрь, и Ярви отдернулся, когда нечто внезапно мелькнуло перед носом, – и упал бы, не подхвати его за руку Ральф.

– Не хотелось бы, чтобы ведро оборвало твое недолгое царствование.

Ведро плеснуло где-то далеко под ними, и Ярви глубоко вздохнул. Не хватало ему еще заново окунаться в ледяную воду.

Вокруг них необычайно громко зазвенело эхо женских голосов.

– ...нее до сих пор слышно одно лишь нет.

– А вам захотелось бы замуж за старого сморчка, после мужчины навроде Атрика?

– Ее хотение побоку. Если король восседает между богами и людьми, то Верховный король восседает между богами и королями. Никто во веки веков не отказывал...

Подъем продолжался. Новые ступеньки, новые тени, новые постыдные воспоминания. Стена из грубого камня, на вид куда древнее той, что внизу, но на деле на тысячи лет моложе. Солнечный свет играл, проникая через решетки под потолком.

– Сколько бойцов наняла королева?

– Тридцать три, – бросил через плечо инглинг. – Пока что.

– Людей опытных?

– Людей. – Инглинг пожал плечами. – А убивать им или умирать – это как повезет.

– О скольких то же самое сказал бы Одем? – спросил Ничто.

– О многих, – ответил инглинг.

– Здесь не меньше их четверти. – Ярви приподнялся на цыпочках к забранному решеткой отверстию.

Сегодня боевую площадку расчертили во дворе цитадели. Один из углов отмечал старый кедр. Воины упражнялись со щитами, строились клиньями и заслонами и по команде рассыпались поодиночке. Сталь поблескивала под жиденьким солнцем, грохотала о дерево. Отовсюду шорох переступающих ног. Приказы мастера Хуннана хрустели на морозце: сомкнуть щиты, держаться соплечника, низкий выпад – вот так же он гавкал и на Ярви, с поразительно малым успехом.

– Великое множество мужей, – проговорил Ничто, вечно склонный к преуменьшениям.

– Хорошо обученных и закаленных в боях, на их собственном ратном поле, – добавил Ральф.

– На моем поле, – процедил сквозь зубы Ярви. Он повел друзей дальше, узнавая каждую ступеньку и каждый камушек. – Гляди. – Он привлек к себе Ральфа и придвинул его к новой решетке – сквозь нее просматривался вход в крепость. Клепаные дубовые двери настежь раскрыты, по бокам стоит стража, но сверху, в тени свода, мерцала полоска начищенной меди.

– Воюющие Врата, – прошептал он.

– Отчего их так нарекли? – поинтересовался Ральф. – Оттого, что мы завоем, когда дело пойдет не так?

– Плюнь ты на имя. Они рушатся с высоты и перекрывают вход в цитадель. Механизм собирали шестеро служителей. На весу их держит один серебряный костыль. Они всегда под охраной, но в надвратный каземат ведет потайная лестница. Когда наступит наш день, мы с Ничто берем дюжину воинов и захватываем его. Ральф, ты выводешь лучников на крышу, будьте наготове сделать из дядиной стражи подушечки для булавок.

– Узорчики из них выйдут красивее некуда.

– В нужное время мы мигом вытащим штырь. Ворота рухнут, и Одем замурован в ловушке. – Перед Ярви встала картина ужаса на лице дяди после падения врат, и ему не в первый раз очень захотелось, чтобы на деле все прошло так же гладко, как на словах.

– Одем в западне... – во тьме сверкнули глаза Ничто. – Вместе с нами.

Во дворе радостно зашумели в честь окончания последнего упражнения. Одна половина выиграла, другая – лежала ничком.

Ярви кивнул безмолвному инглингу.

– Раб покажет вам дорогу. Выучите весь путь.

– А ты куда собрался? – спросил Ральф и неуверенно прибавил: – Государь?

– Я еще кое-что должен сделать.

Затаив дыхание, чтоб не выдать себя малейшим звуком, Ярви прокрался сквозь душную тьму к тайной дверце между ног Отче Мира, прижался к смотровой щели и уставился на Зал Богов.

Полдень еще не настал, и король Гетланда находился где и полагалось – на Черном престоле. Трон стоял к Ярви спинкой, поэтому Одемова лица тот не видел – лишь контур плечей да отсверк венца в волосах. Справа от него сидела мать Гундринг, рука служительницы подрагивала под тяжестью прямо стоящего посоха.

Ниже тронного возвышения, в едином море залитых тусклым светом лиц, стоял цвет знати Гетланда. Великие и благородные – а также чахлые и захудалые. Блестели шлифовкой ключи и искусные пряжки, на губах – угодливые улыбки. Когда над отцом насыпали курган, те же самые мужчины и женщины проливали слезы и с тоской вопрошали: кто теперь сыщется подобный ему? Уж наверняка не искалеченный шут, его младший сын.

И, не сгибая прямую спину, на нижних ступенях стояла мать. Позади нее громадой нависал Хурик.

Лица Одема не видать, зато голос лжекороля раскатывался по всему священному залу. Спокойный и уравновешенный, как и прежде. Терпеливый, словно зима, и Ярви пробрало зимней стужей, когда он его услышал.

– Разрешит ли уважаемая сестра осведомиться, когда она намерена совершить путешествие в Скегенхаус?

– Как только позволят обстоятельства, государь, – отвечала мать. – Неотложные нужды хозяйства страны пока не...

– Теперь я ношу ключ от казны.

Ярви скосил глаз в прорези и по другую сторону Черного престола увидел сидящую Истриун. Его невесту. Вдобавок невесту брата. Ключ от казны висел у нее на шее и, судя по всему, тяготил не столь ужасно, как она некогда опасалась.

– Я готова уладить ваши дела, Лайтлин.

Ее тон слабо напоминал ломкий голосок боязливой девчушки, с трудом пропевшей обеты в этом самом чертоге. Он сравнил блеск в ее зрачках тогда, когда она в первый раз прикоснулась к Черному престолу, с тем, как они горят сейчас, при виде сидящего на троне отца.

С тех пор, как Ярви отбыл в Амвенд, не только он изменился.

– Не затягивай с решением, – прозвучал голос Одема.

– Вы гордо восстанете над всеми нами – Верховной королевой, – добавила мать Гундринг. На миг блеснул отлив темного эльфийского металла – служительница качнула посохом.

– Или склонюсь перед праматерью Вексен – ее счетоводом, – отрезала мать.

После некоторого молчания Одем мягко произнес:

– Бывают ведь судьбы и горше, сестра. Мы обязаны делать то, что должно. Наш долг – поступать во благо Гетланда. Позаботься об этом.

– Государь, – поклонившись, выдавила она сквозь зубы, и хоть Ярви не раз об этом мечтал, в нем вспыхнула злость при виде ее унижения.

– Теперь оставьте меня наедине с богами, – произнес Одем, мановением руки отсылая челядь. Двери раскрылись, благородные мужи и жены, выразив поклонами безмерное почтение, потекли вереницей на свет. Среди них шла и мать Ярви, в сопровождении Хурика; следом поспевала мать Гундринг, и, наконец, Истриун просияла улыбкой у порога – точно так же, как некогда улыбалась Ярви.

Гулко стукнули двери, и воцарилась звенящая тишина. Одем с мучительным стоном сорвался с Черного престола, словно сиденье раскалилось. Он повернулся, и у Ярви в груди замерло дыхание.

Дядино лицо было совершенно таким же, как ему помнилось. Сильным, с твердыми скулами и сединой в бороде. Очень похожим на лицо отца, только даже родной сын навряд ли бы разглядел в чертах короля Атрика заботу и нежность.

Сейчас пора нахлынуть ненависти. Ненависти, которая сметет все страхи и утопит неотвязные сомнения в том, что вырвать Черный престол из дядиных рук стоит той кровавой цены, уплатить которую наверняка придется.

Но вместо этого при виде лица врага, убийцы родных и похитителя королевства, сердце Ярви не выдержало и потрясло изгнанника неожиданным приливом любви. К единственному в семье человеку, кто дарил ему свою доброту. К единственному, у кого он чувствовал искреннюю приязнь. К единственному, с кем он чувствовал себя достойным этой приязни. А потом Ярви потрясло скорбью от потери того единственного человека, и на глаза навернулись слезы, и он давил костяшки кулаков о холодный камень, проклиная себя за слабость и безволие.

– Хватит на меня глазеть!

Ярви отшатнулся от прорези, но взгляд Одема был устремлен вверх. Стук его неторопливых шагов отражался эхом в бархатной полутьме необъятного чертога.

– Вы меня бросили? – выкрикнул он. – Так же, как я бросил вас?

Он разговаривал с янтарными изваяниями под куполом. Он обращался к богам, и никому не пришло бы в голову назвать спокойным его хриплый голос. Вот дядя снял королевский венец, что когда-то носил и Ярви, и, гримасничая, почесал отметину, которую обруч оставил на лбу.

– Что я мог сделать? – прошептал он. Так тихо, что Ярви с трудом разобрал слова. – Все мы кому-то служим. За все платим свою цену.

И Ярви припомнил последние слова Одема – словно острые ножи, пронзившие его память.

Из вас получился бы превосходный шут. Но неужели моей дочери и в самом деле придется выйти за однорукого недомерка? Куклу-калеку, на веревочке у матери?

И вот теперь в нем вскипела ненависть. Горячо и обнадеживающе. Не он ли давал клятву? Ради отца. Ради матери.

Ради себя.

Тоненько звякнув, острие меча Шадикширрам покинуло ножны, и Ярви прижал шишку левой руки к потайной дверце. Толкнуть как следует – и она распахнется. Один раз толкнуть, три шага вперед и выпад – и всему этому настанет конец. Он облизал губы и провернул в руке рукоять. Расправил поудобнее плечи – в висках шумела кровь.

– Довольно! – взревел Одем, гулом зашлось эхо, и Ярви снова застыл. Дядя рывком опять нахлобучил на себя королевский венец. – Что сделано, то сделано! – Он погрозил кулаком потолку. – Если вам хотелось иного, что ж вы не остановили меня? – И он развернулся на каблуках и твердой походкой вышел из зала.

– Они послали меня, – прошептал Ярви, вдевая меч Шадикширрам обратно в ножны. Не пора. Еще нет. Не настолько просто. Но все его сомнения выжгло напрочь.

Даже если придется утопить Торлбю в крови.

Одем умрет.

В бой за друга

Ярви налег на весло изо всех сил, сознавая, что бич уже занесен. Он тянул и рычал, напрягая все мышцы, вплоть до обрубка пальца на бесполезной руке, но в одиночку его ни за что было не сдвинуть.

Мать Море с ревом крушила доски в трюме «Южного Ветра», и Ярви неуклюже, отчаянно хватался за лестницу и смотрел, как гребцы натягивают цепи, тужатся вдохнуть последний глоток воздуха перед тем, как над их головами сомкнется вода.

– Ушлые и глупые ребяташки тонут, в общем-то, одинаково, – заявил Тригг, с ровненько расколотого черепа сбегала кровь.

Ярви сделал еще один заплетающийся шаг в безжалостную метель, поскальзываясь, шатаваясь на горячем, гладком, как стекло, камне. Как бы ни старался он поднажать, по пятам зубами клацали псы.

Гром-гиль-Горм скалил алые зубы, лицо великана испещрили кровавые капли, и пальцы Ярви перебирали его ожерелье.

– Я иду-у, – пропел он, словно ударил в колокол. – И Мать Война шествует со мною!

– Ну как, готов встать на колени? – спросила мать Скейр, сверкая эльфийскими браслетами на руках, а на ее плечах хохотали и хохотали вороны.

– Он уже и так на коленях, – обронил Одем, упираясь в подлокотники Черного престола.

– Всю жизнь простоял, – улыбалась и улыбалась Истриун.

– Мы все кому-нибудь служим, – сказала прамать Вексен, с голодным блеском в глазах.

– Хватит, – просипел Ярви. – Довольно!

И вышиб потайную дверь, и хлестнул изогнутым мечом наотмашь. Анкран вспучил глаза, когда клинок вошел в него.

– Последнее слово скажет сталь, – проскрипел он.

Шадикширрам хрипела и молотила локтями, пока Ярви наносил удар за ударом. Поддаваясь металлу, чавкала плоть. Повернув голову, женщина улыбнулась.

– Идет, – прошептала она. – Он уже близко.

Ярви пробудился, мокрый от пота, опутанный одеялами, он колошматил перину.

Дьявольская рожа, из тени и пламени, смердя дымом, нависла над ним. Он дернулся в сторону, а затем, с облегчением охнув, понял, что это Ральф в темноте держит факел.

– Гром-гиль-Горм выступил, – сообщил он.

Ярви раскидал одеяла. Гул, искаженный гам, пробивался сквозь ставни. Грохот. Крики. Колокольный звон.

– Он перешел границу во главе более чем тысячного войска. Возможно, сотысячного, смотря каким слухам верить.

Ярви никак не мог проморгаться ото сна.

– Уже?

– Он движется стремительно, как огонь, и сеет такой же хаос повсюду. Гонцы с трудом опережают его. Он всего лишь в трех днях от города. В Торлбю переполох.

Внизу сквозь ставни едва сочилась предраассветная серость, высвечивая бледные лица. Едва обоняемый запах дыма щекотал ноздри. Запах дыма и страха. Еле слышно отсюда жрец надломленным голосом скликал народ поклониться Единому Богу и тем спастись.

Поклониться Верховному королю и стать рабами.

– Твои вороны не мешают, сестра Ауд, – сказал Ярви.

– Как я и говорила вам, государь. – Ярви вздрогнул от этого слова. Оно по-прежнему звучало издевкой. Так издевкой и будет, пока не умрет Одем.

Он посмотрел на одновесельников. Сумаэль и Джойд нянчились с собственными тревогами. Ничто не прятал в ножнах ни алчной улыбки, ни начищенного клинка.

– Это мое сражение, – проговорил Ярви. – Если кто-нибудь из вас откажется, я не стану его винить.

– Я и мой меч присягнули дойти до конца. – Ничто большим пальцем стер с лезвия пятнышко. – Лишь одна дверь преградит мой путь – Последняя.

Ярви кивнул и здоровой рукой стиснул его предплечье.

– Притворяться не буду, мне не понять твою преданность, но я тебе за нее благодарен.

Остальные не столь безоглядно ринулись в бой.

– Не хочу врать, говоря, что меня не волнует соотношение сил, – высказался Ральф.

– Оно волновало тебя и в приграничье, – возразил Ничто, – а в итоге мы положили всех врагов в погребальный костер.

– И друга. И попали в плен к озлобленным ванстерцам. Озлобленные ванстерцы снова здесь, и, случись нашему замыслу пойти вкривь, навряд ли мы уболтаем отпустить нас восвояси, каким бы языкастым ни был наш юный король.

Ярви опустил скрюченную кисть на эфес меча Шадикширрам.

– Тогда вместо нас заговорит наша сталь.

– Легко сказать, пока она в ножнах. – Сумаэль насуплено покосилась на Джойда. – Нам, пока мечи не завели беседу, наверно, лучше обратиться на юг.

Джойд переводил взгляд с Ярви на Сумаэль и обратно, и его плечища обмякли. *Мудрые терпеливо ждут своего часа, но ни за что его не упустят.*

– Если уйдете, я вас благословляю, только я был бы рад, останься вы со мною, – промолвил Ярви. – Вместе мы встречали невзгоды на «Южном Ветре». Вместе мы оттуда сбежали. Вместе мы противостояли холоду и преодолели льды. Точно так же мы преодолеем и это. Все вместе. Только взмахнем веслом еще раз, бок о бок.

Сумаэль растерянно повернулась к Джойду:

– Ты не воин и не король. Ты пекарь.

Джойд искоса поглядел на Ярви и вздохнул.

– И гребец.

– Поневоле.

– Не так и много важных событий случается в жизни по нашей воле. Что за гребец, который бросает товарища?

– Этот бой – не наш! – с нажимом прошипела Сумаэль.

Джойд пожал плечами.

– Бой моего друга – мой бой.

– А как же самая вкусная на свете вода?

– Она останется столь же вкусной и после. А может, и вкуснее. – И Джойд вымученно улыбнулся Ярви. – Раз надо таскать мешки – не хнычь, а начинай перетаскивать.

– Под конец, того и гляди, захнычем мы все. – Сумаэль шагнула к Ярви, пронзая темными глазами до дна. Вытянула руку, и у него занялся дух. – Прошу тебя, Йорв...

– Меня зовут Ярви. – И, хоть и было больно, он встретил ее взгляд с каменной, под стать матери, твердостью. Он бы с удовольствием взял ее за руку. Сжал бы ее в ладони, как прежде, в снегах, и пусть эта рука поведет его к Первому Граду. С удовольствием бы снова стал Йорвом и ко всем чертям послал Черный престол.

Он принял бы ее руку с любовью – но своей слабости потакать он не мог. Ни за что на свете. Он дал клятву, и одновесельники нужны ему здесь, при себе. Необходим Джойд. Необходима она.

– Ну а ты, Ральф? – спросил он.

Ральф причмокнул, аккуратно свернул язык трубочкой и метко харкнул в окно.

– Раз пекарь идет сражаться, куда деваться воину? – Его широкое лицо переломила ухмылка. – Мой лук – твой.

Сумаэль уронила руку и уставилась на пол, скривив губы.

– Под властью Матери Войны что остается делать мне?

– Ничего, – без лишних слов проронил Ничто.

Уговор с Матерью Войной

Голубятня все так же громоздилась наверху одной из высочайших башен цитадели. Все так же изнутри и снаружи она была изгажена вековым птичьим пометом. Все так же сквозь ее многочисленные окна дул промозглый сквозняк.

Но прежде настолько промозглым он не был.

– Боги побрали б такую холодину, – пробубнил Ярви.

Сумаэль – жесткие контуры рта на суровом лице – не отняла от глаз подзорной трубы.

– То есть до этого сильнее ты не мерз?

– Сама знаешь, мерз. – Они мерзли оба, там, среди трескучих льдов. Вот только тогда между ними пылала искорка, которая его согревала. Теперь он погасил ее окончательно.

– Извини, – добавил он, а получилось – обиженно буркнул. Она хранила молчание, а он продолжал плести свое, сам того не желая: – За то, что сказала мать... за то, что я упрямил Джойда остаться... за то, что не...

У нее задвигались скулы.

– Королю, несомненно, не за что извиняться.

Он вздрогнул при этих словах.

– Я тот же самый человек, кто ночевал с тобою на «Южном Ветре». Тот самый, кто брел с тобою в снегах. Все тот же.

– Да ну? – Она наконец на него посмотрела, но взгляд ее ничуть не смягчился. – Вон над тем холмом. – Она передала подзорную трубу. – Дым.

– Дым, – заскрипел какой-то голубь. – Дым.

Сумаэль с опаской его оглядела, в ответ другие птицы из клеток вдоль стены повернули к ней немигающие глаза. Все, кроме бронзовокрылого орла, огромного и величавого. Должно быть, он прибыл от праматери Вексен с очередным предложением, а то и приказом матери Ярви выйти замуж. Орел горделиво чистил перья и даже свысока не удостоил людей вниманием.

– Дым, дым, дым...

– Можешь сделать так, чтоб они прекратили? – попросила Сумаэль.

– Птицы, как эхо, повторяют обрывки посланий, которым их обучают, – пояснил Ярви. – Не бойся. Им невдомек их смысл. – Вот только дюжины пар птичьих глаз повернулись к нему, как одна, а головы подались вперед, вопросительно внемля – и вновь заставляя Ярви задуматься: может, в отличие от них, это ему невдомек? Он отвернулся к окну, прижал трубу к глазу и увидел в небе извилистую дымную стежку.

– В той стороне усадьба. – Ее владетель шествовал среди тех, кто скорбел и заламывал руки, когда отца положили в курган. Ярви попытался не думать, был ли хозяин на своем подворье, когда нагрянул Гром-гиль-Горм. А если не был, то кто оставался там приветствовать гостей из Ванстерланда и что теперь с ними стало...

Мудрый слугитель отмеряет наибольшее благо, говорила мать Гундринг, и отыскивает наименьшее зло. Неужели мудрому королю тоже не дано ничего другого?

Он отвел трубу от горящего хутора, изучая зубчатый, холмистый горизонт – и на мгновение уловил блеск стали на солнце.

– Ратники. – Изливаясь из распадка меж холмами, они спускались по северному тракту. Едва ползли, как древесная смола зимой – так казалось отсюда, и Ярви, невольно закусив губу, поторапливал их про себя.

– Королю Гетланда, – пробормотал он под нос, – не терпится, чтобы воинство ванстерцев напало на Торлбю.

– Какую только похлебку не заварят боги, – заметила Сумаэль.

Ярви поднял глаза на купол свода – там отшелушивалась краска, которой были нарисованы боги в обликах птиц. Тот, Кто Приносит Вести. Та, Что Колышет Ветви. Та, Что Изрекла Первое Слово И Изречет Последнее. И по центру купола, с багровыми крылами, кроваво улыбалась Матерь Война.

– Признаю, тебе я редко возносил молитвы, – зашептал ее образу Ярви. – Отче Мир мне всегда был нужнее. Но в день сей ниспошли мне победу. Верни мне Черный престол. Ты испытала меня – и я выдержал испытание. Я – готов. Я не тот прежний дурачок, не дитя и не трус. Я – король Гетланда по праву.

Какой-то голубь выбрал эту минуту, чтобы сбросить на пол, недалеко от него, сгустки помета. Матерь Война ответила?

Ярви заскрежетал зубами.

– Коли судила ты мне королем не бывать... коль суждена мне нынче Последняя дверь... позволь хоть сдержать мою клятву. – Он сжал кулаки, какие ни есть, добела. – Отдай мне жизнь Одема. Дай мне отмщение. Ниспошли мне лишь это, и я упокоюсь.

Не молитва о возвращении, из тех, каким учат служителей. Не молива о даровании или созидании. Дарование и созидание для Матери Войны – ничто. Она – похитительница, сокрушительница, вдов породительница. Все, что волнует ее, – кровь.

– Король умрет, – выдохнул он.

– Король умрет! – надтреснуто закричал орел. Вытянувшись в клетке, он расправил крылья, и казалось, весь чертог заволокло тьмой. – Король умрет!

– Пора, – произнес Ярви.

– Превосходно, – произнес Ничто. Голос его звенел металлом сквозь длинную прорезь закрывавшего лицо шлема.

– Превосходно, – произнесли сразу оба инглинга. Один из них раскрутил могучую секиру – игрушку в его кулачищах.

– Превосходно, – негромко прошептал Джойд с видом, далеким от счастья. В чужом боевом облачении ему неуютно, а глядеть на соратников, присевших на корточки в тени эльфийского туннеля, – неуютно вдвойне.

Положа руку на сердце, они и в Ярви не вселяли уверенности. То был отряд страхолудин, вставший под его начало с помощью материнного золота. Каждая страна вокруг моря Осколков и несколько более отдаленных краин поделились парой своих худших сынов. Тут были висельники и налетчики, морские разбойники и колодники, на лбах иных выколоты их преступления. У одного, с вечно слезящимся глазом, все лицо синело такими наколками. Мужики без государя и чести. Мужики без правил и совести. Не говоря о трех женщинах-шендках, увешанных острыми клинками и мускулистых, как каменотесы. Эти развлекались, скаля заостренные напильником зубы на любого, кто бы на них ни взглянул.

– Такому народу я бы с бухты-барахты жизнь свою не доверил, – осторожно отвернувшись, шепнул Ральф.

– Что можно сказать о нашем деле, – негромко добавил Джойд, – когда все достойные люди собрались на стороне противника?

– Достойных людей созывают для многих дел. – Ничто, тщательно прилаживая, покрутил туда-сюда шлем. – Убийство короля в их число не входит.

– Это не убийство, – рыкнул Ярви. – А Одем – не настоящий король.

– Шшшш, – Сумаэль подняла глаза к потолку.

Сквозь камень просочился неясный гомон. Крики, быть может, лязг оружия. Едва различимый отголосок поднятой тревоги.

– Там прознали о подходе наших друзей.

Ярви сглотнул нервный ком в горле.

– По местам.

Все действия были не раз отработаны. Ральф взял с собой дюжину умелых лучников. Каждый инглинг повел свою дюжину прятаться в укромных местах, поблизости от внутреннего двора. Оставшаяся дюжина тихо потянулась вверх по витой лестнице, вслед за Ничто и Ярви. К цепному каземату над единственным входом в крепость. К Воющим Вратам.

– Поосторожнее, – прошептал Ярви, останавливаясь у потайной дверцы. Слова едва проталкивались сквозь стянутое горло. – Эти люди, внутри, нам не враги.

– На сегодня за врагов сойдут и они, – ответил Ничто. – А Матерь Война не терпит осторожности. – Он со всего маху пнул дверцу и нырнул внутрь.

– Гадство! – буркнул Ярви, поспешно шаркая следом.

Скупой свет лился из окон-прорезей в полумглу каземата. На нижних галереях грохотали сапоги, эхо усиливало их топот. За столом сидели двое мужчин. Один повернулся, и улыбка на его губах осеклась при виде обнаженного меча.

– Кто вы та...

Пересекая полоску света, вспыхнула сталь, и его голова, влажно чпокнув, отлетела и покатилась в угол. Чудаковатая нелепость, потешная сценка на весенней ярмарке – но здесь не звучал детский смех. Ничто прошел мимо осевшего тела, схватил другого за руку – тот уже вставал – и всадил меч ему в грудь. Стражник оторопело охнул и потянулся к боевому топору на столе.

Ничто аккуратно оттолкнул стол сапогом за пределы досягаемости, вытянул меч обратно и мягко усадил стражника к стене. Тот беззвучно содрогался, по мере того, как Смерть приоткрывала перед ним Последнюю дверь.

– Цепной каземат в наших руках. – Ничто через проем всмотрелся в темноту у дальней стены, затем захлопнул дверь и опустил засов.

Ярви опустился на колени рядом с умирающим. Он его знает. Вернее, знал. Ульвдем, так его звали. Не друг, но и не худшая сволочь. Однажды он даже подарил Ярви радость – улыбнулся шутке, которую тот произнес.

– Обязательно было их убивать?

– Да нет. – Ничто бережно вытер насухо меч. – Пускай Одем королевствует себе и дальше.

Наемные разбрелись по надвратной, косясь на главную, центральную часть комнаты и всего замысла – Воющие Врата. Их подошва была притоплена в пол, а верх уходил в потолок – неярко переливалась стена начищенной меди, выгравированная на ней сотня лиц рычала, голосила, стонала в страхе и боли, и лики перетекали один в другой, точно отражения в пруду.

Сумаэль осмотрела это чудо, уперев руки в боки.

– Кажется, начинаю догадываться, почему их прозвали Воющими Вратами.

– Воистину, чудовищная поделка – а мы на нее уповаем, – промолвил Джойд.

Ярви скользнул кончиками пальцев по металлу, холодному и пугающе твердому.

– Спору нет, чудовищная – если свалится тебе на голову.

Возле исполинской махины, на постаменте с именами пятнадцати богов, располагалась мешанина сцепленных шестерней, встроенных колесиков, витых цепей и обводов – даже натасканный глаз служителя был бессилен разобраться в их работе. Из середины торчала серебряная спица.

– Вот здесь основной механизм.

Джойд придвинулся и потянулся туда.

– Всего-то и надо – вытащить этот палец?

Ярви шлепком отбросил его руку.

– В нужный момент! В самый последний. Чем больше бойцов Одема выйдет против Гром-гиль-Горма, тем вернее мы добьемся успеха.

– Твой дядя вышел с речью, – позвал Ничто, стоя у одного из зауженных окон.

Ярви высвободил ставни другого и всмотрелся во двор. Знакомая зеленая поляна меж высоких серых стен, на том конце раскинул ветви древний кедр. Там собирались дружинники, кто-то впопыхах вооружался, кто-то уже строился идти на бой. Уяснив их количество, Ярви вытаращил глаза. Навскидку, сотни три, а снаружи цитадели наверняка готовятся выступить куда больше. Над ними, на мраморных ступенях Зала Богов, в мехах и посеребренной кольчуге, надвинув на бровь королевский венец, стоял дядя Одем.

– Кто подступил к стенам Торлбю? – проревел он собравшимся воинам. – Гром-гиль-Горм, Крушитель Мечей!

Дружина притопнула и извергла целый шторм проклятий с ушатами оскорблений вперемишку.

– Тот, кто убил Атрика – вашего короля и моего брата!

В ответ на это прозвучал вопль гнева, и Ярви одернул себя, чтоб не вторить ему от такой бессовестной лжи.

– Но исполнясь бахвальства, он привел с собой малое войско! – вскричал Одем. – За нас – правда, за нас – родная земля, у нас больше людей и лучше выучка! Позволим ли мы этой армии отребья простоять подле курганов моих братьев Атрика и Атиля, подле кургана моего деда Ангульфа Копыто, Молота Ванстерланда, еще хотя бы минуту?

Дружина заколотила оружием по щитам и щитами по доспехам и проревела, что нет, не позволим.

Одем протянул руки, его оруженосец, склонив колено, вручил королю меч, и тот вытянул клинок из ножен и воздел над головой. Сталь, выйдя из тени на солнце, сверкнула так ослепительно, что Ярви на миг пришлось отвести взгляд.

– Итак, почтим же Матерь Войну и устроим в ее честь багряный день! Оставим стены за спиной и гордо выйдем в поле и допрежь заката на этих же стенах увидим головы Гром-гиль-Горма и его псов-ванстерцев!

– Посмотрим, чью голову к вечеру посадят на стену, – проговорил Ярви, и эти слова утонули в хвалебном вопле гетландских воинов.

Тех воинов, которые должны были восхвалять его.

– Они выходят сражаться, – сказал Ничто, когда дружинники стали покидать двор, строясь звеньями стены щитов – каждый знал свое место и за соплечника был готов умереть. – Ты верно разгадал настрой своего дяди.

– И гадать было нечего, – сказал Ярви.

– Твоя мать права. – Глаза Ничто блеснули во тьме прорези шлема. – Ты сделался очень проницательным.

Первыми шли самые молодые бойцы, некоторые моложе, чем Ярви. Постарше, взматеревшие в битвах, двигались следом. Войско топало, проходя под Воющими Вратами, лязг доспехов гремел в цепном каземате. Тени ползли по изрытым рожам разбойников, когда те нагибались над смотровыми щелями в полу, чтобы получше разглядеть шествующих. И с каждым воином в проходе под ними радость Ярви росла, ведь соотношение сил улучшалось, но рос и страх – ибо тот самый миг был уже совсем близок.

Миг возмездия. Или мгновение гибели.

– Король выступает, – сказала Сумаэль, укрывшись в тени у другого окна. Одем шагал к воротам сквозь ряды своих закаленных бойцов, с оруженосцем, щитоносцем и хоругвеносцами за спиной, на ходу хлопая ратников по плечам.

– Наше время еще не подоспело, – буркнул Ничто.

– Сам вижу, – шикнул Ярви. Сапоги топали и топали, люди вытекали из цитадели, но на внутреннем двореке их оставалось еще очень много. Неужели он столько вынес, столько выстрадал, стольким пожертвовал для того, чтобы в последний момент Одем извернулся и соскочил с крючка? Ярви бестолково шерудил своим обрубком – пот покрывал даже пальцы.

– Я тяну спицу? – откликнулся Джойд.

– Еще нет! – пискнул Ярви, костеня от ужаса, что их услышат через щели в полу. – Рано!

Одем шагнул вперед, скоро он скроется из вида под аркой прохода. Ярви поднял руку, готовый махнуть Джойду и вместе с ладонью обрушить вниз всю тяжесть Воющих Врат.

Даже если этим выносил всем своим приговор.

– Государь! – На ступенях Зала Богов стояла мать Ярви. За ее плечом горою высился Хурик, за другим – мать Гундринг горбилась над посохом. – Брат!

Дядя остновился и нахмуренно обернулся.

– Одем, прошу, одно слово!

Ярви едва отваживался дышать, боясь хоть чем-то нарушить хрупкое равновесие этой минуты. Время замедлило ход, когда Одем сперва посмотрел на ворота, потом на мать, а потом, чертыхаясь, быстро двинулся к ней вместе с ближайшей свитой.

– погоди! – выдохнул Ярви, и Джойд с широченными глазами разомкнул стиснувшие спицу пальцы.

Ярви едва не вылез в окно, холодный ветер целовал залитые потом щеки, но расслышать, что было сказано на ступенях Зала Богов, так и не удалось. Мать припала к ногам Одема, прижала ладони к его груди, покаянно склонила голову. Вероятно, смиренно оправдывалась за упрямство, за непокорство воле брата и Верховного короля. Вероятно, клялась в послушании и вымаливала прощение. Затем она взяла руку Одема своими двумя и прикоснулась к ней губами – и Ярви покрылся мурашками.

Дядя посмотрел на мать Гундринг и едва-едва кивнул. Его служительница ответила взглядом и едва-едва пожала плечами. После этого Одем прикоснулся к щеке бывшей королевы и пошел прочь, к вратам, в окружении бойкой стайки слуг и ближней дружины.

Последний ручеек воинов, спешащих к своим братьям, утекал из цитадели. Во дворе осталось не больше трех дюжин. Мать сцепила руки и подняла голову к надвратной башне. Ярви вообразил, что она, быть может, заметила его взгляд.

– Благодарю тебя, о Мать, – прошептал он. И снова поднял сухую руку, готовясь махнуть Джойду. Снова смотрел, как Одем приближается к воротам. Но взамен прежнего, когда ему показалось, что боги разнесли в пух и прах его планы, на этот раз он видел – они предоставляют ему шанс.

– погоди, – прошептал он, и от жара произнесенного слова защеколало губы.

– погоди. – Настал тот день. Настал тот час.

– погоди. – Настал тот миг. – Давай!

Он рубанул искалеченной рукой, и, сколь ни была слабой, она, благодаря изобретательности шестерых искусников прошлого, обрушилась с весом могучей горы. Джойд выдернул штырь, и шестерни закрутились вихрем, и цепь рванула зубцы, и причина, по которой так нарекли врата, стала ошеломляюще ясной. С визгом и воем всея мертвых в преисподней, с порывом урагана, что сорвал с Ярви шлем, а самого откинул к стене, Воющие врата ухнули в пол.

Их столкновение с камнем привратного туннеля со страшным грохотом потрясло цитадель до самих источенных эльфами корней и намертво запечатало вход стеной металла. Такого веса, что для того, чтобы ее поднять, пришлось бы напрячься и самому Отче Тверди.

Пол закружился, закачался, и на миг Ярви показалось, что от удара обрушится и надвратная башня. Он нетвердо подковылял к смотровой расщелине, пытаясь стряхнуть головокружение и звон в ушах. Скальный проход под ними был полон приближенных Одема. Некоторые шатались, обхватив руками головы. Иные непослушными пальцами тянулись к оружию. Кто-то толпился у врат и беззвучно кричал, беззвучно, бездумно, бесполезно колотил застывшие в воплях лики. Посреди всего замешательства стоял лжекороль, пристально разглядывая пото-

лок. Его глаза встретились с глазами Ярви, и лицо его залила бледность, словно перед ним предстал демон, когтями продравшийся обратно через Последнюю дверь.

И Ярви улыбнулся.

А потом кто-то схватил его за плечо.

Ничто тряс его, тащил и орал в лицо, губы шевелились в прорези шлема, но с них слетал лишь неразличимый лепет.

Ярви перебирал непослушными ногами. Пол успокоился, выровнялся. Вниз по витым ступеням, наскакывая на стены, за спиной пихают, подгоняют бойцы. Ничто плечом толкает створку. Дверь раскрывается настежь. Темноту озаряет яркий свет из прохода во двор, и заговорщики вырываются на свежий воздух.

Последняя дверь

Во внутреннем дворе крепости властвовал хаос.

Мелькало, взмывая, оружие, и разлетались обломки, сталь сталкивалась со сталью, и рычание кривило лица, проносились стрелы и падали тела – беззвучно, словно во сне.

По его задумке, нанятые матерью рубаки высыпали из потайных укрытий и ударили закаленным воинам Одема в спину. Многих посекали на месте, других погнали по двору – тут и там валялись их кровавые трупы. Но те, кто пережил первое потрясение, взялись за оружие и давали яростный отпор. Бой рассыпался на одиночные схватки. В полнейшей тишине Ярви смотрел, как давешняя шендка пыряет ножом мужчину, в то время как тот краем щита вспарывает и надсекает ее лицо.

По его задумке, Ральф со своими лучниками отправили в полет охапку стрел. Беззвучно стрелы поднялись в воздух, беззвучно обрушились вниз, впиваясь в щиты Одемовой ближней дружины, плотно сгрудившейся вокруг своего короля. Кому-то чиркнуло по лицу оперенным древком. Тот едва ли обратил внимание, по-прежнему указывая мечом на Зал Богов и ревя беззвучные команды. Другой опустился наземь со стрелой в бок и цеплялся за ногу воина рядом, который пинком откинул от себя его руку и продолжал пятиться.

Битва всех превращает в животных, говорил прежде отец.

На глазах Ярви оскалившийся головорез, с клеймом «овцекрад» на щеке, зарубил безоружного раба, из рук того выпал кувшин с водой и разбился о стену.

По его ли замыслу все это шло? Об этом ли он молился? Он широко распахнул дверь и выклянчил у Матери Войны согласие зайти в гости. И теперь у него не хватит сил прекратить бойню. Ни у кого сил не хватит. Просто выжить – задача уже не из легких.

На его глазах Ничто подсек одному воину ноги, другого, повернувшегося убежать, полоснул по спине, третьего так двинул щитом, что тот врезался в низкую стенку колодца и перевалился туда, исчезая из вида.

В глухом оцепенении он вынул из ножен меч Шадикширрам. Вроде бы так полагается в битве мужчинам? Боги, каким же он оказался тяжелым. Ярви толкали, пробегая мимо, стремясь поскорей присоединиться к безумству, но его ноги вросли в землю намертво.

На его глазах отворились двери Зала Богов. Стража Одема сплотилась, прикрывая проход щитами, утыканными стрелами, как ель иголками. Лжекороля уводили прятаться в тень.

Ярви указал на них мечом и прокричал:

– Туда!

Глухота спадала. Вполне, чтобыхватило расслышать за спиной тяжелый топот и вовремя обернуться.

Но ни на что другое.

Сталь ударила в сталь, и меч перекутило в ладони, почти выбило из руки. Перед ним промелькнуло загрубелое лицо Хурика, долетел обрывок его утробного рыка, и щит врезался Ярви в грудь, приподнял над травой и отбросил на пару шагов. Ярви ударился лопатками о землю и застонал.

Хурик рыскнул глазами, изогнулся, принимая на щит взмах секиры – от силы удара в воздухе завертелись щепки. Джойд напал с диким ревом и рубил наотмашь, как обезумевший дровосек неподатливое бревно. Хурик подался, отступил, отразил второй удар, а третий оказался неровным, и опытный воин, изготовившись в стойке, зацепил и отвел тяжелое лезвие в сторону. Разминувшись с его плечом на ладонь, оно чавкнуло, впиваясь в дерн. Воин кромкой щита хватил Джойда по голове, когда тот покачнулся вслед за секирой – а затем, накоротко рубанув мечом, вырвал у Джойда оружие.

Видимо, с Избранным Щитом королевы пекарю не сравниться, насколько б хорошим человеком тот ни был.

В черной бороде Хурика забелели оскаленные зубы. Молниеносный укол мечом, и клинок погрузился под ребра Джойда по рукоять.

– Нет, – выхаркнул Ярви, силясь встать, но одного желания не всегда бывает достаточно.

Джойд повалился на колени, лицо смяло болью. Хурик водрузил сапог ему на плечо и высвободил меч, а потом пинком распластал на траве. И повернулся к Ярви.

– Давай-ка закончим то, что в Амвенде начали.

Он шагнул вперед, алый меч занесен. Хотелось бы Ярви встретить смерть с улыбкой – только немногим, пусть и королям, достает отваги перед распахнутым зевом Последней двери. Может статься, королям – меньше других. Он отодвигался ползком, выставив перед собой сухую руку, словно она могла оградить от клинка.

Хурик скривил губы.

– Да, из тебя такой король, что...

– Это мы увидим, какой.

Подбородок Хурика резко дернулся, и под прядями седеющей бороды сверкнул металл. Кинжал, заточенный до ледяного блеска. Возле него, со сведенной от злобы челюстью и суженными глазами, выросло лицо матери.

– Бросай меч, Хурик.

На миг тот замешкался, она же наклонилась к его уху и прошептала:

– Ты меня знаешь. Куда лучше многих. Неужто и впрямь... – и она начала проворачивать лезвие, пока по толстой шее телохранителя не побежала кровь, – ...ты усомнился в моей решимости?

Хурик сглотнул и вздрогнул, когда загрубелый кадык проскреб по острой стали. Меч стукнулся оземь.

Ярви вскарабкался на ноги, крепко сжимая меч Шадикширрам – острие клинка нацелилось в грудь Хурику.

– Постой, – сказала мать. – Сперва мне ответь. Ты пробыл моим Избранным Щитом девятнадцать лет. Отчего ты преступил клятву?

Хурик сместил взгляд на Ярви. Полный грусти и безысходности.

– Одем объявил, что мальчишка должен умереть – иначе умрешь ты.

– Почему ж ты не убил его не сходя с места?

– Потому, что так повелел Верховный король! – прошипел Хурик. – А слову Верховного короля не отказывают. Я клялся защищать тебя, Лайтлин. – Он отвел назад плечи и медленно прикрыл глаза. – А не твоего сына-калеку.

– Тогда ты свободен от клятвы.

Кинжал сдвинулся самую малость – и Ярви потерял равновесие, когда его щеки оросила кровь. Хурик упал, лицом пропахав дерн, а Ярви стоял с безвольно висящим мечом и пялился на темную лужу, ползущую сквозь траву.

Жар охватил его кожу. В горле застрял вдох. В глазах плясал свет, руки не поднять, пульсировали отбитые ребра. Ему хотелось одного – присесть. Сесть в темноте и плакать.

Убитые и раненые, посеченные клинками и пронзенные стрелами устлали теперь травяную площадку, место детских игр Ярви. Заветные мечи и щиты, наследие знатных родов, повывпадали из безжизненных пальцев и разбитые валялись в кровавой грязи. Двери Зала Богов стояли заперты, возле них собрались люди Ярви – те, кто еще был на ногах. С ними Ральф – лицо в красных натеках, в волосах багровеет рана. Двое громадин-инглингов гулко били топорами, но массивная древесина держалась прочно.

И прислонившись к стволу раскидистого кедра – того, на который Ярви со страху и не пытался залезть, за что брат его нещадно высмеивал, – недвижно сидел Джойд. Его голова была запрокинута, а руки покоились на окровавленной пояснице.

Рядом на коленях стояла Сумаэль. Свесив голову, она выпячивала губы, обнажая клыки. В горсти она сжимала комок кровавой рубахи Джойда, будто пыталась его поднять. Будто пыталась унести в безопасное тепло, как однажды он ее нес. Но теперь нести его было некуда, даже найди она в себе силы.

Некуда, кроме как в Последнюю дверь.

И понял Ярви, что Смерть не сгибается в поклоне пред каждым, пришедшим к ней; не указывает путь, почтительно вздымая руку; не произносит исполненных глубины слов; не отмыкает засовов. Ей не нужен ключ на груди – ибо Последняя дверь вечно открыта. И Смерть, нетерпеливо прикрикивая, гонит туда стадо мертвых, с небрежением к их роду, званию или славе. Гонит очередь, которая все длинней и длинней. Неистощимой, сплошной вереницей.

– Что я наделал? – прошептал Ярви и, колеблясь, шагнул в сторону Джойда и Сумаэль.

– То, что должно. – Хватка материнской ладони на плече оказалась тверже железа. – Не время скорби, сын мой. Мой государь.

Половина ее лица бледнее белого, другая в красных крапинах – самой Матерью Войной выглядела она сейчас.

– За Одемом. – Она сдавила сильнее. – Убей его и верни Черный престол.

И Ярви стиснул зубы и кивнул. Дороги обратно быть уже не могло.

– Хватит! – окликнул он инглингов. – Есть другой путь.

Они опустили топоры и сумрачно уставились на него.

– Матушка, останься с ними. Сторожите дверь, и пусть ни один не уйдет.

– Ни один, покуда жив Одем, – ответила она.

– Ничто, Ральф – соберите дюжину бойцов, и за мной.

Ральф, тяжело дыша, оглядел бойню во дворе цитадели. Раненые и при смерти, хромающие и окровавленные. И Джойд, храбрый Джойд, тот, кто вступился за своего одновесельника, теперь сидел спиной к стволу кедра – ни весла, чтобы толкать, ни мешка, чтобы таскать, ни ободряющих слов больше не будет.

– Найдется ли пригодная дюжина? – прошептал старик.

Ярви отвернулся и двинулся прочь.

– Бери тех, что есть.

Сиденье для одного

– Готовы? – шепнул Ярви.

– Всегда, – отозвался Ничто.

Ральф потянул шею в одну сторону, потом в другую. Кровь чернела на его лице в полумраке.

– Кажись, готовее мне уже не стать.

Ярви втянул полную грудь воздуха, затем надавил увечной ладонью на скрытую щеколду, плечом налегая на дверцу, и вывалился под священные своды Зала Богов.

Сразу перед ним, на тронном помосте, стоял Черный престол – под лучезарными взорами Высоких богов. Над головой, вокруг купола, янтарные изваяния богов малых взирали на жалкие человечьи делишки безучастно, бесстрастно и без малейшего интереса.

При Одеме остался лишь десяток бойцов, да и те в плачевном состоянии. Они собрались на том конце, у дверей, чьи створки слегка покачивались от ударов снаружи. Двое пытались подпереть двери копьями. Двое других смахнули со старинного стола святые дары и волокли его баррикадировать выход. Остальные, опешив, сидели на полу или в замешательстве стояли, не понимая, как могла ватага разбойников захватить врасплох их короля в сердце его собственного бастиона. Неподалеку от Одема мать Гундринг склонилась над раненой рукой хоругвеносца.

– Воины, к королю! – взвизгнул тот, увидев в зале Ярви, и люди Одема тут же построились вокруг повелителя, выставили перед ним щиты и подняли оружие. Кольчужник со стрелой, пробившей лицо, отломил ее не глядя – из щеки остался торчать окровавленный кусок древка. Только что он в полубеспамятстве опирался на меч, теперь же наставил его вихляющий кончик на Ярви.

Ничто вырвался из прохода и подскочил к его левому плечу, Ральф – к правому, те рабы и наемники, в ком оставались силы драться, рассыпались вокруг, оцетинившись острой сталью.

Они обходили Черный престол, спускались по ступеням помоста, брызжа слюной и ругаясь на полудюжине языков. Одем тоже отправил своих людей вперед, пространство меж отрядами сузилось до десяти шагов по каменному полу, затем до восьми, до шести – грядущее кровопролитие нависло тяжелой, грозовой тучей в недвижимом воздухе Зала Богов.

А потом мать Гундринг присмотрелась к Ярви и вытаращила глаза.

– Стойте! – вскричала она, колотя эльфийским посохом по плитам, звонкое эхо ударов отражалось от высоких сводов. – Стойте!

На минуту воины остановились, переглядываясь, рыча, поглаживая клинки, и Ярви обеими ногами прыгнул в узкую щелочку той возможности, что старая служительца для него приоткрыла.

– Мужи Гетланда! – воскликнул он. – Вам известно, кто я! Я – Ярви, сын Атрика! – И единственным пальцем на левой ладони он указал на Одема. – Вон то предательское *существо* попыталось отнять у меня Черный престол, но боги не потерпят на нем самозванца! – Он ткнул себя в грудь. – Государь Гетланда, ваш законный король вернулся!

– Бабья кукла? – плюнул в его сторону Одем. – Половинка короля? Владыка всея убогих калек?

Прежде чем Ярви успел что-нибудь крикнуть в ответ, его схватила за плечо и отодвинула в сторону сильная рука. Ничто шагнул мимо него, отстегивая ремешок шлема.

– Нет, – сказал он. – Законный король. – И снял шлем с головы и швырнул на пол, и тот, звонко гремя, покатился по Залу Богов.

Ничто обрзал свои косматые лохмы до короткой седоватой поросли, начисто сбрил кустистую бороду. Взгляду открылись резкие, безжалостные черты угловатого лица – поломан-

ного и сросшегося тверже прежнего, огрубелого от труда и непогоды, в отметилах и шрамах от боев и побоев. Оборванец, кожа да кости, исчез, и на его месте стоял воин из железа и дуба. Только глаза, голубые и глубоко засевшие в глазницах, были все те же.

В них по-прежнему горел тот самый огонь, на грани безумия. Полыхал как никогда жарко.

И Ярви вдруг потерял уверенность, что за человек сейчас перед ним – тот, с кем он дрался, с кем путешествовал, с кем ночевал. Перестал понимать, что же такое он привел с собой в Гетландскую цитадель, прямо к Черному престолу.

Охваченный внезапным сомнением, Ярви растерянно оглядел зал. Молодые гетландские бойцы по-прежнему непокорно роптали. Но с людьми постарше при виде лица Ничто произошла необъяснимая перемена.

Отвисли челюсти, задрожали клинки, глаза расширились, и на некоторых проступили слезинки. Божба слетала с перекошенных губ. Одем побледнел еще сильнее, чем при первом взгляде на Ярви. Смертной бледностью человека, который зрит гибель сотворенного мироздания.

– Что за колдовство? – прошептал Ральф, но у Ярви не имелось ответа.

Посох эльфийского металла выскользнул из поникших пальцев матери Гундринг и стукнулся об пол. Эхо от удара гасло, перетекая в удушливую тишину.

– Атиль, – негромко ахнула она.

– Да. – И Ничто обратил безумную улыбку к Одему. – Удачно встретились, *братец*.

И стоило этому имени прозвучать, как до Ярви дошло, насколько эти двое мужчин похожи, и мороз пробрал его до кончиков пальцев.

Его дядя Атиль, чье несравненное умение до сих пор с восторгом поминали воины на боевых упражнениях. Чье тело утопленника так и не выбросили соленые воды. Чей курган так и высился пустым над бичуемыми ветром дюнами.

Дядя Атиль стоял за него все эти месяцы.

Дядя Атиль встал сейчас перед ним.

– Это расплата, – сказал Ничто. Сказал Атиль. И сделал шаг вперед с мечом в руке.

– В Зале Богов нельзя проливать кровь! – заголосила мать Гундринг.

Атиль лишь улыбнулся.

– О моя служительница, ничто не любо богам так, как кровь. Где же еще проливать ее, как не здесь?

– Убейте его! – заверещал Одем, всякое спокойствие в его голосе исчезло – вот только никто не бросился выполнять приказ. Никто не проронил даже слова. – Я – ваш король!

Но власть – вещь хрупкая. Медленно, осторожно, словно по воле единого разума, воины одновременно попятнулись и встали полукругом.

– На Черном престоле сидят в одиночку, – промолвил Атиль, зыркнув на пустое кресло на помосте.

У Одема задержались скулы, когда он обвел взглядом мрачные лица обступивших его: своей стражи и головорезов-наемников, матери Гундринг и Ярви, и, наконец, Атиля, столь схожее с его лицом, но пережившее двадцать лет нескочаемых ужасов. Он презрительно фыркнул и сплюнул под ноги брату на священные плиты.

– Значит, так тому и быть. – И Одем, в сердцах оттолкнув оруженосца, выхватил у него свой щит – золоченый, с искристыми драгоценными камнями по краю.

Ральф подал свой щит, но Ничто покачал головой.

– В свой черед пригодится и дерево, но теперь слово за сталью. – И взмахнул клинком – тем самым, обыкновенным, который пронес через просторы и глушь. Отточенная сталь просияла морозным блеском.

– Тебя долго не было, брат. – Одем поднял свой меч, выкованный для отца Ярви, с золотой рукоятью и навершием слоновой кости. По зеркально-гладкому клинку сбегали приносящие удачу руны. – Давай-ка обнимемся.

Он метнулся вперед с таким скорпионьим проворством, что Ярви успел только охнуть и отшатнуться назад, уклоняясь от стремительных движений дяди. Одем хлестнул мечом в выпад, затем снова, вверх, вниз, с придыханием нанося удары, способные разрубить человека надвое. Но каким бы быстрым и смертоносным он ни был, брат был быстрее. Как дымок в бешеный шквал, Атиль порхал, крутился, изворачивался – и светлая сталь кромсала воздух, не наградив его ни одним поцелуем.

– А помнишь, как мы в последний раз попрощались? – спросил Атиль, оттанцовывая в сторону. – В бурю, на носу отцовского корабля? Как я насмеялся над штормом, с верными братьями за спиной?

– Тебя никогда не заботило ничего, кроме своего смеха! – Одем снова напал, рубя слева и справа. Его охрана, стоя настороже, вовремя отступила. Но Атиль откатился невредим, даже не подняв меча.

– За это вы с Атриком и бросили меня в соленые волны? Или ему захотелось отнять мое первородство? Чтоб тебе потом отнять уже у него?

– Черный престол – мой! – Меч Одема превратился в сверкающую дугу над его головой. Но Атиль поймал его своим, и раздался оглушительный звон. Он ухватился за Одемов щит, и на миг дядя Ярви оказались сцеплены вместе, под скрежет клинков. А потом Атиль наклонил плечо и дернул щит вверх – окованный край треснул Одема в челюсть. Атиль крутанул другим плечом и отбросил Одема прочь – стукнув каблуками по камню, тот повалился на стоявших сзади бойцов.

Его оттолкнули, и Одем нырнул за щит, но Атиль просто стоял в центре круга.

– Но я не утонул, хоть мой пустой курган и высится над дюнами. Работоторговцы подобрали меня в море и сделали бойцом в невольничьих ямах. И за все эти годы во тьме, на потеху пьяным от крови животным, я убил девяносто девять человек. – Атиль прислонил к уху палец и на мгновение опять превратился в Ничто. – Иногда я слышу их шепот. А ты слышишь их шепот, Одем?

– Ты спятил! – сплюнул кровавыми губами Одем.

Но Атиль лишь ухмыльнулся шире.

– А иначе-то как? За сотую победу мне посулили свободу, но обманули и продали снова. – Одем обходил его кругом, припав в охотничью стойку, щит поднят, от веса посеребренной кольчуги на лбу выступил пот. Атиль стоял прямо, ничуть не запыхавшись, меч вольготно покачивался в руке. – Я стал рабом-воином, потом рабом-гребцом, а потом... ничем. Дюжину горестных лет я простоял на коленях. Удобное место, чтобы как следует поразмыслить.

– Вот о чем поразмысли! – Одем, отплеываясь кровью, снова напал, вскинулся в ложном выпад и со свистом рубанул под углом. Но Атиль размашисто отразил его меч, и взмах клинка обрушился на каменный пол, высекая искры – Зал Богов наполнило эхо, от которого раскалывались уши.

Одем выдохнул, оступился, потрясенный силой удара, и Атиль шагнул вбок и с ужасающей точностью полоснул его по руке – над щитом, чуть выше инкрустированной гранатами кромки.

Одем взвыл, роскошный деревянный круг соскользнул с поникшей левой руки, и кровь уже закапала на него с обвислых пальцев. Король поднял на Атиля выпученные глаза. – Среди нас троих я был лучшим! Я должен был стать королем! В Атрике не было ничего, кроме жестокости, в тебе – ничего, кроме гордыни!

– Твоя правда. – Атиль посмурнел, бережно обтерев обе стороны меча об рукав. – И за это боги сурово меня наказали. Знал бы ты, Одем, какие они мне преподали уроки! А теперь

они послали меня преподавать кое-что и тебе. Боги возводят в короли не того, кто лучше. А того, кто родился первым. – Он кивнул на Ярви. – И наш племянник был прав по поводу одной вещи. Они не потерпят самозванца на Черном престоле.

Атиль показал зубы и громко прошипел:

– Он – *мой*.

Он прыгнул вперед, и Одем встретил его рычанием. Клинки схлестнулись – раз, другой, быстрее, чем Ярви мог уследить. Третий удар Атиль направил вскользь, понизу, и зацепил ногу брата, когда тот отскакивал назад. Одем снова взревел. Морщась, он обхватил колено и не падал лишь потому, что опирался мечом, как клюкой.

– Перед тобой открывается Последняя дверь, – объявил Атиль.

Одем обрел равновесие, грудь тяжело вздымалась, и Ярви увидел, что серебристая кольчуга на бедре покраснела. Быстро текущая кровь проложила русло от сапога по стыкам между камнями пола.

– Я знаю. – Одем вскинул голову. Из уголка его глаза выкатилась слеза, оставив след на щеке. – Последняя дверь не запиралась за моим плечом все эти годы. – И, полувсхрапнув-полувсхлипнув, он со звоном отбросил меч в темноту. – С того самого дня, с того шторма.

Кровь заложила Ярви уши, когда Атиль высоко поднял меч. Лезвие отразило свет, и острый край клинка засиял холодом.

– Скажи мне только одно... – тихо произнес Одем, не отводя глаз от своей смерти.

На секунду Атиль промедлил. Меч колыхнулся, поплыл вниз. Вопросительно изогнулась бровь.

– Слушаю, брат.

И Ярви увидел, как ладонь Одема сдвинулась, тихонько поползла по спине, пальцы потянулись к рукояти кинжала за поясом. Длинного кинжала с черным эфесом. Того самого, который дядя извлек на крыше башни в Амвенде.

Наш долг – поступать во благо Гетланда.

Ярви одним скачком слетел со ступеней.

Может, он и не показывал чудес выучки на боевой площадке, но как заколоть человека, знал. Он попал Одему под руку, и изогнутое лезвие меча Шадикширрам прошло сквозь кольчугу почти что беззвучно.

– Все, что тебе хочется знать, – прошелестел Ярви у него над ухом, – напоследок объяснит моя сталь! – И, выдернув клинок, отступил.

Одем издал клокочущий полустон. Один пьяный шаг, и он упал на колени. Медленно повернул голову и на мгновение его неверящий взгляд столкнулся со взглядом Ярви.

Потом он опрокинулся набок. И неподвижно замер на священных камнях, у подножия помоста, на глазах у богов, в центре круга воинов, а Ярви и Атиль остались стоять, уставившись друг на друга над его телом.

– Похоже, между нами, племянник, дело не кончено, – сказал его единственный выживший дядя, до сих пор не опуская бровь. – Оставим последнее слово за сталью и в этом вопросе?

Ярви покосился на Черный престол, безмолвно стоящий над ними.

Твердо его сиденье, но тверже ли скамей на «Южном Ветре»? Холоден его металл, но холодней ли снегов на северном краю мира? Больше трон не пугал. Но впрямь ли он столь желанен? Ярви вспомнил отца, как тот сидел на нем – высокий, угрюмый. Мозолистая, в шрамах, рука всегда невдалеке от меча. Верный и любящий сын Матери Войны – таким и нужно быть королю Гетланда. Таков и Атиль.

Изваяния высоких богов пристально следили за ним, словно подталкивая сделать выбор. Ярви переводил глаза с одного каменного лица на другое, а потом глубоко вздохнул. Мать Гундринг без конца повторяла, что Отче Мир прикоснулся к нему, и стало ясно – она была права.

По-настоящему, он никогда не хотел владеть Черным престолом. Так стоит ли за него драться? Стоит ли за него умирать? Ради того, чтобы у Гетланда появилось полкороля?

Ярви разомкнул кулак и выпустил меч Шадикширрам из пальцев. Клинок гроыхнул о камень.

– С меня достаточно мести, – сказал он. – Черный престол – твой.

И, склонив голову, медленно опустился перед Атилем на колени:

– Государь.

Виновен

Гром-гиль-Горм, король Ванстерланда, алчущий крови сын Матери Войны, прошествовал в Зал Богов со своей служительницей и десятью воинами из числа наиболее закаленных в боях. Его громадная ладонь расслабленно покачивалась на рукояти громадного меча.

На его плечах, отметил Ярви, лежала новая накидка белого меха, на здоровенном указательном пальце – новый камень, а трижды обернутая цепь на шее удлинилась на пару звеньев-наверший. Поскольку по приглашению Ярви он совершил кровавую прогулку по Гетладну – видимо, он забрал эти вещи у ни в чем не повинных людей, не иначе как вместе с жизнями.

Но когда сквозь щербатые двери он вошел в дом своего врага, стало ясно – его улыбка превосходит по размерам все прочее. Улыбка завоевателя, чьи замыслы взошли урожаем, все противники прижаты к ногтю, а кости легли вверх нужными гранями. Улыбка первого любимца богов.

А потом он увидел Ярви, стоящего между матерью Гундринг и своей матерью на ступенях престольного помоста – и его улыбка погнулась. А потом он увидел того, кто сидел на самом Черном престоле – и та осыпалась совсем.

Дойдя до середины просторного чертога, до места, где в стыках гладких камней до сих пор бурела кровь Одема, Горм приостановился под сердитыми взглядами гетландской знати.

Потом он почесал макушку и молвил:

– Это не тот король, которого мы ждали.

– Здесь многие с вами согласны, – ответил Ярви. – Тем не менее это – законный король. Король Атиль, мой дядя, наконец возвратился.

– Атиль. – Мать Скейр прошипела сквозь зубы. – Гордый уроженец Гетланда. То-то мне показалось, что я помню это лицо.

– Надо было сообщить мне. – Горм нахмуренно оглядел собравшихся воинов и благородных жен и тяжело, через силу, вздохнул: – У меня невеселое предчувствие, что ты не встанешь передо мной на колени как верный вассал.

– Я настоялся на коленях довольно. – Атиль поднялся, как прежде баюкая меч. Все тот же обыкновенный меч, который подобрал на накренившейся палубе «Южного Ветра» и драил, пока клинок не засиял как луна над студеным северным морем. – Если кому и пристало кланяться, так это тебе. Ты стоишь на моей земле, перед моим сиденьем.

Горм качнулся на пятках и устоялся на носы сапог.

– Казалось бы – так. Но у меня вечно отекают суставы. Вынужден отказаться.

– Жалко. Ну, может статься, я разработаю их своим мечом, когда заеду летом погостить в Вульсгард.

Лицо Горма посуровело.

– О, заверяю, любого гетландца, перешедшего границу, ждет теплая встреча.

– Так чего ж дожидаться лета? – Атиль одну за одной пересчитал ступени и встал на нижнюю – с нее он примерно на равной высоте смотрел в глаза Гром-гиль-Горму. – Сразись со мной прямо сейчас.

От внезапной судороги, зародившейся в уголке глаза, щека Горма затрепетала. Ярви заметил, как побелели костяшки заскорузлых пальцев на рукояти. Воины-ванстерцы быстро прочесали глазами зал. Угрюмые лица гетландских мужей отвердели.

– Тебе стоило б знать, что Матерь Война дохнула на меня в колыбели, – зарычал король Ванстерланда. – Предсказано, что меня не убить ни одному мужу.

– Тогда сразись со мной, псина! – заревел Атиль, зычный голос ударил в стены чертога, и каждый в нем затаил дыхание, словно оно грозило стать последним. Интересно, увидят ли

они, как в Зале Богов умирает второй король за день? Он не отважился бы биться об заклад, который из этих двух.

Затем мать Скейр мягко положила свою тонкую ладонь на Гормов кулак.

– Боги берегут тех, кто бережет себя сам, – прошептала она.

Король Ванстерланда сделал глубокий-глубокий вдох. Его плечи расслабились, он убрал пальцы с оружия и не спеша пропустил их сквозь бороду, как бы расчесываясь.

– А этот новый король – просто грубиян, – сказал он.

– Ага, – сказала мать Скейр. – Вы что, не учили его вежеству, мать Гундринг?

Старая служительница ответила твердым взглядом со своего места подле престола.

– Учила. К тем, кто его заслуживает.

– По-моему, она сказала, что мы – не заслуживаем, – заметил Горм.

– Склоняюсь к тому, что вы правы, – добавила мать Скейр. – Выходит, она и сама грубиянка.

– Вот, значит, как ты выполняешь условия сделки, принц Ярви?

Весь этот зал, полный великих и знатных, некогда выстраивался гуськом, чтобы поцеловать Ярви руку. Теперь, судя по виду, они охотно встанут в очередь, чтобы разорвать ему плотку. Он пожал плечами.

– Я больше не принц, и что я мог – то исполнил. Никто не предвидел такого поворота событий.

– С событиями вечно так, – проговорила мать Скейр. – Не хотят они плыть по каналу, который ты им вырыл.

– Значит, со мной ты биться не будешь? – спросил Атиль.

– Откуда такая кровожадность? – Горм оттопырил губу. – Тебе эта работа покамест в новинку, но со временем ты узнаешь, что король – нечто большее, нежели простой душегуб. Так давайте же нынче весной почтим Отче Мира, пребудем в воле Верховного короля в Скегенхаусе и разомкнем сжатые кулаки. Летом – что ж! – на моей вотчине попробуй испытать окутавшее меня дыхание Матери Войны.

Он повернулся и со свитой из служительницы и воинов прошествовал к дверям.

– Благодарю за обезоруживающее гостеприимство, гетландцы! Будет день, будет беседа! – На мгновение он застыл на пороге, исполинской горой черноты на ярком солнечном свете. – И в оный день я заговорю с вами языком грозы и бури.

Двери Зала Богов захлопнулись.

– Быть может, настанет время, и мы пожалеем, что сегодня его не убили, – промурлыкала мать.

– У каждого свой черед, – проговорил Атиль, по-прежнему баюкая меч, пока усаживался обратно на Черный престол. Он сел на трон по-особому нескладно и просто – у Ярви ни за что б так не вышло. – А нам предстоит заняться другими заботами.

Глаза короля плавно сдвинулись к Ярви, сияя, как в день первой их встречи на «Южном Ветре».

– Мой племянник. Некогда принц, некогда король, теперь же...

– Ничто, – вскинул подбородок Ярви.

В ответ на это Атиль невесело приулыбнулся. Мелькнул мимолетный проблеск того человека, с кем Ярви упорно брел сквозь метель, с кем делился последней коркой, вместе с кем вставал лицом к лицу со смертью. Лишь проблеск – а потом черты короля вновь стали остры как меч и тверды как лезвие топора.

– Ты заключил договор с Гром-гиль-Гормом, – произнес он, и гневный ропот пробежал по залу. *Мудрый король всегда найдет виноватого*, поговаривала мать Гундринг. – Ты призвал в Гетланд нашего злейшего недруга, призвал пожары и смерть.

Ярви не стал отрицать обвинение, даже если бы отрицанием смог перебороть растущую в Зале Богов ярость.

– Честные люди погибли. Чем же, мать Гундринг, велит за это расплачиваться закон?

Служительница перевела взгляд с нового короля на старого ученика, и на локте Ярви крепко сжалась ладонь матери – потому как ответ знали обе.

– Смерть, государь, – хрипло выдавила мать Гундринг, казалось, без сил повиснув на посохе. – Либо, на крайний случай, изгнание.

– Смерть! – заверещал женский голос откуда-то из полутьмы. Визгливое эхо, заметавшись, угасло в каменной, могильной тиши.

Ярви бывал близок к смерти и прежде. Уже не раз она приоткрывала перед ним щелочку Последней двери – а он до сих пор отбрасывал тень. Разумеется, под ее холодным взглядом никому не уютно. Но, как и во многом другом, привычка и практика решали дело. По крайней мере, на этот раз, хоть бухало сердце и горчило во рту, он встречал ее стоя, и чисто звенел его голос.

– Я совершил ошибку! – объявил Ярви. – И не одну. Признаю это. Но я принес клятву! Принес обет пред богами. Клятву Солнцу и клятву Луне. И я не знал иного пути исполнить ее. Отмстить за отца и за брата. Прогнать с Черного престола изменника Одема. И, несмотря на мою скорбь по пролитой крови, я благодарен богам за их милость...

Ярви вскинул голову на богов, затем униженно потупился в пол и покаянно взмахнул руками.

– Ибо законный государь возвратился!

Атиль угрюмо взирал на свою ладонь на матовом металле престола. Небольшое напоминание, что им он обязан замыслу Ярви, – не повредит. Гневный ропот собравшихся вновь всколыхнулся и рос, разбухал до тех пор, пока Атиль не поднял руку, наводя тишину.

– Это правда, что Одем толкнул тебя на этот путь, – сказал он. – Его преступления куда весомее твоих, и ты уже воздал ему справедливую кару. У твоих поступков имелись серьезные причины, и, сдастся мне, хватит здесь смертей. В твоей – правосудия не было б.

Ярви, не поднимая головы, сглотнул с облегчением. Вопреки бедам и горестям последних месяцев, ему нравилось жить. Нравилось больше прежнего.

– Но расплаты не миновать. – И, кажется, глаза Атиля затуманились грустью. – Мне жаль, вправду жаль. Но приговором тебе должно стать изгнание, ибо человек, однажды сидевший на Черном престоле, непременно восхочет завладеть им вновь.

– По мне, он чересчур неудобен. – Ярви поднялся на ступень выше. Он знал, что делать. Знал с тех самых пор, как Одем бездыханным вытянулся на полу и над ним в луче света проступило лицо статуи Отче Мира. В изгнании есть своя прелесть. Быть кем угодно. Никому не обязанным. Но он проскитался очень уж долго. Его дом – здесь, и идти было некуда.

– Мне никогда не хотелось сидеть на Черном престоле. И думать не думалось, что все-таки сяду. – Ярви поднял левую руку и помахал перед всеми единственным пальцем. – Я – не король: ни в чьих глазах, а меньше всего – в своих собственных.

В тишине он склонил колено.

– Я предлагаю иное решение.

Атиль сузил глаза, и Ярви взмолился Отче Миру о том, чтобы дядя сейчас искал способ простить его.

– Тогда говори.

– Позвольте мне поступить на благо Гетланда. Позвольте мне навеки отвергнуть притязания на ваш трон. Позвольте мне пройти испытание на служителя, каким и было мое намерение до смерти отца. Позвольте мне отказаться от семьи и наследных прав. Мое место здесь, в Зале Богов. Не на Черном престоле, но подле него. Явите величие в милосердии, государь, и позвольте мне искупить вину верной службой вам и стране.

Атиль медленно и хмуро выпрямился. А тишина все тянулась. Наконец, король наклонился к служительнице.

– А вы как думаете, мать Гундринг?

– Отче Мир просияет при этом решении, – тихо ответила она. – Я всегда считала, что из Ярви получится превосходный служитель. И считаю по-прежнему. Он проявил себя проницательным, как никто.

– С этим не спорю. – Тем не менее Атиль мешкал и, потирая острый подбородок, обдумывал приговор.

И тут мать выпустила руку Ярви и порхнула к Черному престолу. Шлейф красного платья стелился на ступенях, когда она преклонила колени у ног Атиля.

– Великий король милостив, – прошептала она. – Умоляю, государь: оставьте мне единственного сына.

Атиль покачнулся и распахнул уста, но не промолвил ни слова. При всем своем бесстрашии перед лицом Гром-гиль-Горма, глядя на мать Ярви, он дрогнул.

– Однажды нас с вами обещали друг другу, – сказала она. Сейчас в Зале Богов чье-либо дыхание раскатилось бы громом, но все в этот миг боялись дышать. – Вас сочли мертвым... но боги вернули вас на законное место.

Она тихонько положила руку на его покрытую шрамами ладонь – на подлокотнике Черного престола, – и глаза Атиля приковало к ее лицу.

– Моя сокровенная мечта – исполнить обещанное.

Мать Гундринг придвинулась и приглушенно произнесла:

– Верховный король неоднократно предлагал Лайтлин замужество. Он воспримет это крайне неодобри...

Атиль не взглянул на нее. Его голос грубо проскрежетал:

– Наша помолвка опередила сватовство Верховного короля на двадцать лет.

– Но только сегодня праматерь Вексен прислала нового орла, чтобы...

– Кто сидит на Черном престоле – я или праматерь Вексен? – Атиль, наконец, обратил горящий взор на служительницу.

– Вы, – свой взор мать Гундринг устремила к полу. Мудрый служитель убеждает, льстит, советует, спорит – и подчиняется.

– Тогда отошлите птицу праматери Вексен назад с приглашением на нашу свадьбу! – Атиль перевернул кисть и теперь держал руку матери в своей мозолистой ладони, стесавшейся по форме скобильного бруска. – Ты наденешь ключ от моей казны, Лайтлин, и станешь управлять делами, к которым проявила столько способностей.

– С радостью, – ответила мать. – А мой сын?

Король Атиль долго глядел на Ярви. А потом кивнул.

– Он снова станет учеником матери Гундринг, как прежде. – Так король единым махом показал себя перед всеми одновременно и милостивым, и непреклонным.

Ярви только сейчас выдохнул.

– У Гетланда появился достойный гордости государь, – произнес он. – Я поблагодарю Матерь Море за то, что извергла вас из пучины.

И он встал и проследовал к дверям дорогой Гром-гиль-Горма. В ответ на оскорбления, ропот и глум он улыбался, и вместо того, чтобы по-старому прятать высохшую руку в рукаве, горделиво ею помахивал. По сравнению с рабскими загонами Вульсарда, секущим кнутом Тригга, холодом и голодом нетореных льдов сносить придурочные издевки оказалось не так уж и трудно.

С некоторой помощью обеих матерей, вне всякого сомнения имевших свои причины, Ярви вышел из Зала Богов живым. Снова калекой-изгоем, обреченным на Общину служителей. Там его место.

Он завершил полный круг. Но уходя, был мальчишкой, а возвратился назад мужчиной.

Мертвые лежали на холодных плитах в холодном подскальном подвале. Считать их Ярви не захотелось. Хватает. Вот каким было их число. Урожай его заботливо возвращенных планов. Итог опрометчиво данной клятвы. Лиц нет, лишь бугрятся саваны на носах, подбородках, ступнях. Нанятых матерью головорезов никак не отличить от благородных гетландских воинов. Пожалуй, там, за Последней дверью, разницы и не было.

Однако тело Джойда Ярви признал. Тело друга. Одновесельника. Человека, пробивавшего перед ним тропы в снегу. Чей мягкий голос успокаивал и повторял: «один раз – один взмах», когда Ярви скулил, повиснув на весле. Того, кто принял бой друга как свой, хоть и не был бойцом. Признал, поскольку именно тут стояла Сумаэль и опиралась о плиту стиснутыми кулаками. Трепетное пламя единственной свечи озаряло сбоку ее смуглое лицо.

– Твоя мать подыскала мне место на судне, – сказала она, не полнимая глаз, с непривычной для себя мягкостью.

– Хорошие штурманы всегда при деле, – ответил Ярви. Ведали боги, ему не помешал бы кто-то, указывавший верный путь.

– С первой зорькой мы уходим в Скегенхаус, а потом – дальше.

– Домой? – спросил он.

Сумаэль закрыла глаза и кивнула, слегка улыбнувшись уголочком щербатого рта.

– Домой.

В их первую встречу девушка не показалась ему миловидной, но сейчас – она была истинно прекрасной. Красива настолько, что не было сил отвернуться.

– Послушай, а ты не думала... остаться? – Ярви возненавидел себя за один лишь вопрос. За то, что заставляет отказаться ее саму. Ведь он все равно принадлежит Общине. Ему нечего ей дать. И тело Джойда лежало меж ними – преграда, которую не пересечь.

– Мне надо отсюда уехать, – вымолвила она. – Я даже не помню, кем была.

Он мог бы сказать о себе то же самое.

– На самом деле важно одно – кто ты сейчас.

– И кто я сейчас, едва ли я знаю. К тому же Джойд вынес меня из снегов. – Ее рука судорожно дернулась к савану, но, к большому облегчению Ярви, она не стала снимать покров. – Самое малое, что я могу сделать, – унести его прах отсюда. В его родную деревню. Быть может, даже испить из того колодца. За нас обоих. – Она сглотнула, и по непонятной причине Ярви почувствовал, как внутри него нарастает холодная злость. – С чего б не попробовать самой вкусной воды на всем...

– Он решил остаться сам, – перебил Ярви.

Не поднимая глаз, Сумаэль кивнула.

– Все сами решили.

– Я его не заставлял.

– Нет.

– Ты могла уйти и его забрать, если б сопротивлялась сильнее.

Вот теперь она подняла глаза, но вместо заслуженного гнева в них застыла лишь доля ее собственной вины за случившееся.

– Правда твоя. Мне придется нести этот груз.

Ярви отвел взор, и внезапно его глаза налились слезами. Ряд совершенных поступков и принятых решений, в котором каждое порознь казалось наименьшим злом, каким-то образом загнал его сюда. Станет ли содеянное наибольшим благом хоть для кого-нибудь?

– Ты не возненавидела меня? – прошептал он.

– Я потеряла одного друга и не собираюсь отталкивать от себя другого. – И мягко положила ладонь на его плечо. – Мне не шибко с руки заводить новых друзей.

Он прижал свою ладонь поверх ее, не желая отпускать. Странно, что обычно невдомек, насколько ты в чем-то нуждаешься, пока ты этого не лишился.

– Ты меня не винишь? – прошептал он.

– С чего бы? – Она стиснула его еще раз, на прощание, а потом отпустила. – Ты уж лучше как-нибудь сам.

Под защитой

– Здорово, что ты пришел, – сказал Ярви. – У меня стремительно кончаются друзья.

– С удовольствием во всем поучаствую, – сказал Ральф. – Ради тебя и Анкрана. Я крепко не любил тощагу, пока тот заведовал припасами. А вот под конец, да, подоттаял. – Он ухмыльнулся, изогнулся длинный шов над бровью. – К некоторым привязаться – раз плюнуть, но те, с кем долго сходишься, дольше всех с тобой и останутся. Пойдем прикупим рабов?

И ропот, и хрип, и звон оков звучали со всех сторон, пока товар поднимали на ноги для осмотра. В каждой паре глаз читалась своя смесь стыда и страха, надежды и безнадежности, и Ярви нет-нет, а потирал шрамики на горле, где прежде сидел его собственный ошейник. Смердная вонь заведения обволакивала его воспоминаниями, которые стоило бы забыть навсегда. Невероятно, насколько быстро он снова привык к вольному воздуху.

– Принц Ярви! – Из темноты задворок к ним семенил содержатель дома – крупный мужчина с бледным опухшим лицом, смутно знакомым. Один из вереницы скорбящих, тех, кто стелился перед Ярви, когда отца клали в курган. Сейчас ему снова выпадет возможность попресмыкаться.

– Я больше не принц, – ответил Ярви, – а в остальном вы правы. Вы ведь Йоверфелл?

Торгаш живым товаром раздулся от гордости – его узнают!

– Вестимо, я, и для меня большая честь вас принять! Могу ли поинтересоваться, какого рода рабов изволите...

– Для вас имя Анкран что-нибудь значит?

Глазки торговца мелькнули на Ральфа, тот сурово и недвижно стоял, сунув большие пальцы за перевязь меча с серебряной пряжкой.

– Анкран?

– Давайте я проясню вам память, как вонь от вашего дома прочистила мою. Вы продали человека по имени Анкран, а после вымогали из него деньги за неприкосновенность его жены и дитя.

Йоверфелл прокашлялся.

– Законов я не нарушал...

– Как и я, призывая вас к оплате долга.

Лицо торговца совсем обесцветилось.

– Я ничего вам не должен...

Ярви расхохотался.

– О нет, не мне. Но моя мать, Лайтлин, вскоре опять станет Золотой Королевой Гетланда и хранителем казны... Я так понимаю, ей вы задолжали...

Кадык на морщинистой шее торговца вспучился, пока тот судорожно сглатывал.

– Я ничтожнейший из слуг королевы...

– Я б назвал вас ее рабом. Если продать все, чем вы владеете, это и близко не покроет ваших обязательств перед ней.

– Тогда да, я ее раб, как иначе? – Йоверфелл горько усмехнулся. – Поскольку вы коснулись моих дел, то знайте – именно ради выплат по вкладам вашей матери мне пришлось выжимать поборы из Анкрана. Сам я вовсе этого не хотел.

– Но пренебрегли своими желаниями, – добавил Ярви. – Как благородно.

– Чего вы хотите?

– Для начала – женщину и ребенка.

– Пожалуйста. – Не поднимая глаз от земли, торговец ушаркал назад, в темноту. Ярви посмотрел на Ральфа – старый воин вскинул брови. Вокруг молча хлопали глазами рабы. Один, показалось Ярви, даже улыбнулся.

Он сам не знал, что рассчитывал увидеть. Несравненную красоту, или сногшибательную грацию, или что-то иное, разящее в сердце и наповал. Но семейство Анкрана оказалось самым обычным. Как, разумеется, и большинство людей – для тех, кто с ними не знаком. Мать была невысокой и тоненькой и держала голову с непокорством. Сын, с волосами песчаного цвета, как у отца, все время глядел только вниз.

Йоверфелл подвел их ближе – взволнованный, он нервно щипал свои пальцы.

– В полном здравии, обихоженные, как и обещано. Само собой, вам в подарок, с моим огромным восхищением.

– Восхищение можете у себя оставить, – произнес Ярви. – А теперь собирайтесь и перевозите свое заведение в Вульсгард.

– Вульсгард?

– Ага. Там работоторговцев полно, будете с ними как дома.

– Но почему?!

– Там вы станете приглядывать за тем, как идут дела у Гром-гиль-Горма. Знай дом врага лучше собственного, вроде бы так говорится.

Ральф в подтверждение зарычал, немного выпятил грудь и сдвинул пальцы на перевязи.

– Будет так, – произнес Ярви, – либо вас продадут вместе с вашим же товаром. Как считаете, почему вас возьмут?

Йоверфелл прочистил горло.

– Начну готовиться к отъезду.

– Да побыстрее, – добавил Ярви и, уходя прочь от здешнего смрада, приостановился и закрыл глаза на ветру.

– Вы... будете наш новый хозяин?

Жена Анкрана стояла рядом, просунув под ошейник палец.

– Нет. Меня зовут Ярви, а это Ральф.

– Мы были друзьями твоего мужа, – сказал Ральф, встопорщив малышу волосы, отчего тот заметно вздрогнул.

– Где? – спросила она. – Где Анкран?

Ярви замаялся, соображая, как сообщить ей печальную весть, какие слова подобрать...

– Мертв, – просто рубанул Ральф.

– Прости, – добавил Ярви. – Он погиб, спасая мне жизнь, и, даже как по мне, прогадал с этим обменом. Но вы свободны.

– Свободны? – пробормотала она.

– Да.

– А я не хочу свободу. Я хочу быть под защитой.

Ярви растерянно заморгнул, а потом его рот перекосило печальной улыбкой. Он и сам никогда не хотел большего.

– Что ж, полагаю, служанка мне не помешает, коли ты готова к такой работе.

– Всегда только ею и занималась, – ответила та.

У кузнечной мастерской Ярви остановился и кинул монету на заваленные корабельным инструментом козлы. Одну из первых монет нового сорта – ровный кружок с выбитым на одной стороне суровым ликом его матери.

– Раскуйте им ошейники, – велел он.

Семейство Анкрана не благодарило его за свободу, но звон молота по зубилу был для Ярви достаточной благодарностью. Ральф наблюдал за работой, поставив ногу на низкую оградку и сложив на колене руки.

– Слабовато разбираюсь я в вопросах добродетели.

– Кто бы в них разбирался.

– Но это, по-моему, добрый поступок.

– Никому не рассказывай, а то меня уважать перестанут. – Какая-то старуха на том конце площади сверлила Ярви ненавидящим взглядом. Он помахал в ответ и улыбнулся – и та торопливо поковыляла прочь, бормоча под нос. – Кажись, я стал нашим местным злодеем.

– Если жизнь меня чему и научила, так это тому, что злодеев нет. Есть только люди, старающиеся сделать как лучше.

– Мое как лучше навлекло одни беды.

– Все могло выйти гораздо хуже, – Ральф свернул трубочкой язык и сплюнул. – Вдобавок ты молод. Старайся еще. Глядишь, по новой получится поприличнее.

Ярви с интересом сощурился на старого воина:

– Где это ты понабрался мудрости?

– А я всегда был необычайно зорким, просто тебя слепило сияние собственного ума.

– Порок всех королей. Надеюсь, я вполне молод, чтобы успеть научиться и скромности.

– Кому-то из нас скромность не повредит.

– А ты чему посвятишь свои преклонные годы? – спросил Ярви.

– Намедни, по случаю, великий владыка Атиль предложил мне местечко в своей личной страже.

– Потянуло запашком почестей! Ну ты как, согласился?

– Я сказал ему – нет.

– Да ладно?

– Почести – приманка для дураков. А во мне зудит чувство, что Атиль из тех хозяев, чьи слуги постоянно будут идти в расход.

– Ты на глазах все мудрее и мудрее.

– Еще недавно мне казалось, что моя жизнь кончена, но раз она началась опять, нет смысла стремиться ее укорачивать. – Ярви покосился на него и увидел, как Ральф косится в ответ. – И я подумал, вдруг да пригожусь своему одновесельнику?

– Мне?

– Разве однорукий слугитель и разбойник, на пятнадцать лет переживший золотые годы, не добьются вместе всего, чего пожелают?

С последним ударом ошейник распался надвое, и сынишка Анкрана встал, растерянно потирая шею. Его мать подняла его на руки и поцеловала в волосенки.

– Я не остался один, – прошептал Ярви.

Ральф прижал его к себе и стиснул в сокрушительном объятии.

– Пока я жив – не останешься, одновесельник.

Мероприятие проводили с размахом.

Многие владетельные дома Гетланда придут в ярость от того, что новости о возвращении короля Атиля доберутся до них уже после того, как отгремит его свадьба, и им не удастся блеснуть величием на событии, которое поселится в людской памяти надолго.

Несомненно, и всемогущий Верховный король на троне в Скегенхаусе, и праматерь Вексен у него под боком не возликуют от таких новостей – что не преминула отметить мать Гундлинг.

Но мать Ярви отмела мановением руки все возражения и сказала:

– Их гнев для меня – пыль. – Лайтлин вновь стала Золотой Королевой. Раз она сказала – значит, дело, почитай, сделано.

И вот изваяния в Зале Богов украсили гирляндами из весенних первоцветов, к Черному престолу навалили целую кучу роскошных свадебных подарков, и народу под куполом набилось, что овец в хлеву на зимовке, – пространство подернулось сизым туманом их дыхания.

Благословенная чета пропела обеты друг другу пред ликами богов и людей, лучи солнца с потолка высекали пламя на глянце доспехов короля и вгоняющих в оторопь драгоценностях

королевы – и все гости рукоплескали, несмотря на то что, по мнению Ярви, голос Атиля никуда не годился, да и материн был не намного приятнее.

Потом Брюньольф прогудел самое замысловатое благопожелание, кое только слышали стены этого святого места, пока мать Гундринг, как никогда нетерпеливо, приваливалась на посох. И, наконец, все городские колокола исторгли из себя веселый лязг.

О день женитьбы – день веселья!

Да и как Атилию не быть довольным? Ему достался Черный престол, да впридачу женщина, желанная для любого мужчины, – сам Верховный король положил на нее глаз. Как Лайтлин не быть в восторге? На ее цепочке снова висел ключ от казны всего Гетланда, и всех жрецов Единого Бога выволокли с ее монетного двора и, хворостинами прогнав через Торлбю, вышвырнули в море. Как не ликовать жителям земли Гетской? У них теперь есть король из железа и королева из золота – властители, которым можно верить, которыми можно гордиться. Властители, пускай и без певческого дара, зато, по крайней мере, с обеими руками.

Наперекор всеобщему счастью, хотя отчасти и по его причине, Ярви наслаждался свадьбой матери едва ли больше, чем отцовскими похоронами. На том событии ему приходилось присутствовать поневоле. А если кто-нибудь и заметил, как он украдкой покинул это, то наверняка не огорчился. Погода, стоявшая снаружи, скорее соответствовала его настрою, нежели аромат бутонов внутри теплого храма. Сегодня над серыми морскими водами бушевал ветер-искатель. Он стenal в крепостных бойницах и сек лицо солеными брызгами, пока Ярви брел по стертým ступеням и вдоль подвесных мостков.

Он увидел ее издалека, на крыше Зала Богов, тонюсенькое платьe под дождем липло к телу, ветер хлестал разметающимися волосами. Он заметил ее вовремя. И мог бы пройти мимо и поискать другое место, откуда вдосталь нагляделся бы на хмурое небо. Но ноги сами понесли его к ней.

– Принц Ярви, – бросила она, когда он приблизился, зубами выковыривая из-под ногтя откушенный заусенец и сплевывая его на ветер. – Вот так честь.

Ярви вздохнул. За последние дни он уже утомился отвечать одно и то же.

– Я не принц, больше не принц, Истриун.

– Не принц? Ваша мать опять королева, верно? На ее цепи ключ от казны Гедланда, так? – Ее побелевшая рука, блуждая, потянулась к груди, где уже не висело ни ключа, ни цепи – ничего больше не было. – Если сын королевы не принц, то кто он тогда?

– Калека-дурачок? – пробормотал он.

– Таким вы были, когда нас помолвили, таким навсегда и останетесь. Про дитя изменника и упоминать не стоит.

– Выходит, у нас с тобой полно общего, – огрызнулся Ярви и тут же пожалел об этом, видя, как побледнело ее лицо. Сложись все чуточку иначе, и это их пару, во славе и блеске, превозносили бы сейчас там, внизу. Он – на Черном престоле, она – рядышком, на сиденье королевы, и в сиянии глаз она бы нежно прикоснулась к его иссохшей руке, а потом крепкий поцелуй соединил бы их – ведь она просила его по возвращении из набега поцеловать как следует...

Но случилось то, что случилось. Сегодня не придется ждать поцелуев. Ни сегодня, ни потом, никогда. Он повернулся к наливающемуся тяжестью морю, уперев кулаки в каменный паранет.

– Я пришел сюда не ради ссоры.

– Ради чего ж вы пришли?

– Наверно, мне надо тебе сказать, раз мы... – Он скрипнул зубами и опустил взгляд на увечную руку, белую на мокром камне. Раз мы – что? *Были помолвлены? Когда-то что-то значили друг для друга?* Он не смог произнести это вслух. – Я уезжаю в Скегенхаус. В Общину, проходить испытание. У меня не будет ни семьи, ни наследных прав, ни... жены.

Ветер унес ее смех.

– У нас точно полно общего. У меня нет ни друзей, ни приданого, ни отца. – С этими словами она обернулась к нему и от ненависти, бурлящей в ее глазах, у него подкосились ноги. – Его тело утопили в болоте.

Наверно, Ярви полагалось обрадоваться. Он долго об этом молил, видел во снах, и всю свою волю направлял к этой лишь цели. Ради нее сломал все, что мог, принес в жертву и друга, и дружбу. Но глядя на красные, запавшие глаза на измученном лице Исриун, он не почувствовал вкуса победы.

– Я сожалею, поверь. Не о нем – о тебе.

Ее рот презрительно скривился:

– И что, по-твоему, мне с твоей жалости?

– Ничего, но мне и правда жаль. – И он убрал руки с парапета, повернулся спиной к своей нареченной и поплелся к ступеням.

– Я дала клятву!

Ярви застыл. Ему страшно хотелось покинуть эту злополучную крышу и никогда сюда не возвращаться, но сейчас у него встали дыбом волосы на загривке, и, вопреки желанию, он обернулся.

– Э-э?

– Я поклялась пред луною и солнцем. – Глаза Исриун на бескровно-белом лице засверкали, и ветер хлестнул прядью ее мокрых волос. – Поклялась перед Той, Кто Рассудит, и Тем, Кто Запомнит, и Той, Кто Затягивает Узлы. Я призвала в свидетели предков, покоящихся у моря. Призвала Того, Кто Узрит, и Ту, Кто Записывает. И призываю в свидетели тебя, Ярви. И клятва станет на мне – оковами, во мне – стрекалом. Я отомщу убийцам моего отца. Такова моя клятва!

Потом она перекошенно улыбнулась. Злой насмешкой над той, прежней улыбкой – которая осияла его в день их помолвки на пороге Зала Богов.

– Как видишь, женщина способна на ту же клятву, что и мужчина.

– Способна, если она такая же дура, – бросил Ярви, отвернувшись и ступая прочь.

Меньшее зло

Мать Солнце улыбалась, даже закатившись в подмирье, в тот вечер, когда брат Ярви вернулся домой.

Этот день гетландцы объявили первым днем лета: коты нежились на теплых крышах Торлбю, морские птицы лениво перекликались друг с другом, легкий ветерок разносил привкус соли по крутым городским улочкам, свободно проходя сквозь открытые окна.

А также сквозь дверь покоев матери Гундринг, когда увечная рука Ярви наконец справилась с неподатливой защелкой.

– Встречайте блудного скитальца, – проговорила старая служительница и отложила книгу, вздув облачко пыли.

– Мать Гундринг, – Ярви отвесил низкий поклон, протягивая ей чашку.

– И ты опять приносишь мне чай. – Она закрыла глаза и вдохнула ароматный пар, пригубила, глотнула. Морщинистое лицо прорезала улыбка, при виде которой Ярви всегда исполнялся заслуженной гордости. – Без тебя многое шло не так.

– По крайней мере, вам больше не придется страдать без чая.

– Значит, испытание пройдено?

– Разве вы сомневались?

– Кто-кто, но не я, брат Ярви, не я. Однако при тебе меч. – Она насупленно уставилась на клинок Шадикширрам в ножнах, пристегнутых у бедра. – Большинство ударов подвластно отразить доброму слову.

– Я держу его для оставшихся. Он напоминает мне, через что я прошел. Служитель – Отче Миру родня, но и Матери Войне – знакомец.

– Ха-ха! Верно, верно. – Мать Гундринг указала на стул по другую сторону очага. Тот самый, на котором Ярви так долго просиживал: увлеченно внимал рассказам матери Гундринг, изучал чужеземные языки, учился истории, свойствам растений и надлежащему обхождению с королями. Неужто и в самом деле прошли лишь считанные месяцы с тех пор, как он в последний раз тут сидел? Казалось, все это было в каком-то совершенно ином мире. Во сне.

И теперь он проснулся.

– Я так рада твоему возвращению, – сказала мать Гундринг, – и не из-за одного только чая. Нас с тобой в Торлбю ждет большая работа.

– По-моему, нашим гетландцам я не по нраву.

Мать Гундринг отмела это пожатием плеч.

– Да они уже все забыли. У народа короткая память.

– Долг служителя – помнить.

– А также врачевать, давать советы, говорить правду и ведать тайные пути; стремиться к меньшему злу и выбирать наибольшее благо; на всех наречиях торить дорогу для Отче Мира; вить старинные сказания.

– Разрешите мне поведать вам одно сказание?

– О чем же твое сказание, брат Ярви?

– Мой рассказ о крови и об обмане, о золоте и убийстве, о власти и об измене.

Мать Гундринг расхохоталась и снова глотнула из чашки.

– Вот такие предания мне по душе. А эльфы там будут? Драконы? Тролли?

Ярви покачал головой.

– Для воплощения в жизнь любого зла хватает и просто людей.

– И снова верно. Ты услышал эту историю в Скегенхаусе?

– Отчасти. Я начал трудиться над ней довольно давно. С той самой ночи, когда умер отец.

И, на мой взгляд, она готова от начала и до конца.

- Зная твои таланты, сказание наверняка получилось захватывающим.
- Оно проберет вас до дрожи, мать Гундринг.
- Начинай же!

Ярви придвинулся ближе и поглядел на языки пламени, потирая скрюченную кисть большим пальцем. Он разыгрывал свой рассказ в уме раз за разом сразу после того, как прошел испытание, отказался наследовать своему дому и был принят в Общину. Сразу, как только поцеловал в щеку праматерь Вексен, посмотрел ей в глаза – горевшие ярче и голоднее прежнего – и понял всю правду.

- Вот только я не знаю, с чего начать.
- Пусть сказание строится постепенно. Давай начнем с подоплеки.
- Добрый совет, – заметил Ярви. – Впрочем, иных я от вас и не слышал. Итак... жил-был

Верховный король, старый-престарый, вместе с праматерью Общины служителей, тоже далече от юной поры. Они ревностно держались за власть, как часто бывает с людьми могущественными, и из своего Скегенхауса частенько поглядывали на север. И там они видели угрозу своему владычеству. Угрозу не от великого мужа, орудующего железом и сталью, но от не менее великой женщины, вершащей дела серебром и золотом. От Золотой Королевы, которая замыслила чеканку единовесных монет, чтобы ее лик стал обеспечением каждой торговой сделки на всем море Осколков.

Мать Гундринг откинулась в кресле, морщины на лбу углубились, пока она обдумывала услышанное.

- В этом сказании есть отголосок правды.
- Таковы лучшие из легенд. Вы меня этому научили. – Теперь, когда он уже начал, слова потекли сами собой. – Верховный король и его служитель увидели, что купцы покидают его причалы ради пристаней северной королевы, и доходы их съеживаются от месяца к месяцу, и вместе с ними увядает их власть. Им пришлось действовать. Но стоит ли убивать женщину, извлекающую золото из воздуха? Ни в коем случае. Ее муж чересчур горд и гневлив, чтобы вести с ним дела. Так убить его, сбросить королеву с высокого насеста и пригреть под своим крылом – пускай добывает золото уже для нас. Таков был их план.

– Убить короля? – пробормотала мать Гундринг, пристально изучая Ярви поверх ободка чашки.

Он пожал плечами.

- Подобные предания часто начинаются с этого места.
- Но короли осторожны и под надежной охраной.
- А этот в особенности. Им понадобилась помощь кого-то, кому бы он доверял. – Ярви снова придвинулся, на лицо пахнуло теплом очага. – И вот они втолковали бронзовокрылому орлу послание. Король умрет. И отправили его служителю этого короля.

Мать Гундринг сморгнула и осторожно проглотила чай.

– Непросто решиться дать служительнице такое задание – убить человека, которому та присягнула на верность.

- А не присягала ли та на верность заодно и Верховному королю со своею праматерью?
- Все мы давали такой обет, – прошептала мать Гундринг. – И ты – среди нас, брат Ярви.

– Ох, я-то и шагу не ступлю, не затронув той или иной клятвы: понятия уже не имею, какую из них предпочесть. Эта служительница столкнулась с той же бедой. Но хоть король и восседает между богами и людьми – Верховный-то король сидит между богами и королями. А попозже, если получится, усядется и повыше. Она знала – тот не примет отказа. И вот служительница подготовила план. Поменять короля на куда более разумного братца. Убрать наследника, с которым одни хлопоты. Обвинить во всем давнего недруга с крайнего севера, куда люди цивилизованные не забредают и мысленно. Сообщить, что от другого служителя прилетел голубь с предложением мира, и завлечь своего вспыльчивого государя в ловушку...

– Возможно, то было меньшим злом, – возразила мать Гундринг. – Возможно, будь по-иному, и Матерь Война распростерла бы кровавые крыла по всему морю Осколков.

– Меньшее зло и большее благо. – Ярви сделал долгий вдох – глубоко в груди, кажется, кольнуло, и он подумал о черных птицах, что пилились из клетки сестры Ауд. – Только у того служителя, который якобы виновен во всем, не бывает голубей на посылках. Только вороны.

Мать Гундринг замерла, не донеся до рта чашку с чаем.

– Вороны?

– Очень часто из-за ничтожного упущения великий замысел целиком рассыпается в прах.

– Беда с этими мелочами. – Зрачок матери Гундринг дрогнул, когда она опустила глаза на чай и сделала длинный глоток. Потом они какое-то время сидели молча, лишь уютно потрескивало пламя да порой из очага вырывалась редкая искорка.

– Не сомневалась я, что в свое время ты распутаешь этот узел, – проговорила она. – Но не настолько скоро.

Ярви усмехнулся.

– Не до того, как погибну в Амвенде.

– Не по моей воле, – сказала старая служительница. Та, что всегда была ему вместо матери. – Ты должен был отправиться на испытание, отказаться от наследования и в свое время занять мое место, как было нами обговорено. Но Одем мне не верил. Он слишком решительно взялся за дело. И я не смогла помешать твоей матери возвести тебя на Черный престол.

Она горько вздохнула.

– И праматерь Вексен непременно была бы довольна подобным исходом.

– И вы позволили мне ступить прямо в Одемов капкан.

– Сожалея всем сердцем. Я рассудила, что так причину наименьшее зло. – Она отставила от себя пустую чашку. – Так чем же заканчивается сказание, брат Ярви?

– Оно уже окончено. Сожалею всем сердцем. – Он посмотрел сквозь пламя прямо в ее глаза. – Увы, отныне – отец Ярви.

Старая служительница нахмурилась – сперва на него, потом на чашку, которую он ей поднес.

– Корень черного языка?

– Я дал клятву, мать Гундринг. Клятву отмщения убийцам отца. Пускай я и полумужчина, но клятву я исполню целиком.

Тут огненные завитки в очаге мигнули и встрепенились, озаряя оранжевыми бликами пузырьки и склянки на полках.

– Твой отец и твой брат, – натянуто проскрипела мать Гундринг. – Одем и его люди. И так много прочих. А теперь Последняя дверь открывается предо мной. И все... из-за каких-то монет.

Она открыла рот и покачнулась, заваливаясь на очаг. Ярви вскочил и осторожно поддержал ее под руку своей левой, а правой пододвинул подушку и бережно усадил обратно в кресло.

– Похоже, монеты – самое убийственное оружие.

– Мне так жаль, – прошептала мать Гундринг. Ее дыхание становилось прерывистым.

– И мне. Никому не жаль так, как мне, – обойдите весь Гетланд.

– Лукавишь. – Она едва улыбнулась, слабая. – Из тебя, отец Ярви, выйдет отличный служитель.

– Буду стараться, – промолвил он.

Она не ответила.

Ярви с трудом втянул воздух, и прикрыл ей веки, и сложил ее иссохшие руки, и в тошноте, в измождении, обмяк на своем стуле. Так он и сидел, когда с грохотом распахнулась дверь и фигура входящего запнулась о порог, задевая связки сухих растений, закачавшихся, словно висельники.

Один из юных воинов, новичок в дружине, сам едва закончивший испытания. Еще моложе, чем Ярви, – свет очага полз по его безбородому лицу, когда тот, медля, ступил в покои.

– Король Атиль просит своего служителя прибыть на аудиенцию, – сказал он.

– Неужто просит? – Ярви сомкнул пальцы здоровой руки на посохе матери Гундринг. На своем посохе: эльфийский металл приятно холодил кожу.

Он встал и выпрямился.

– Передайте государю, что я иду.